

Русская Старина

Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Декабрь
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1884 г.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ДЕКАБРЬ.

1884

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1884 года.

О ПОДПИСКѢ

на ежемѣсячный историческій журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

НА 1885 Г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, **ежемѣсячно**, 1-го числа, книжками въ **12 листовъ**, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Для будущаго 1885 г. имѣются, между прочими, слѣдующіе матеріалы и статьи: Комитетъ изысканія кіевскихъ древностей, проф. *В. Б. Антоновича,* Историко-критическій разборъ польскаго романа Сенкевича: «Богданъ Хмельницкій», *его-же,* Прилуцкій асаулъ Мовчанъ и его записная книжка, *его-же,* Записки львовскаго каноника XVII ст. Юзефовича, переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями *проф. Антоновича,* Андрей Яковлевичъ Стороженко (біо-

фическій очеркъ), *И. В. Стороженка*, Очеркъ исторіи юго-западной Руси по соч. о. С. Качалы, *К. М.*, Романовское староство и судьба его жителей (переводъ съ польскаго), *его-же*, Характеристика южнорусской литературы XVII ст., *Н. Ѳ. Сумцова*, Поѣздка на Запорожье, съ 17 снимками запорожскихъ древностей, *Д. И. Эварницкаго*, Этнографическіе очерки, *В. П. Горленка*, Дунайцы, *А. А. Скальковскаго*, Козацкій полковникъ Богунъ, сподвижникъ Хмельницкаго, историческая повѣсть д-ра *А. І.* (переводъ съ польскаго), Малороссія послѣ 1654 г., историческій очеркъ, *Я. И. Ш.*, Матеріалы для исторіи штунды на юго-западѣ Россіи, *И. Л—ва*, и проч. Сверхъ того окончены будутъ: Путевые очерки Подолія, *К. М.*, Старосвѣтскіе батюшки и матушки, пов. *И. С. Левицкаго*, Смѣна народностей въ южной Руси, *П. Житецкаго*, и Дневникъ *Н. Ханенка*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб**. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* «**Кіевской Старины**», *Кіевъ, Трехъсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА X. 1884 г.

Сентябрь, 1884 г.

Октябрь, 1884 г.

стр.

Ноябрь, 1884 г.

Декабрь, 1884 г.

СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ

ВЪ ИКОНОГРАФІИ СѢВЕРА И ЮГА РОССІИ.

Икона Софіи-премудрости Божіей, не встрѣчающаяся на православномъ востокѣ и неизвѣстная неправославному западу, существуетъ во многихъ церквахъ Россіи, а преимущественно въ тѣхъ, которыя посвящены имени Софіи-премудрости Божіей. Отличаясь нѣкоторыми частностями въ своемъ составѣ, она имѣетъ два главныхъ вида или типа, въ иконахъ *новгородской* и *кіевской*.

Съ *новгородской* иконой Софіи-премудрости Божіей сходны иконы того же имени, находящіяся въ архангельскомъ и вологодскомъ софійскихъ соборахъ. Съ кіевской иконой сего имени сходна храмовая икона тобольскаго софійскаго собора. Всѣ прочія иконы Софіи-премудрости Божіей, находящіяся въ различныхъ храмахъ Новгорода, Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ, представляютъ собою варіанты храмовой иконы новгородскаго софійскаго собора съ разными добавленіями, иногда довольно неудачными. Находя излишнимъ вдаваться въ исчисленіе оттѣнковъ иконы Софіи-премудрости Божіей, измышленныхъ нашими иконниками XVI и XVII вѣка, остановимъ вниманіе на двухъ главныхъ ея видахъ: на храмовыхъ иконахъ новгородскаго и кіевскаго каѳедральныхъ соборовъ.

Въ новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей на первомъ планѣ представляется человѣкообразная фигура юношескаго возраста, подобная ангелу, съ длинными, раздѣленными на двое волосами, спускающимися до плечъ въ видѣ локоновъ, и съ большими крыльями. Вся фигура и ея крылья краснаго или огненнаго цвѣта. Одѣта

она въ царскій хитонъ или саккосъ, съ омофоромъ и бармами поверхъ саккоса; на головѣ ея вѣнецъ съ городами, въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ вверху, а въ лѣвой—свитокъ. Она возсѣдаетъ на византійской подушкѣ золотаго престола, который поддерживается 7-ю столбиками и 4 ножками, ноги ея покоятся на малой круглой подушкѣ. По сторонамъ огнезрачной фигуры, на отдѣльныхъ квадратныхъ подставкахъ, предстоятъ въ наклонномъ положеніи: справа св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на кругломъ дискѣ, держимомъ у груди обѣими руками; съ лѣвой стороны—св. Іоаннъ Предтеча въ власяницѣ и хламидѣ, съ поднятой для моленія правой и съ опущенной внизъ лѣвой рукой, которою онъ держитъ развернутый свитокъ. Надъ головой огнезрачной фигуры, въ маломъ кругѣ, на лучезарной звѣздѣ, поясной образъ Спасителя, который благословляетъ обѣими руками на обѣ стороны. Выше Спасителя, во всю ширину иконы, радуга украшенная рядомъ звѣздъ, а посреди ея—престолъ, на которомъ лежитъ книга; предъ престоломъ скамейка съ приклоненными къ престолу восьми-конечнымъ крестомъ и копьемъ — орудіями Христовыхъ страданій.

Кіевская икона Софіи-премудрости Божіей изображаетъ св. Дѣву съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ. Св. Дѣва стоитъ подъ 7-столпною сѣнью или ротондою на серповидной лунѣ, поддерживаемой облакомъ, подъ коимъ большой амвонъ о 7-ступеняхъ. На первой, нижней ступени амвона написано Вѣра, на 2-й Надежда, 3-й Любовь, 4-й Чистота, 5-й Смиреніе, 6-й Благодать, на 7-й Слава. По ступенямъ того-же амвона стоятъ праотцы и пророки: справа—Моусей, Ааронъ и царь Давидъ; слѣва—Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ, каждый съ символическимъ знакомъ и хартіей въ рукѣ. На 7-столбахъ ротонды, въ кругахъ подъ капителями коринескаго ордена, изображены въ вѣнкахъ эмблемы 7 даровъ св. Духа съ соотвѣтствующими надписями изъ Апокалипсиса. По карнизу сѣни строчная надпись: «*Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмь*». Надъ сѣнію или ротондою изображены въ лучахъ: Богъ Отецъ благословляющій и подъ нимъ св. Духъ, въ видѣ голубя, въ свѣтозарномъ облакѣ. По сторонамъ отъ Бога Отца 7 крылатыхъ ангеловъ, поддерживаемыхъ облаками, справа: Михаилъ, Уріилъ и Рафаилъ; слѣва—

Гавріилъ, Салафіилъ, Іегудіилъ и Варахіилъ съ символическими знаками въ рукахъ.

О новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей имѣется уже довольно полное изслѣдованіе г. Филимонова, помѣщенное въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1874 годъ. Г. Филимоновъ въ своемъ изслѣдованіи 1) говоритъ, что существованіе иконографическихъ элементовъ этой иконы усматривается еще въ XI вѣкѣ и полагаетъ, что новгородская икона Софіи есть одна изъ древнѣйшихъ по составу иконъ въ Россіи и сама собою древнѣйшая редакція иконъ этого имени; 2) признавая эту икону символическою, онъ утверждаетъ, что въ ней олицетворена премудрость въ видѣ *женоподобной фигуры*, иначе сказать богини, а все прочее въ этой иконѣ составляетъ дополненіе, сдѣланное уже въ смыслѣ христіанской церкви для выраженія того, что Христосъ есть божественная премудрость. Что въ составъ новгородской Софіи вошли элементы иконописи XI вѣка, это очевидно для всякаго сколько нибудь знакомаго съ иконописными формами восточной церкви, но гдѣ именно взяты эти элементы и когда изъ нихъ образовалась икона, получившая въ Новгородѣ названіе Софіи-премудрости Божіей,—на этотъ естественный вопросъ у г. Филимонова нѣтъ хотя сколько нибудь близкаго отвѣта. Если-бы эта икона произошла въ XI вѣкѣ или раньше XI вѣка, то по всей вѣроятности она могла бы сохраниться и въ церквахъ восточныхъ, по крайней мѣрѣ могли бы сохраниться о ней какія-нибудь извѣстія у греческихъ или у нашихъ писателей. Но ни иконъ сего рода, ни извѣстій о нихъ не было и нѣтъ до XVI вѣка. Очевидно, что новгородская икона Софіи-премудрости Божіей не изъ древнѣйшихъ иконъ въ Россіи. Что касается происхожденія центральной фигуры на новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей, то, намъ кажется, трудно представить, чтобы кто нибудь изъ христіанъ XI вѣка дерзнулъ изображеніе какой нибудь музы или языческой богини выдавать за ликъ святой, достойный имѣть мѣсто въ храмѣ христіанскомъ. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ была-бы отвергнута на востокѣ, такъ какъ символическія изображенія воспрещены VI вселенскимъ соборомъ, почему воспрещено было даже символическое изображеніе Христа въ видѣ агнца. Несомнѣнно, что икона Софіи-премудрости Божіей впервые стала извѣстной только у насъ въ Россіи,

и первое извѣстіе о ней относится къ 1528 году, когда новгородскій архіепископъ, въ послѣдствіи московскій митрополитъ, Макарій расположилъ въ новомъ порядкѣ иконы иконостаса въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Въ Москвѣ центральная фигура новгородской иконы Софіи, изображающая Спасителя въ видѣ ангела съ крыльями, появляется въ половинѣ XVI вѣка, когда послѣ пожара, опустошившаго московскія церкви, иконники, вызванные митрополитомъ Макаріемъ изъ Новгорода, стали писать въ московскихъ церквахъ иконы въ такъ называемыхъ притчахъ, олицетворяя въ нихъ содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ. Таковыми были изображенія: 1) *Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми,* 2) *Троецкое дѣяніе,* 3) *Почи Богъ отъ дѣлъ своихъ,* 4) *Совѣтъ превѣчный,* гдѣ Господь Іисусъ Христосъ изображенъ возсѣдящимъ на херувимахъ съ крестомъ въ лонѣ Отца; 5) Богъ Саваоѳъ, изливающій изъ сосуда на Христа, стоящаго въ херувимѣхъ на крылѣхъ, 6) *Духъ святый въ видѣ голубя* и 7) о Адамовомъ сотвореніи, гдѣ *Сынъ Божій* представленъ *въ видѣ ангела съ крыльями.* Появленіе такихъ изображеній было новостію для Москвы и произвело даже волненіе въ народѣ подъ вліяніемъ рѣчей дьяка Висковатого. Висковатый «о тѣхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и возмущалъ народъ православныхъ крестьянъ, въ соблазнъ и пополненіе многимъ», утверждая, что иконники «поставили свои мудрованія, толкующе отъ притчъ». Особенно ему казалось несообразнымъ изображеніе Сына Божія въ видѣ ангела съ крыльями. Онъ думалъ даже, не скрывается-ли въ изображеніи Сына Божія *въ видѣ ангела съ крыльями* еретическая мысль, будто Сынъ Божій принадлежитъ къ числу служебныхъ духовъ. Митрополитъ отвѣчалъ Висковатому, что живописцы изображаютъ Сына Божія въ видѣ ангела по пророчеству о немъ Исаіи, который называетъ Его *Ангеломъ велика совѣта, Богомъ крѣпкимъ* и проч., и что они писали по древнимъ образцамъ Аѳона, Греціи, Новгорода.

Ссылка м. Макарія на новгородскіе образцы показываетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь новгородскую икону Софіи-премудрости Божіей, которой не могъ не знать, бывши предъ тѣмъ новгородскимъ архіепископомъ. Если изображеніе Сына Божія въ видѣ крылатаго ангела, которое составляетъ главную фигуру въ новгородской иконѣ Софіи, не было извѣстно въ московской Руси до половины XVI в.,

если появленіемъ своимъ въ Москвѣ оно возбудило даже толки и недоумѣнія; то нѣтъ сомнѣнія, что икона эта не особенно древняго происхожденія. Откуда-же взяты и какъ перешли къ намъ тѣ византійскіе элементы, изъ которыхъ составлена новгородская икона Софіи-премудрости Божіей?

Въ этой иконѣ можно различать двѣ главныхъ части: 1) центральную фигуру въ видѣ огненнаго ангела съ крыльями и 2) дополненія къ ней, состоящія изъ дуги, престола, книги на немъ и изъ двухъ фигуръ, находящихся вправо и влѣво отъ центральной фигуры—Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. То, что составляетъ въ этой иконѣ дополненіе, мы встрѣтили въ описаніи мозаикъ константинопольской Софіи, сдѣланномъ при послѣдней ея реставраціи Зальценбергомъ. Здѣсь сказано: если идти съ запада къ востоку внутри храма св. Софіи, то на дугѣ 2-й пары главныхъ устоевъ представляется медальонъ въ 6-верниковой рамѣ изъ радужныхъ цвѣтовъ, а въ медальонѣ золотой, на низкихъ ножкахъ, столъ подъ синимъ покровомъ, отороченнымъ бѣлой бахромой; на столѣ—золотая книга въ красноватомъ переплетѣ, а поверхъ книги золотой крестъ изъ трехъ перекладинъ, изъ коихъ средняя длиннѣе прочихъ двухъ. По спускамъ дуги, вправо—цѣльная фигура Іоанна Предтечи съ длинными, спускающимися по плечамъ волосами и съ раздвоенной бородой, въ одеждѣ изъ бурой косматой кожи, прикрытой платомъ свѣтлаго цвѣта, перекинутымъ чрезъ плечо; влѣво, на сѣверномъ устоѣ, противъ Іоанна Предтечи—Дѣва Марія съ простертыми впередъ дланьми. Обѣ фигуры представлены въ движеніи къ центру». И такъ здѣсь, на одной изъ аркъ константинопольской Софіи, почти все, чѣмъ обставленъ ликъ огнезрачной крылатой фигуры на иконѣ новгородской Софіи. Недостаетъ только медальона съ ликомъ благословляющаго Спасителя. Но какъ извѣстно, что Спаситель въ этомъ видѣ всегда, въ древности, помѣщался на плафонѣ свода, между дугой конхи и дугой восточной пары устоевъ, и по всей вѣроятности былъ также изображенъ и на плафонѣ константинопольскаго Софійскаго храма, то для цареградскаго иконника интересно было скопировать и этотъ ликъ, чтобы помѣстить его подъ радужной дугой медальона, измѣнивъ только положеніе фигуры Спасителя изъ горизонтальнаго въ прямое. Перенеся все это на доску или на полотно, оставалось еще чѣмъ-

нибудь наполнить пустое пространство въ срединѣ арки. Естественно, въ престолѣ съ книгой на немъ усматривалось изображеніе премудрости Божіей, но златый престолъ и разноцвѣтная дуга вмѣстѣ могли воспроизвести въ воображеніи иконника символическій ликъ, описанный въ 4-й главѣ Апокалипсиса такъ: «*и видѣхъ иного ангела крѣпка, сходяща съ небесе, и дуга надъ главою его яко солнце, и нозѣ его яко столпы огненны* (гл. 10, ст. 1.); *се престолъ стояше набеси и на престолѣ сѣдящъ. И сидяй бѣ подобенъ видѣніемъ камени іаспису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови* (гл. 4, ст. 2). Видѣніе Даніила могло напомнить изографу видѣнный пророкомъ престолъ Ветхаго деньми, *аки пламень огненный* (7, 9), и припомнить ему сродное видѣніе тайновидца Іоанна, которому видѣлся *на облацѣхъ сѣдяй — подобенъ Сыну человѣческому, имѣяй на главѣ своей вѣнецъ златъ* (Апок. 14, 14). Если изографъ знакомъ былъ съ памятниками христіанской древности, то ему могло быть небезъизвѣстнымъ, что на древнихъ христіанскихъ саркофагахъ между фигурами трехъ отроковъ, брошенныхъ въ вавилонскую пещь, помѣщалось четвертое лице, одной рукой благословляющее, а въ другой держащее свитокъ, которое при иллюстраціи красками должно было представляться огненнымъ, какъ отражавшее на себѣ лучи пылавшаго въ пещи пламени. Изографъ стараго времени, безъ сомнѣнія, зналъ церковныя службы, поэтому ему, конечно, также извѣстна была церковная пѣснь праздника Срѣтенія Господня: «На престолѣ *огнезрачнѣмъ сѣдяй* со Отцемъ и божественнымъ Духомъ благоволилъ еси родитися на земли отъ отроковицы, неискусомужныя твоея Матере». Нельзя также думать, чтобы знакомый съ востокомъ и съ иконографіей св. Софіи константинопольской изографъ не зналъ, что Софія, которой посвященъ знаменитый Юстиніановъ храмъ, есть воплощенная премудрость, Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, предвозвѣщенный у пророковъ подъ именемъ *ангела велика совѣта, властелина, Его-же начальство на рамѣхъ Его.* (Иса. 9, 6. 7). Такимъ образомъ у церковнаго изографа могли быть въ виду всѣ элементы, усматриваемые въ деталяхъ центральной огнезрачной фигуры на новгородской иконѣ Софіи—премудрости Божіей, а потому не было ему никакой надобности обращаться къ античнымъ, языческимъ элементамъ для представленія воплощенной премудрости Божіей въ образѣ болѣе выразительномъ, чѣмъ книга на златомъ престолѣ,

находившаяся вверху арки Софійскаго храма. Желая представить эту премудрость въ живомъ, воодушевленномъ образѣ, онъ пользовался не языческими, а библейскими элементами и олицетворилъ ее въ видѣ ангела съ жезломъ въ одной и съ свиткомъ въ другой рукѣ. Такъ какъ чудное отроча, сынъ будущаго вѣка, у пророка называется не только ангеломъ велика совѣта, но и *властелиномъ, княземъ мира, владычество коего на раменахъ Его* (Иса. IX, 6—7) и коего царствованію на престолѣ Давида нѣтъ предѣла; то изографъ, соотвѣтственно сему, облекъ его въ царскую одежду, возложилъ на главу его вѣнецъ, а на плечи царскія бармы и посадилъ на царскомъ, огнезрачномъ престолѣ. Отъ огнезрачнаго престола огненный отблескъ долженъ былъ отразиться не только на фигурѣ возсѣдящаго ангела, но и на близкихъ къ нему ликахъ Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. Шесть ангеловъ, благоговѣйно преклоненныхъ по обѣ стороны стола, на которомъ вверху арки лежитъ книга, обычный символъ премудрости, составляютъ дополненіе картины, которое, вѣроятно, было нѣкогда на той-же аркѣ въ храмѣ Софіи, но не уцѣлѣло до нашего времени. Таково по нашему мнѣнію происхожденіе и таковъ смыслъ новгородской иконы Софіи—премудрости Божіей. Въ центрѣ ея находится не античное, а библейское олицетвореніе премудрости. Это не женское, но и не мужеское лице; это не св. Дѣва, а воплощенная премудрость, Господь Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела новаго завѣта, облеченный аттрибутами царской власти, а рамой этой картинѣ служатъ изображенія, скопированныя съ одной изъ аркъ константинопольскаго храма св. Софіи.—Вопросъ о томъ, когда составлена новгородская икона Софіи, разрѣшается отчасти временемъ самыхъ мозаикъ на 2-й парѣ устоевъ цареградской Софіи. Мозаики эти принадлежатъ императору Іоанну Палеологу (1355—1424 г.). Онъ исправлялъ ветхости Юстиніанова храма и добавилъ въ немъ нѣсколько мозаическихъ изображеній, которыя отличаются отъ древнѣйшихъ VI вѣка мозаикъ менѣе строгими позами фигуръ, меньшимъ совершенствомъ въ ихъ выполненіи и характеромъ самаго шрифта подписей на фигурахъ Божіей Матери и Іоанна, переходящихъ въ скоропись. Подъ фигурой Божіей Матери здѣсь—на спускѣ арки изображенъ и самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ. Слѣдовательно новгородская икона Софіи могла быть составлена не раньше 2-й

половины XIV в. и не позже 1-й половины XV вѣка, въ которомъ Константинополь взятъ турками. Этимъ временемъ, довольно позднимъ въ иконографіи византійской, объясняется и *осьмиконечіе* креста, приклоненнаго къ книгѣ, лежащей поверхъ престола на аркѣ. Изображеніе такого креста имѣется въ Аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ на иконѣ св. апостоловъ Петра и Павла, съ подписью, что икона эта есть приношеніе Андроника, благочестиваго царя Палеолога (1282—1341 г.). Тамъ-же находится большой запрестольный осьми-конечный крестъ, бывшій у насъ въ Россіи не малое время при Иванѣ Васильевичѣ IV и слывшій подъ именемъ креста Константинова, но никакъ не принадлежащій его времени, и который по всей вѣроятности послужилъ поводомъ къ особенному чествованію осьми-конечнаго креста въ сѣверо-восточной Руси, дошедшему у раскольниковъ до порицанія древнѣйшаго креста, четвероконечнаго. Изображеніе апостола Петра съ ключами на андрониковой иконѣ показываетъ достаточно, что какъ эта икона, такъ и изображенный на ней 8-конечный крестъ не чисто византійскаго происхожденія, а составлены подъ вліяніемъ западнаго, италіанскаго искусства. Въ Новгородѣ икона Софіи, какъ сказано выше, была уже въ 1528 году, когда новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ сдѣлано переформированіе иконостаса новгородскаго софійскаго собора и новое размѣщеніе въ немъ иконъ. Но замѣчательно, что новгородская лѣтопись, передавая извѣстіе объ этомъ, не причисляетъ икону Софія къ цареградскимъ иконамъ. Установленіе новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ нарочитаго празденства только въ день Успенія Божія Матери, съ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ новгородскихъ церквей и отмѣной подобныхъ торжествъ съ крестными ходами, бывшихъ дотолѣ во всѣ двунадесятые праздники, послужило въ XVI вѣкѣ основаніемъ считать день Успенія Божіей Матери храмовымъ праздникомъ новгородскаго софійскаго собора и дало поводъ видѣть уже на иконѣ Софіи-премудрости Божіей не ангела, а женскій идеалъ приснодѣвства Божіей Матери. Затѣмъ являются въ Новгородѣ и толкованія Софіи-премудрости Божіей, въ которыхъ говорится, что образъ премудрости Божіей Софіи «проявляетъ собою Пресвятыя Богородицы не изглаголаннаго дѣвства чистоту; имать же дѣвство лице дѣвиче огненно... и надъ главою имѣетъ Христа

и на высотѣ простерты небеса». Детали огневидной фигуры, сидящей на престолѣ, какъ то: царскій вѣнецъ, огненныя крылья, свитокъ, препоясаніе, семь столповъ престола, подножный камень толкуются также въ примѣненіи къ дѣвству вообще и къ дѣвству Пресвятыя Богородицы въ частности. Но въ службѣ Успенію Божіей Матери, совершаемой въ новгородскомъ софійскомъ храмѣ въ этотъ праздникъ, между пѣснями въ честь Успенію Богородицы помѣщено немало стихиръ, въ которыхъ понятіе о Софіи-премудрости Божіей двоится: подъ нею разумѣется то Іисусъ Христосъ— Упостасное Слово Божіе, то Богоматерь въ отношеніи къ тайнѣ воплощенія и своему приснодѣвству.

Кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей г. Филимоновъ усвояетъ позднѣйшее происхожденіе, относя составъ ея лишь къ XVIII в. Положимъ, что древнихъ иконъ, совершенно сходныхъ съ кіево-софійскою, не сохранилось у насъ въ Россіи, и находящаяся нынѣ въ числѣ намѣстныхъ иконъ храмовая икона кіево-софійскаго собора дѣйствительно принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка. Но въ московской Благовѣщенской церкви на Бережкахъ, по сообщенію самаго-же г. Филимонова, до 1849 года была замѣчательная икона Софіи-премудрости Божіей кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго не позже 1707 года, въ которомъ онъ умеръ, сгорѣвшая въ Гуслицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другими древними иконами, собранными туда изъ московскихъ церквей. Совершенно сходная съ кіевскою, храмовая икона Тобольскаго софійскаго собора принадлежитъ XVII вѣку. Сопровождавшій антіохійскаго патріарха Макарія въ 1654 г. діаконъ Павелъ видѣлъ въ кіево-софійскомъ соборѣ храмовую икону Софіи-премудрости Божіей, которая по его описанію, въ главномъ совершенно сходна съ нынѣ находящеюся на томъ-же мѣстѣ. Извѣстно также, что еще раньше сего митрополитъ кіевскій Петръ Могила посылалъ царю Михаилу Ѳедоровичу на благословеніе икону Софіи-премудрости Божіей. Наконецъ, авторъ синодальной рукописи, приводимой г. Филимоновымъ, монахъ Евфимій XVII вѣка, сказавши, что приличнѣе писать св. Софію воплощеннаго Христа Бога, добавилъ: «*якоже и видится пишемый образъ св. Софіи*, по пророчеству мудраго *Соломона, [illegible] имущъ внутрь Христа и столпы седмь и надъ столпами Духъ [illegible] въ голубинѣ образѣ*». Хотя монахъ Евфимій, конечно, имѣлъ при

этомъ въ виду не кіевскую икону, а новгородскія такъ называемыя крестныя иконы Софіи-премудрости Божіей, изъ коихъ одна находится въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а другая въ крестовоздвиженской церкви Юрьева монастыря, а также новгородскую софійскую икону, извѣстную подъ названіемъ «Отрыгну сердце мое»; но замѣчаніе его въ равной мѣрѣ можно относить и къ кіевской иконѣ Софіи. Кромѣ того, архитектурная часть вышеупомянутыхъ новгородскихъ иконъ, а въ особенности крестной, таже, что и въ кіевской иконѣ Софіи; почему эти иконы можно считать особыми редакціями кіевской. Новгородскія иконы отличаются отъ кіевской иконы Софіи только тѣмъ, что на нихъ Спаситель изображенъ не въ лонѣ Богоматери, а на крестѣ, изображеніе Бога Отца вверху св. Духа замѣняется образомъ благословляющаго обѣими руками Спасителя и святые стоятъ группами не по ступенямъ семи-столпной сѣни, а по ея бокамъ, однѣ надъ другими[1]). На иконѣ «Отрыгну сердце мое» есть почти все, что и въ кіевской: только Спаситель представленъ не въ видѣ младенца, а въ совершенномъ возрастѣ, возсѣдающимъ на тронѣ между двумя архангелами, подобно Богоматери на Влахернской иконѣ, и нѣтъ 7-столпной сѣни. Въ особенности замѣчательно, что на послѣдней иконѣ изъ устъ Спасителя ниспадаютъ внизъ на пораженныхъ людей лучи, которые оканчиваются надписью: «людіе предъ тобою падутъ въ сердце врагъ царевыхъ»; ибо нѣчто подобное сему, по описанію діакона антіохійскаго Павла, въ XVII в. было и на кіевской иконѣ св. Софіи, именно: на ней, подъ семи-столпною сѣнію, былъ изображенъ «драконъ, держащій лукъ и стрѣлы, а вокругъ его персіане съ луками и стрѣлами и группа франковъ съ пушками и мушкетами», т. е. было изображено сатанино воинство, воинствующее на церковь. По его же описанію на одной изъ сѣверныхъ дверей кіево-софійскаго собора были изображены Софія и св. Духъ, отъ котораго падаютъ лучи на церковь, и представлена борьба персіанъ съ франками, которые стрѣляютъ изъ пушекъ и мушкетовъ противъ франковъ, вооруженныхъ луками. При такомъ сходствѣ съ кіевской иконой Софіи новгородскихъ иконъ тогоже имени, которыя г. Филимо-

[1]) На иконѣ новгородскаго Юрьева монастыря есть и символы 7-ми даровъ св. Духа, и Вѣра, Надежда, Любовь.

новъ относитъ къ XVI в., надлежало-бы къ тому-же XVI в. причислить и первую изъ нихъ, т. е. кіевскую. Но есть основаніе думать, что кіевская икона Софіи-премудрости Божіей еще древнѣе, потому что входящіе въ составъ ея элементы находятся на иконахъ того-же имени древнѣйшихъ XVI вѣка. Такъ храмъ, украшенный 7 колоннами, съ Богоматерью и Предвѣчнымъ при ней Младенцемъ въ кругѣ, изображенъ на иконѣ Премудрости, принадлежащей графу Уварову [1]) и относящейся къ XV в.; все отличіе ея отъ кіевской иконы состоитъ въ томъ, что храмъ этотъ не въ видѣ сѣни, а въ формѣ древней базилики; въ семи кругахъ, выше главы Богоматери, не 7 даровъ св. Духа, а 7 духовъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ, и Богоматерь не стоитъ, а сидитъ на тронѣ, вправо отъ колоннады. Такъ графу Банти во Франціи принадлежитъ русская икона XV вѣка, содержаніе коей *«Премудрость созда себѣ домъ»*, «зробленная», какъ гласитъ надпись на ней, повелѣніемъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Ивановича Ярославича, пинскаго князя, за которымъ была дочь кіевскаго князя Симеона Олельковича († 1471 г.) [2]). Въ константинопольской патріаршей церкви, на 2-й колоннѣ отъ алтаря, находится поступившая сюда съ Аѳона или изъ константинопольской сербской церкви 1521 года, икона Премудрости, на коей Божія Матерь изображена съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, съ предстоящими ей по правую сторону Соломономъ и Даніиломъ, а по лѣвую Давидомъ и Исаіею, изъ коихъ у каждаго въ рукѣ свитокъ и на свиткѣ Соломона слова: *Премудрость созда себѣ домъ* и проч. Изображеніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, не держимымъ на рукахъ, а только предъявляемымъ міру въ ея лонѣ, было въ употребленіи и на печатяхъ константинопольскихъ патріарховъ, какъ символъ каѳедральнаго ихъ храма Премудрости Божіей, въ центрѣ котораго, на запрестольной стѣнѣ, находилось такое-же мозаическое изображеніе, уцѣлѣвшее до нынѣшняго времени. Такое-же изображеніе употреблялось и употребляется нынѣ на печатяхъ кіевскихъ митрополитовъ, съ добавленіемъ семи-столпной сѣни.

---

[1]) Древности, изд. Моск. археол. общ. Москва 1867 г. сент.—окт.

[2]) Melanges d'Archéologie въ статьѣ г. Филимонова о Софіи-премудрости Божіей.—Вѣстн. древне-рус. искусства, 1874 г. 1—3.

Послѣ этихъ историческихъ указаній на древность главныхъ составныхъ частей кіевской иконы Софіи-премудрости Божіей еще остается открытымъ вопросъ, которая икона этого имени древнѣе, кіевская или новгородская.

На кіевской иконѣ, изображающей Іисуса Христа въ лонѣ св. Дѣвы, выражено воплощеніе Сына Божія. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе въ составъ этой иконы въ томъ видѣ, какъ она была въ XVII вѣкѣ, нужно признать, что въ ней вмѣстѣ съ тайной премудрости, явленной въ воплощеніи Сына Божія отъ Дѣвы, представлено и апокалипсическое видѣніе о борьбѣ сѣмени жены съ дракономъ. Въ Апокалипсисѣ тайновидецъ пишетъ, что въ видѣніи ему показалась на небѣ *«жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Предъ этой женой, которой надлежало родить, былъ драконъ съ 7 головами и съ 9 рогами. Жена родила Сына, которому надлежало пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. Драконъ преслѣдуетъ жену, которая родила Сына, и даны женѣ два крыла, чтобы она летѣла въ пустыню. И вступилъ драконъ въ брань съ прочими отъ сѣмени жены, сохраняющими заповѣди Божія и имѣющими свидѣтельство Христово»* (Апок. XII, 1, 3, 5, 13, 14, 17).

Все сказанное въ этихъ стихахъ 12 главы Апокалипсиса дѣйствительно было на кіево-софійской иконѣ Софіи-премудрости Божіей. Хотя въ нынѣ существующей иконѣ сего имени недостаетъ вѣнца изъ 12 звѣздъ вокругъ главы Богоматери, нѣтъ уже и 7-главаго дракона, но такой вѣнецъ сохранился на древнѣйшей ея копіи—храмовой иконѣ тобольскаго софійскаго собора и въ рельефномъ изображеніи той-же Софіи-премудрости Божіей на окладѣ евангелія, подареннаго кіево-софійскому собору преосвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ, въ 1703 году. Седмиглавый драконъ, какъ выше упомянуто, былъ на кіево-софійской иконѣ ниже 7-столпной сѣни, при обозрѣніи кіево-софійскаго собора въ 1653 г. діакономъ Павломъ. Тотъ-же 7-главый драконъ находился подъ ногами Божіей Матери, изображенной въ видѣ крылатой жены съ младенцемъ въ лонѣ, на кіевской иконѣ Софіи конца XVII в., бывшей въ московской церкви на Бережкахъ.

Итакъ мы приходимъ къ слѣд. заключеніямъ: 1) Ни въ новгородской, ни въ кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей нѣтъ

никакихъ античныхъ элементовъ, заимствованныхъ изъ греческаго или римскаго языческаго міра, и потому отвергаемъ предположеніе, будто центральная фигура въ иконѣ Софіи-премудрости Божіей первоначально была олицетвореніемъ идеи мудрости вообще, въ видѣ дѣвы или музы. 2) Въ новгородской и въ кіевской иконѣ Софіи главное лице есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, воплощенная премудрость Божія, второе лице св. Троицы; разность лишь въ томъ, что на новгородской иконѣ Онъ представленъ въ видѣ ангела велика совѣта, а на кіевской—въ видѣ младенца, покоющагося въ лонѣ св. Дѣвы. 3) Составъ той и другой иконы XVI вѣка, а ихъ элементы принадлежатъ болѣе древнему времени. 4) Кіевская икона Софіи съ младенцемъ Іисусомъ въ лонѣ Божіей матери, стоящей посреди седмистолпной сѣни, образовалась не подъ западнымъ, а подъ библейскимъ вліяніемъ. 5) Сличеніе новгородской иконы Софіи премудрости Божіей съ кіевскою иконою того-же имени нисколько не даетъ повода согласиться съ г. Филимоновымъ, что во время появленія этихъ иконъ, въ XVI вѣкѣ, преобладало православіе на сѣверѣ болѣе, чѣмъ на югѣ Россіи.

П. Л—въ.

ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ
О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМІРА ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЪ.

Бывшій одесскій генералъ-губернаторъ и предсѣдатель одесскаго археологическаго общества князь Воронцовъ предложилъ въ 1839 г. евпаторійскимъ караимамъ (черезъ симферопольскаго губернатора Муромцева) нѣсколько вопросовъ, касавшихся ихъ происхожденія, времени переселенія въ Крымъ и пр. Евпаторійскіе караимы обратились къ своему общественному учителю Аврааму Фирковичу, изучавшему караимскія древности и долго путешествовавшему по Востоку, съ просьбой отыскать у древнѣйшихъ караимскихъ общинъ Крыма рукописи, надгробныя надписи и другіе документы, могущіе служить отвѣтомъ на предложенные вопросы.

Согласно съ этой просьбой, Фирковичъ предпринялъ тогда свое первое путешествіе по Крыму и Кавказу, во время котораго онъ собралъ коллекцію изъ 110 различныхъ документовъ. Въ 1856 году Авраамъ Фирковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Гавріиломъ Фирковичемъ, совершилъ второе путешествіе по Крыму, а въ 1863 году одинъ старшій Фирковичъ—по Востоку.

Плодомъ всѣхъ этихъ путешествій, неутомимыхъ трудовъ, стараній и расходовъ было огромное собраніе рукописей священныхъ книгъ, разныхъ караимскихъ и раввинскихъ писателей, масса приписокъ и снимковъ съ надгробныхъ памятниковъ — неоцѣнимый матеріалъ для исторіи еврейской литературы, библейской хронологіи, семитической палеографіи и древней этнографіи южной Рос-

сіи [1]). Большая часть этого собранія составляетъ теперь собственность С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки и одно изъ лучшихъ ея сокровищъ, особенно восточнаго отдѣла [2]).

Въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1840—41 г., А. Фирковичъ узналъ отъ стараго раввина въ Дербентѣ, что евреи близь-лежащаго села Маржелисъ съ давняго времени скрыли въ южной стѣнѣ своей старой синагоги нѣкоторые историческіе документы; послѣ долгихъ поисковъ, Фирковичу наконецъ удалось открыть въ ноябрѣ 1840 г. пергаменный свитокъ въ 13 вершковъ длины и 3 $^{1}/_{2}$ ширины [3]); на этомъ свиткѣ, составляющемъ теперь собственность Императорской Публичной Библіотеки, находится слѣдующая приписка: [4])

«Когда я пришелъ въ село Тагъ-Базаръ, вблизи Дербента, то нашелъ у Маръ-Іосифа [5]), сына Бахши, текстъ путешествій Іегуды, сына Моисея Мизрахи, скопированный Авраамомъ, сыномъ Симхи Гасфарди, съ приписки къ древнему свитку пятикнижія въ Гамаданѣ. Я скопировалъ (это) для себя въ 5273 г. по сотвореніи (1513 по Р. Х.) во вторникъ, 5-го числа мѣсяца Сиванъ» [6])

Затѣмъ слѣдуетъ приписка вышеупомянутаго Авраама, сына Симхи Гасфарди, слѣдующаго содержанія:

«Я—одинъ изъ вѣрно преданныхъ Израилю [7]) Авраамъ, сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафарадъ (ספרד; Босфоръ, Керчь; см. ниже) въ царствѣ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ Хазаръ, былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 г. по сотворе-

---

[1]) 18 еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма проф. Хвольсона (въ I томѣ Сборника статей по еврейской исторіи и литературы), Спб. 1866 г., стр. 1—2; см. также отчетъ д—ра Штерна.—Записки одес. об. ист. и древ. ч. I, стр. 640—49. Одесса. 1844 г.

[2]) Прилож. къ «Гакармелю». 1863 г., № 24; «День». 1870 г., № 8.

[3]) Хвольсонъ, ibid., стр. 68.

[4]) Обычай писцовъ дѣлать приписки къ переписываемымъ ими книгамъ, какъ извѣстно, существовалъ и у насъ; см. напр. Опис. рук. Румян. муз., л. 721, 725 и 727; Описаніе слав. рук. мос. синод. биб., л. 184.; Опис. рук. Рус. муз., л. 465 и друг. Щаповъ, Рус. расколъ старообряд. Казань, 1859 г., стр. 16, прим. 2; архіеп. Макарія, Истор. рус. церкви, IV, 269.

[5]) Титулъ у евреевъ.

[6]) Хвольсонъ, ibid., стр. 69.

[7]) Подражаніе II книгѣ царствъ, стр. 20, 19.

ніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши, евреи города Матархи (986 г. по Р. Х.) въ то время, когда послѣ князя Рошъ Мешехъ ([illegible]) изъ города Ціовъ (Кіевъ [1]) пришли къ государю нашему, хазарскому князю Давыду, развѣдывать о дѣлахъ религіи—отправленъ имъ (Давыдомъ) въ Персію и Мидію купить для хазарскихъ общинъ старыя ([illegible]) пятикнижія, книги пророковъ и агіографовъ. Въ Эламѣ, т. е. ([illegible]) Испагани, слыхалъ я, что въ Шушанѣ, т. е. Гамаданѣ, находится старый свитокъ пятикнижія; и когда я туда пришелъ, то братья наши, сыны Израиля, показали мнѣ его среди большаго собранія. Въ концѣ свитка написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты, чтобы облегчить обученіе питомцевъ чтенію писанія (св.). Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ, но они на это не согласились. Я скопировалъ упомянутый разсказъ слово въ слово,—такъ какъ я глубоко цѣнилъ слова корректора... Его благочестивыя заслуги да сохранятъ меня, дабы Богъ привелъ меня живаго и благополучно домой, аминь» [2]).

---

1) Нужно замѣтить, что другіе древнѣйшіе писатели иностранцы, упоминающіе Кіевъ, еще болѣе коверкаютъ это имя; такъ напр. Cinamus пишетъ Kiamâ, Дитмаръ--Cuieuwa, Kitawa и Kitana; Адамъ Бремен.—Chiva; другіе пишутъ: Chios, Kiawos, Kujawah, Kuah. (Закревскій. Описаніе Кіева. М. 1868 г., стр. 8).

2) Хвольсонъ, ibid., текстъ и переводъ, стр. 69—71, нѣмец. изданіе, стр. 54; Orient, 1841 г., № 33 (по неточному списку; еврейскій журналъ Гакармель ч. II, № 40, стр. 329 (не вся переписка).

Какъ извѣстно, Святославъ одержалъ рядъ побѣдъ надъ хозарами (Лѣтопись по Лаврен. списку, изд. 1872 г. стр. 83—4) и, какъ обыкновенно выражаются, уничтожилъ хозарское царство. Но это вѣрно только отчасти. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, особенно въ Крыму, отдѣленномъ отъ Кіева, степями и кочевыми народами, хозаре и долго послѣ Святослава существовали, какъ отдѣльный народъ (Гретцъ. Исторія евреевъ, V, 290, изд. 1883 года); Бестужевъ—Рюминъ, Рус. исторія. I, от. II, 79; Карамзинъ, II, 21, прим. 24); это подтверждается словами Нестора: «Жидове хозарстии пріидоша», а также однимъ еврейскимъ источникомъ, приведеннымъ у Гретца (ibid, V, 455); Гретцъ не безъ основанія говоритъ, что хозарскій царственный домъ съ высшей аристократіей бѣжали въ Испанію только въ 1016 (ibid), а можетъ быть еще позже. Это независимое положеніе хозаръ продолжалось даже и послѣ Мстислава Тмутараканскаго, на что есть ясныя доказательства въ нашей лѣтописи (Соловьевъ, II,

Затѣмъ въ свиткѣ слѣдуетъ приписка самаго Іегуды корректора, которая уже не относится къ предмету нашей статьи, и потому мы ее и не приведемъ; замѣтимъ только, что самый подлинникъ, съ котораго Авраамъ, сынъ Симхи, скопировалъ разсказъ Іегуды, тоже отысканъ (въ Дербентѣ) и съ 1864 года составляетъ собственность императорской публичной библіотеки. Противъ подлинности вышеприведенной приписки Авраама, ясно говорящей, что Владиміръ святой отправилъ пословъ къ хозарамъ для испытанія ихъ вѣры, особенно вооружается д—ръ А. Гаркави[1]). Мы намѣрены въ настоящей статьѣ подвергнуть критической оцѣнкѣ *главныя* возраженія Гаркави противъ подлинности этого документа. Мы не беремся окончательно опровергнуть ихъ: вопросъ на столько сложенъ, доказательства неподлинности документа, благодаря замѣчательной эрудиціи Гаркави, такъ хорошо обставлены, что это врядъ ли и возможно сдѣлать въ одной небольшой статьѣ. Мы только желаемъ такъ сказать пошатнуть безусловную *якобы* вѣрность возраженій Гаркави, его будто-бы неопровержимыя доказательства подложности документа[2]).

Главныя возраженія Гаркавы сводятся къ слѣдующему:

1) Всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе, всегда подразумѣвали подъ именемъ Сафарадъ (ספרד) только Испанію[3]).

29; Костомаровъ, Рус. исторія, I, 42) и имѣли самостоятельныя политическія сношенія съ Византіей (Соловьевъ, ibid; Карам. II, 96, прим. 145). Плано-Карпини упоминаетъ еще нѣсколько разъ о хозарахъ (Карам. IV, 44, прим. 4). Объ упоминаемомъ въ нашемъ документѣ князѣ Давыдѣ говорится еще въ одной изъ приписокъ коллекціи Фирковича, приведенной у Хвольсона (ibid., стр. 75), на основаніи которой мы можемъ заключить, что онъ былъ хазарскимъ княземъ еще во время второго похода Святослава (969г.).

[1]) Въ Извѣстіяхъ императорскаго русскаго археологическаго общества, т. VIII, стр. 499—516 и отдѣльно: по поводу извѣстія Авраама Керченскаго; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», ч. CXCII, іюль 1877 г., стр. 98—121; «Разсвѣтъ», 1880 г., стр. 379—380, 417—420 и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія его Altjudische denkmäler aus der Krim. Спб., 1876 г.

[2]) «Если документъ этотъ (Авраама Керченскаго) былъ-бы подлиненъ, то... но мы *неопровержимо* доказали его подложность» (Гаркави, Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ, Восходъ 1882 года, кн. I, стр. 241).

[3]) Гаркави однакожъ допускаетъ, что Сафарадъ пророка Абадія (20) означаетъ Сперь, одну изъ областей Великой Арменіи. Это мнѣніе принадлежитъ Вивь-

2) Слова «[illegible]» Гаркави переводитъ: послы Руси и Москвы, что, по его мнѣнію, уже доказываетъ подложность документа, такъ какъ Аврааму-маръ-Симха въ 986 году не могла быть извѣстна гораздо позже построенная Москва [1]).

3) Въ Кіевѣ и вообще въ южной Руси жили уже тогда евреи и въ отправленіи посольства для ознакомленія съ іудействомъ не было никакой надобности, такъ какъ это было возможно и въ самомъ Кіевѣ [2]).

4) Первоначальный русскій лѣтописецъ, перечисляя народы, къ которымъ были отправлены послы для испытанія вѣръ, не упоминаетъ хозаръ;

5) Такъ, по мнѣнію Гаркави, и должно было быть, такъ какъ евреи получили отъ Владиміра рѣшительный отказъ, когда другіе проповѣдники—только сомнительные отвѣты.

сенъ-де-сенъ-Мартеву, и только какъ существующее предположеніе было приведено въ нашей статьѣ «Родъ Багратуни». Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 135, примѣч. 2.

[1]) Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 г. (Лѣтоп. по ипатск. списку 240, 407). Первый князь московскій—Михаилъ Ярославичъ († 1248 г.); хотя еще въ 1213 г. упоминается въ Москвѣ Владиміръ Всеволодовичъ, а подъ 1237 г. Владиміръ Юрьевичъ, но это скорѣе были временные князья-правители; линія-же московскихъ князей начинается съ Даніила Александровича († 1303 г.). Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, отд. II, стр. 392; Карамзинъ, IV, стр. 66.

[2]) Мы собственно не имѣемъ на это прямыхъ указаній источниковъ, исключая развѣ Татищева (II, прим. 176), который говоритъ: «что же написано (у Нестора) пришли (еврейскіе проповѣдники въ 966 г.), то не можно за то почитать, что оии нарочно для этого изъ хозаровъ пришли, но разумѣй тѣхъ, которые были *Святославомъ* плѣнены, въ Кіевѣ... поселены, которыхъ много было». Это извѣстіе, какъ находящееся *только* у Татищева, конечно требуетъ повѣрки, хотя есть вѣскія доказательства въ пользу его достовѣрности. Къ числу сомнительныхъ доказательствъ существованія еврейскаго населенія въ Кіевѣ въ X в. принадлежитъ такъ-же предположеніе, что Лука Жидята, епископъ новгородскій (1035—1059 г.), былъ еврейскаго происхожденія (Малышевскій. «Труды кіевской духовной академіи», 1878 г. III, 427 и слѣд.), хотя это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Несомнѣнныя доказательства существованія евреевъ въ Кіевѣ относятся къ половинѣ XI в. «Слово о благодати», Иларіона, епископа кіевскаго (1051—1054 г.), очевидно направлено противъ іудейства, какъ силы, пріобрѣвшей въ Кіевѣ значительное вліяніе (см. ниже); сюда-же относится извѣстіе о

У евреевъ старые свитки, какъ *посулъ*[1]), не употребляются уже болѣе для ученія, поэтому сомнительно, чтобы хозарскій князь очень интересовался таковыми, тѣмъ болѣе *древними*—какъ Гаркави (и Хвольсонъ) переводитъ слово подлинника: [illegible]—понятіе, свойственное нашему вѣку съ его музеями и археологическими обществами[2]).

Остановимся на каждомъ изъ этихъ возраженій.

Относительно того, что городъ Керчь въ древности[3]) дѣйствительно назывался: *Сафарадъ*, противъ чего главнѣйшимъ образомъ возстаетъ Гаркави, мы имѣемъ свидѣтельство блаженнаго Іеронима, въ его переводѣ пророка Абадія (20): «плѣненіе-же Іерусалимское, что въ Сафарадѣ наслѣдуетъ города юга»; Іеронимъ слово Сафарадъ переводитъ—Босфоръ (Керчь), прибавляя при этомъ, что такъ ему говорилъ его еврейскій учитель (баръ-Хнина)[4]).

еврейскомъ кварталѣ, особенной части города Кіева, и о спорахъ съ евреями Ѳеодосія Печерскаго (см. ниже), а также о жидовскихъ воротахъ, вѣроятно прилегавшихъ къ еврейскому кварталу (Ипатск. списокъ, стр. 24, 60); они теперь называются львовскими (Закревскій, Описаніе Кіева, стр. 436).

Извѣстіе Татищева (II, прим. 213), будто Владиміръ Мономахъ изгналъ въ 1113 г. евреевъ изъ Кіева, не имѣетъ основанія (Закревскій, ibid., стр. 314: Карамзинъ, II, прим. 219; Соловьевъ, II, прим. 157; Бестужевъ-Рюминъ, ibid., стр. 262, Иловайскій, Русская исторія, кіевскій періодъ, стр. 191; см. еще Гаркави въ журналѣ Гакармель, V, стр. 22—24; Гатцукъ, Сіонъ 1861 г., № 5 и Б. Р. Ц. Матеріалы для исторіи водворенія евреевъ въ Кіевѣ, День, 1870 г., № 21). Костомаровъ, хотя и говоритъ подробно о событіяхъ 1113 года, совершенно игнорируетъ это извѣстіе (Русская исторія въ жизни ея главныхъ дѣятелей, I, стр. 62—64). Хозарскіе-же евреи безъ сомнѣнія жили въ Кіевѣ гораздо раньше, по всей вѣроятности съ того времени, какъ поляне «съдумавше, вдаша (хозарамъ) отъ дыма мечь» (Лавр. списокъ, стр. 7; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, 1879 г., т. II, стр. 103, 80—81).

[1]) Испортившіеся, со стертыми буквами.

[2]) Остальныя возраженія Гаркави направлены противъ *языка* документа и въ сущности весьма слабы и бездоказательны.

[3]) Я не разсматриваю документа съ его положительной стороны, т. е. кому и для чего нужна была эта поддѣлка и возможна-ли она вообще, а такъ-же, для чего фальсификаторъ, человѣкъ во всякомъ случаѣ хорошо изучившій эпоху, вставилъ столько мѣстъ, могущихъ вызвать сомнѣніе.

[4]) Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri. «Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet: quod nescio,

Кромѣ вышеприведеннаго документа (приписки), Сафарадъ въ смыслѣ Керчь встрѣчается еще во многихъ приписках, найденныхъ и обнародованныхъ Фирковичемъ [1]).

Вообще мнѣніе, что Керчь былъ еще прежде извѣстенъ евреямъ подъ названіемъ Сафарадъ, высказано уже неоднократно (о разныхъ названіяхъ Керчи, академика Бруна. Одесса, 1877 г. ст. II) и съ этимъ мнѣніемъ согласны многіе ученые знатоки еврейской исторіи: Хвольсонъ (Ibid. 70, 75), Финъ (Гакармель, II, 341), а извѣстный еврейскій историкъ, профессоръ Гретцъ говоритъ вообще обо всемъ нашемъ документѣ, что «каждое слово его носитъ на себѣ печать неподдѣльности» [2]); наконецъ самъ Гаркави въ своихъ прежнихъ трудахъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и даже защищалъ его [3]).

Все это даетъ намъ полное право заключить, что городъ Керчь дѣйствительно когда-то былъ извѣстенъ евреямъ подъ именемъ Сафарадъ; названіе это могло быть не очень распространено, но безъ сомнѣнія существовало.

Замѣтить надо, что вышеприведенное мнѣніе, будто пророкъ Абадія (20) подразумѣвалъ область Сперъ, очень сомнительно, потому что, хотя она составляла нахарарство еврейскаго рода Багратуни (отъ котораго происходятъ князья Багратіоны), однакожъ не здѣсь, а сѣвернѣе, главнымъ образомъ въ теперешней тифлисской.

cur LXX (отсюда въ славянской библіи «Сарепта») Ephrata transferre voluerint. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudivit, didicimus Bosphorum sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est Regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit» (Opera Hieronymi, ed. Francof. ad Moen. et Lipsiae, apud Christ. Genschium, T. VI, p. 96).

[1]) Еврейскій журналъ Гакармель, годъ III, стр. 6, 53, 61; годъ II, стр. 317, 329 (3 раза, въ документахъ №№ 4, 5 и 6); Хвольсонъ, ibid., стр. 77, 70, примѣч. 2, и друг.

[2]) Geschichte der Iuden, V, стр. 499; русское изданіе, 1883 г., стр. 455; такъ-же отдѣльно о Сафарадѣ-Керчи, ibid., 175.

[3]) «Босфоръ — городъ, развалины котораго лежатъ около Керчи (Босфоръ)... У евреевъ этотъ городъ уже изъ давнихъ поръ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сафарадъ». — Гаркави. Объ языкѣ евреевъ. Вильна, 1867 г. (на еврейскомъ языкѣ), стр. 109, такъ-же 86, 111—112 (въ приложеніяхъ); см. еще его статью въ Гакармелѣ, годъ V, № 31 (IV, № 43).

губерніи была сосредоточена масса еврейскихъ колоній Кавказа [1]. Такъ-же невѣрна догадка, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно оставленная, что пророкъ подразумѣвалъ Испанію, древнѣйшія еврейскія колоніи которой, вообще говоря, болѣе принадлежатъ легендѣ, чѣмъ исторіи. Объ отдаленной-же древности еврейскихъ поселеній сѣвернаго берега Чернаго моря вообще, Крыма въ особенности, мы напротивъ имѣемъ историческія и вполнѣ достовѣрныя извѣстія. Впрочемъ, это только предположеніе.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему аргументу Гаркави, къ аргументу, что одни слова נשיא ראש משך ותבל будто неопровержимо доказываютъ подложность документа: онъ, какъ мы уже сказали выше, переводитъ это мѣсто: послы князя Руси и *Москвы*.

Прежде, чѣмъ приведемъ наше объясненіе этого мѣста документа, остановимся на переводѣ Гаркави. Извѣстно, что выраженіе: נשיא ראש משך встрѣчается нѣсколько разъ у Іезекіиля (XXXVIII, 2, 3; XXXIX, 1) и всегда ставило въ большое затрудненіе разныхъ комментаторовъ, экзегетовъ и новѣйшихъ ученыхъ гебраистовъ. Затрудненіе главнымъ образомъ состоитъ въ словѣ «рошъ»— ראש означающее по еврейски: глава, но могущее быть также и собственнымъ именемъ; принимая первое значеніе, получимъ плеоназмъ (князь глава Мешеха); а если примемъ второе, то гдѣ-же этотъ Рошъ? [2]) Не меньшее затрудненіе представляетъ такъ-же слово «Мешехъ»—משך хотя въ этомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это собственное имя, и въ этомъ смыслѣ встрѣчается въ библіи еще нѣсколько разъ: въ книгѣ Бытія (X, 2), у пророка Іезекіиля (XXVII, 13; XXXII, 26) и въ 6 стихѣ 119 псалма (120 еврейскаго текста) [3]); также у Геродота, III, 94; VII, 78.

Многіе изъ старыхъ комментаторовъ библіи перевели слово Мешехъ—Харасанъ [4]); напримѣръ Ибнъ-Барунъ (VIII вѣка) (еврейск.

---

[1]) См. нашу статью «Родъ Багратуни», Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 128—129, 135.

[2]) Сравни Гаркави, Русь и рус. въ средн. евр. лит., Восходъ, 1881 г., кн. I.

[3]) Мы не остановимся на различныхъ толкованіяхъ слова Рошъ, какъ не относящихся къ предмету нашей статьи, такъ какъ Рошъ нашего документа безъ сомнѣнія означаетъ Русь, съ чѣмъ согласенъ и Гаркави.

[4]) Въ настоящее время провинція Персіи; когда-то составлялъ независимое владѣніе; династія изъ потомковъ Тамерлана. Подъ 1490 г. встрѣчаемъ извѣстіе

журналъ Гамелицъ 1879 г. стр. 500; календарь Гурлянда, годъ 5, стр. 102); Абу-Али-Яфетъ (по арабски Хасанъ, въ X вѣкѣ) (Гамелицъ, Ibid, стр. 22; календарь Гурлянда, Ibid, 104; Восходъ 1882 г. кн. I, 240); Яковъ-бенъ-Реувимъ въ рукописномъ комментаріи къ пророку Іезекіилю, составляющемъ собственность Императорской Публичной Библіотеки (Гаркави Altjudische Denkmäler aus der Crim 280; Гамелицъ, 1879 г., стр. 22) и многіе другіе [1]).

Такимъ образомъ названіе Мешехъ далеко не новость въ научной литературѣ исторіи и въ историческихъ памятникахъ, но никогда, разумѣется, никто и не думалъ объяснить его Москвою. На какомъ-же основаніи г. Гаркави, которому все это было хорошо извѣстно, переводитъ «Мешехъ» нашего документа словомъ Москва, не стараясь даже доказать, что здѣсь не можетъ подразумѣваться что либо другое? [2]) Это, конечно, болѣе чѣмъ странно со стороны такого компетентнаго и осторожнаго ученаго, и должно полагать, что у него были на то свои причины; но тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ возможности удовольствоваться такимъ переводомъ, напротивъ требуется внимательное его разсмотрѣніе, въ результатѣ котораго получимъ, если не столь рѣшительное, то, по крайнему разумѣнію нашему, болѣе близкое къ истинѣ толкованіе [3]).

Г. Хвольсонъ (Ibid, 70 прим.) и Грецъ (Geschichte der Juden V, 499; рус. изд. 83 г., 455) высказываютъ мнѣніе, что Рошъ

о послахъ хорасанскаго (Чагатайскаго) владѣтеля Гусейна къ Іоанну III (Полн. Соб. русск. лѣт., VI, 38; Соловьевъ, V, стр. 128). Основаніемъ такого перевода должно быть служило то, что главный городъ этой провинціи, когда-то знаменитый, называется *Мешедъ*.

[1]) Они сгруппированы въ вышеуказанномъ сочиненіи Гаркави: Altjudische Denkmäler.

[2]) Говоря объ отправленіи Владиміромъ пословъ въ тѣ страны, откуда явились къ нему проповѣдники, Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, стр. 128) прибавляетъ: подтвержденіемъ этого посольства можно считать слѣдующее мѣсто въ свиткѣ, найденномъ г. Фирковичемъ: «я, одинъ изъ вѣрнопреданныхъ Израилю» и т. д. (Ibid., примѣч. 16); по видимо находясь подъ вліяніемъ Гаркави, Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ, что это мѣсто можетъ возбудить *нѣкоторое* сомнѣніе прибавкою слова «Мешехъ», сильно напоминающее Москву.

[3]) Переводъ: Мешехъ — Москва поразительно напоминаетъ нашихъ старыхъ книжниковъ, которые, во славу первопрестольной, всѣ были того мнѣнія, что на

документа нашего означаетъ Русь, Мешехъ-же прибавлено для подражанія извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ св. писанія и никакого значенія не имѣетъ [1]).

Гипотеза эта пожалуй и имѣетъ нѣкоторое основаніе, но остается и всегда останется гипотезой, такъ какъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ болѣе или менѣе осязательныхъ доказательствъ ея достовѣрности [2]).

По нашему мнѣнію это мѣсто имѣетъ совершенно другой смыслъ.

I. Всѣ почти грузинскіе географы и хроникеры сохранили намъ извѣстіе о грузинскомъ Мешехѣ (Мосохѣ [3]); сравненіе ихъ привело изслѣдователей къ заключенію, что здѣсь подразумѣвается сѣверная провинція древней Арменіи, Тайкъ или Мцхетъ (Ахалцыхскій уѣздъ) [4]). Какъ эта, такъ и прилежанція области, и вообще вся Грузія были когда-то густо населены евреями, [5]) и сюда-то, какъ

Москву-то пророкъ Іезекіиль намекалъ своимъ Мосохомъ, и что начало ея относится ко временамъ Мосоха, сына Іафеѳова, противъ чего впослѣдствіи споритъ Татищевъ (Соловьевъ, XII, стр. 260; Карамзинъ II, прим. 301; Забѣлинъ, древности Москвы. Вѣстникъ Европы, 1867 г., I, стр. 385); этотъ способъ толкованія слова Мешехъ встрѣчается и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ еврейскихъ комментаторовъ. Меасефъ Ниддахимъ, №№ 7, 10, 11, 13, 18, 22 и друг.; Объ языкѣ евреевъ, Вильна, 1867 г. Евреи и славянскіе языки, стр. 68—69).

[1]) У старыхъ еврейскихъ писателей (отчасти и у новыхъ) наблюдается вообще манія изукрасить слогъ подражаніями и цѣлыми стихами библіи; мы видѣли, что Маръ Симха начинаетъ приписку подражаніемъ II кн. Царствъ, стр. 20, 21.

[2]) С. Раппортъ предложилъ какую-то поправку въ нашемъ документѣ (Гашахаръ, 1882 г., книга II), но я ничего не могу сказать о ней, такъ какъ у меня теперь нѣтъ этой книжки.

[3]) Картлисъ Цховребъ. Новыя замѣтки на древнія исторія Кавказа и его обит. Шопена, Спб. 1866 г., стр. 197, 225, 250, 237; Страбонъ, XI, стр. 2 и 19; Исторія Агванъ Моисея Каганкатваци, кн. I, глава 29 и 30, переводъ Патканьяна, Спб. 1861 г., стр. 73 и 76 (сравни Паткан. Ibid., стр. 312 и Шопенъ, ibid., стр. 433).

[4]) Положеніе этой провинціи опредѣляется, главнымъ образомъ, по Географіи Моисея Хоренскаго (V столѣтія), см. Исторію Арменіи, Моисея Хоренскаго, переводъ Эмина, Москва, 1853 г., приложеніе, стр. 338.

[5]) Шопенъ, ibid., стр. 160—161, 199, 229, 252, прим. 129; *Хоренскій*, Исторія Арменіи, ibid., стр. 61, 92, 93, 96 (кн. I, гл. 23; кн. II, 14, 16, 19 и 23); ср. также нашу вышеупомян. статью, стр. 128—129, прим.

кажется, относится возгласъ псалмопѣвца (позднѣйшаго, конечно): «горе мнѣ, что живу я въ Мешехѣ» (120, 6).

II. Въ путешествіи рабби Петахіи Регенсбургскаго (во второй половинѣ XII в.) находимъ слѣдующее мѣсто: «цари Мешеха— מלכי משך, по принятіи ими еврейства, обратились къ главѣ еврейскихъ школъ въ Вавилоніи съ просьбой прислать имъ (еврейскихъ) ученыхъ» (Три еврейскихъ путешественника, текстъ и переводъ, Марголина, Спб. 1881 г., стр. 43).

С. Раппортъ, останавливаясь на этомъ извѣстіи Петахія Регенсбургскаго, замѣчаетъ (евр. журналъ Керемъ-Хемедъ, V, 206), что подъ словами «цари Мешеха» подразумѣвается какой нибудь вассальный хозарскій князь [1]). Тоже самое высказываетъ и Хвольсонъ (18 надгроб. памят., 153 и прим. 3), а такъ-же Гаркави (вышеупомянутое изданіе: Евреи и слав. языки, стр. 116) [2]) и англійскій издатель Петахія Регенсбургскго, А Бенишъ.

Если мы теперь допустимъ маленькую поправку въ документѣ, т. е. прибавимъ одну букву—іодъ, которая имѣетъ въ еврейскомъ письмѣ видъ *точки* и слѣдовательно очень легко могла стереться, то вмѣсто единственнаго—נשיא—«князя», получимъ множественное—נשיאי—«князей», что будетъ означать, что послы изъ Руси *и Мешеха* пришли узнать о дѣлахъ вѣры къ хозарскому князю Давыду случайно въ одно время, когда Авраамъ-маръ-Симха былъ отправленъ на востокъ.

Самый фактъ прибытія пословъ изъ Мешеха насъ нисколько не долженъ удивлять, о какомъ-бы Мешехѣ здѣсь ни шла рѣчь—о грузинскомъ-ли, или же о Мешехѣ, о которомъ говоритъ рабби Петахія (если уже допустить, что они не тождественны). Къ хозарамъ, сравнительно недавнимъ прозелитамъ, стекалось много еврейскихъ ученыхъ разныхъ странъ, отчасти по своей охотѣ, для распространенія слова Божія и укрѣпленія вѣры (не всѣ хозары,

---

[1]) Р. Петахія говоритъ объ этомъ не какъ очевидецъ, потому что, какъ извѣстно, хозаре приняли іудейство гораздо раньше (VIII в.) времени его путешествія (XII в.), во время котораго врядъ-ли могли существовать даже остатки независимыхъ хозаръ (см. выше, прим.). Существованіе подвластныхъ хозарскому князю племенъ безспорный фактъ.

[2]) Врядъ-ли, впрочемъ, можно согласиться съ мнѣніемъ Гаркави (ibid.), что Мешехъ грузинскихъ географовъ и хрониковъ и Мешехъ р. Петахіи тождественны.

какъ извѣстно, были евреями), а отчасти по приглашенію Кагана (князя), на что имѣются несомнѣнныя указанія, какъ еврейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей [1]).

Но въ Кіевѣ тогда (во время крещенія Владиміра) уже жили евреи, такъ что въ отправленіи «мужей добрыхъ» къ хозарскому царю не было никакой надобности: съ еврействомъ можно было познакомиться въ самомъ Кіевѣ—таково одно изъ возраженій Гаркави противъ подлинности нашего документа. Это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора.

Извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства Владиміромъ святымъ оно уже было значительно распространено на югѣ Руси вообще и въ Кіевѣ въ особенности. Есть достаточное основаніе—главнымъ образомъ грамота патріарха Фотія отъ 866 г. къ восточнымъ епископамъ—предполагать, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, что подтверждается преданіемъ о первомъ митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ [2]). Еще во время Олега греки полагали въ Россіи особую епархію (Соловьевъ, I, 290). При Игорѣ въ Кіевѣ уже была православная церковь св. Иліи (Соловьевъ, I, примѣчаніе 109; Закревскій, ibid., 328—332); описывая присягу Игоря исполнить договорную грамоту съ императоромъ Романомъ Лаканиномъ, лѣтописецъ говоритъ: «за утра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ... а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи..., се бо сборная церкви; мнози бо бѣша Варязи хрестеяни» (Лаврент. спис., 22). Святая Ольга, а съ нею еще многіе [3]), принявъ крещеніе, конечно старалась распространить въ Кіевѣ христіанство и строила церкви [4]).

---

[1]) Сгруппированы у Хвольсона (ibid., стр. 147—161).

[2]) Закревскій, Описаніе Кіева, Москва, 1868 г., стр. 9, 193—194; Карамз. I, стр. 119, прим. 286; Соловьевъ, I, стр. 119, прим. 173; архіеп. Макарія, Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, стр. 261 и слѣд. «Христіанство начало проникать на Русь еще за долго до призванія князей... До призванія князей существовали въ Кіевѣ православныя церкви и приходили христіанскіе проповѣдники (Борисовъ. Нищенство по русскому законодательству. Слово, 1879 г. Апрѣль, стр. 159). Нельзя не замѣтить, что авторъ, какъ говорится, пересолилъ.

[3]) Племян., знатныя женщины, послы, гости и служанки, Соловьевъ, I, стр. 148.

[4]) Масуди (писавшій отъ 20 или 30 годовъ до 50 года X вѣка) говоритъ: «славяне раздѣляются на многіе народы; нѣкоторые изъ нихъ *суть христіане*,

Послѣ всего этого не имѣемъ-ли мы права спросить: для чего Владиміръ отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?

Отвѣтомъ служатъ слова самого первоначальнаго лѣтописца нашего: «и рѣша бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто-же не хулить, по хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: *пославъ* и испытай когождо ихъ службу, и како кто служитъ Богу» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 37). Нѣтъ сомнѣнія, что «мужи добры и смыслены» были посланы ко дворамъ всѣхъ народовъ, предложившихъ свою вѣру Владиміру святому, чтобы на мѣстѣ испытать, «како кто служитъ Богу», чья вѣра лучше.

Что-же касается того, что Несторъ не упоминаетъ въ числѣ прочихъ народовъ, къ которымъ были отправлены послы, и евреевъ, то, не говоря уже о томъ, что это доводъ вообще слабый, что *молчаніе* его не можетъ служить доказательствомъ невѣрности самаго факта, мы можемъ объяснить себѣ иначе самый фактъ молчанія нашего первоначальнаго лѣтописца.

Уже въ первое время послѣ принятія христіанства Владиміромъ святымъ, у насъ рѣзко выдѣлилась изъ всей остальной сѣрой массы группа духовенства, монаховъ. Оставаясь русскими (мы не говоримъ, конечно, о пришельцахъ изъ Греціи), всѣми силами стремясь распространить и укрѣпить христіанство на родной почвѣ, они, однакожъ, во всемъ остальномъ мало заботились о Россіи и были въ сущности привязаны болѣе къ Греціи, къ источнику православія и мудрости книжной; эту теплую привязанность наше духовенство, какъ извѣстно, сохранило въ теченіи вѣковъ; оно прониклось византійскимъ духомъ, переняло все міровоззрѣніе ея духовенства и было у насъ главнымъ, почти единственнымъ проводникомъ такъ называемаго «византійскаго вліянія»; этотъ оттѣнокъ византизма легъ на всю нашу древнюю письменность, на всѣ эти поученія, посланія и проповѣди, лѣтописи и патерики (см. изслѣдованіе профессора Иконникова). Извѣстно, что во время борьбы

между ними находятся также язычники (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Докторская диссертація Гаркави. Спб., 1870 г., стр. 125 и 144).

за иконоборство въ византійскомъ духовенствѣ до крайности развился духъ нетерпимости вообще и вражды къ іудейству въ особенности [1]). Эта-то вражда, вмѣстѣ со всѣмъ византійскимъ міровоззрѣніемъ, перешла и къ нашему первоначальному духовенству. Отсюда—его вражда къ іудейству, о которой мы сейчасъ и будемъ говорить. Но была еще одна причина особеннаго развитія этой вражды; мы говоримъ о соперничествѣ іудейства съ христіанствомъ въ древнемъ Кіевѣ, *о еврейскомъ прозелитизмѣ и іудействующихъ*, что ясно доказывается словомъ «о благодати» епископа кіевскаго Иларіона (Филаретъ, обзоръ русской духовной литературы, 8; Соловьевъ, I, въ концѣ и друг.).

Авторъ нашей первоначальной лѣтописи—ктобы онъ нибылъ: игуменъ-ли выдубицкій (Сильвестръ) или даже совсѣмъ не одно лицо, какъ утверждаетъ новѣйшая критика, или-же преподобный Несторъ, какъ изъ давнихъ поръ укоренилось у насъ мнѣніе, нашъ, говоримъ, первоначальный лѣтописецъ во всякомъ случаѣ былъ монахъ, нравственное чадо духовенства своей эпохи, пользовался для своей лѣтописи произведеніями византійской литературы, и вражда, о которой мы упомянули выше, должна была перейти и къ нему. Если только авторомъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», или по крайней мѣрѣ разсказа о крещеніи Владиміра, былъ Несторъ, ученикъ Ѳеодосія Печерскаго, то его вражда къ іудейству еще болѣе понятна и такъ сказать естественна. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго старца печерскаго мы находимъ слѣдующее мѣсто: «се бо сиць обычаи имяше блаженыи, якоже многажды въ нощи въстая и отай въсѣхъ исхожаше къ жидомъ (въ еврейскую часть г. Кіева; см. выше, примѣчаніе), и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря и досажая тѣмъ» и т. д. На вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ-ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо, Ѳеодосій отвѣтилъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло... если будемъ колоть въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это будетъ явное жидовство (см. Закревскій въ вышеупомянутомъ сочиненіи, 312, Соловьевъ, III, 74, 87; ср. также

[1]) На это были свои особенныя причины, о которыхъ считаю лишнимъ говорить здѣсь. См. Гретцъ, т. V, стр. 174 и слѣд.; Дреперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, переводъ Пыпина, I, стр. 346.

Соловьевъ VIII, стр. 480, изданіе 1858 г.). Мы впрочемъ находимъ ясныя указанія на эту вражду и въ самой «повѣсти», въ сказаніи о принятіи христіанства Владиміромъ и проповѣди греческаго монаха. Послы отъ хозаръ, напримѣръ, говорятъ: «хрестяне-бо вѣруютъ, его-же мы распяхомъ»; греческій философъ кончаетъ свою проповѣдь разсказомъ о причинахъ сошествія Бога на землю и противупоставляетъ христіанство іудейству; въ картинѣ страшнаго суда языческіе народы и особенно *евреи* идутъ на муку вѣчную. Все это сообщаетъ сказанію характеръ свѣжей вражды къ іудейству, характеръ опроверженія, полемики съ евреями, современными не Владиміру, а самому автору сказанія.

Но если мы должны признать, какъ фактъ, вражду нашего первоначальнаго лѣтописца къ евреямъ, то не удивительно, что, описывая давнымъ давно бывшее событіе, онъ могъ опустить такой незначительный фактъ, какъ отправку пословъ къ евреямъ. Если ему было все подробно извѣстно[1]) о посольствахъ, онъ могъ обойти эту мелочь, не допуская мысли, чтобы іудейство, въ борьбѣ своей съ христіанствомъ, могло имѣть хоть надежду на успѣхъ, что «жидовское несчастіе «заслужило отправленіе людей добрыхъ для испытанія ея[2]); можетъ быть, наконецъ, что отвѣтъ пословъ заключалъ что-нибудь благопріятное для іудейства, чего авторъ, конечно, ужъ никакъ не могъ сообщить. Гаркави говоритъ: Владиміръ, давая другимъ проповѣдникамъ отвѣты полуутвердительные, полуотрицательные, совершенно отказалъ евреямъ и поэтому мы не можемъ допустить, что и къ нимъ были отправлены послы. Намъ не извѣстно, на какихъ новыхъ источникахъ основано это мнѣніе: но оно

[1]) Что врядъ-ли возможно, особенно относительно хозаръ, царство которыхъ давно (см. слѣд. прим.) пало и понемногу изглаживалось изъ памяти русскаго народа; передавшіе сказаніе Нестору легко поэтому могли забыть о посольствѣ къ хозарамъ. См. Гатцукъ. Евреи въ русской исторіи и поэзіи. Сіонъ, № 39.

[2]) Что лѣтописный разсказъ, ктобы его не писалъ, хотя-бы даже и Несторъ, написанъ не ранѣе первой четверти XII в., яснѣе всего доказывается тѣмъ мѣстомъ его, гдѣ евреи отвѣчаютъ Владиміру: «разъгнѣвася Богъ на отцы наша и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ и предана бысть земля наша *хрестеяномъ*»,—слѣдовательно преданіе составлено по крайней мѣрѣ, когда Палестина была уже покорена христіанами. См. Соловьевъ, I, прим. 241; Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 65.

опровергается прямо текстомъ лѣтописи. Евреямъ Владиміръ отвѣтилъ: «како инѣхъ учите, сами отвержены отъ Бога и расточени? Аще-бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти?» Болгарамъ, какъ извѣстно, Владиміръ отвѣтилъ: «Руси есть веселіе пити, *не можетъ* безъ того быти»; нѣмцамъ: «идите опять, яко отци наши сего не пріяли суть»... Достаточно сравненія этихъ мѣстъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности возраженія Гаркави. Нужно впрочемъ замѣтить, что нельзя вообще ссылаться на первоначальную лѣтопись, какъ на документъ, записанный съ стенографической точностью, особенно относительно, напр., нашего сказанія, записаннаго послѣ такого промежутка времени, когда даже не было надлежащихъ хранителей его.

Переходимъ къ послѣднему возраженію Гаркави: для чего нужны были хазарскому царю *древніе* свитки [1]), когда даже старые, только какъ посулъ (см. выше), не употребляются у евреевъ больше въ дѣло, теряютъ свою цѣнность и значеніе?

Отвѣтъ и на этотъ послѣдній вопросъ совсѣмъ не труденъ. Еврейскій древній языкъ есть языкъ мертвый; по еврейски только пишутъ, но не говорятъ, потому языкъ этотъ не можетъ органически развиваться; для выраженія посредствомъ его вновь народившихся понятій необходимо или принять иностранныя слова, что весьма нежелательно съ точки зрѣнія чистоты языка, или-же составить новыя слова изъ сочетаній старыхъ, что рѣдко удается; прибѣгаютъ еще къ 3-му средству: если для одного, или почти одного и того-же понятія существуютъ въ языкѣ два слова, то одно изъ нихъ употребляется для выраженія вновь народившагося понятія, въ извѣстной степени близкаго къ прежнему. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Для выраженія понятія старый (прежде бывшій) въ еврейскомъ языкѣ есть два слова: «ישן» и «קדמון»; и вотъ, когда въ новѣйшее время народилось понятіе о *древности* въ историко-научномъ смыслѣ, еврейскіе ученые ввели въ употребленіе для выраженія этого понятія одно изъ этихъ словъ—קדמון. Очевидно, что Авраамъ-маръ-Симха, жившій въ Крыму въ X столѣтіи, не имѣлъ понятія о древности и слово קדמוניות онъ не

[1]) Библейскія книги на пергаментѣ.

могъ употребить въ смыслѣ, который приданъ ему въ новѣйшее время; такимъ образомъ здѣсь рѣчь не идетъ о древности, и мы поэтому и перевели это слово: *старый*, т. е. въ томъ смыслѣ, въ которомъ Авраамъ и могъ его только употребить. Что-же касается того, что интересъ хозарскаго царя Давыда къ старымъ рукописямъ подлежитъ сомнѣнію по причинѣ, упомянутой выше, то и здѣсь нужно взять во вниманіе особыя обстоятельства, бывшія причиной (и это по нашему внѣ всякаго сомнѣнія) поѣздки Авраама-маръ-Симхи на Востокъ [1]). Къ IX—X вв. относится продолжавшаяся три столѣтія, окончательная выработка еврейской пунктаціонной системы (гласныхъ и другихъ знаковъ), очень важная въ исторіи развитія языка, значительно облегчавшая его изученіе послѣ того, какъ онъ перестал быть языкомъ разговорнымъ, живымъ. Если даже согласиться, что извѣстіе о такъ называемыхъ «іерусалимскихъ миссіонерахъ» подлежитъ сильному сомнѣнію, то во всякомъ случаѣ должно допустить, что пунктаціонная система проникла въ Крымъ долго послѣ ея изобрѣтенія, и что значительные успѣхи пунктаціи въ концѣ IX в. и первой половинѣ X (Бенъ-Ашеръ) должны были сильно интересовать благочестиваго царя хозарскаго; и вотъ онъ посылаетъ на Востокъ, въ тогдашніе центры еврейской учености, куда не разъ обращались хозарскіе цари [2]),—чтобы «собрать свѣдѣнія о пунктированіи и корректурѣ еврейскаго текста» (Хвольсонъ, ibid, 74), а также пріобрѣсти свитки, написанные болѣе компетентными знатоками дѣла и хорошими пунктаторами. На это указываетъ также одно мѣсто нашего документа:... «Я слыхалъ, что въ Гамаданѣ находится старый свитокъ пятикнижія... Въ концѣ

[1]) Нужно, впрочемъ замѣтить, что евреи очень высоко цѣнятъ свитки пятокнижія, хотя даже очень старые, но писанные какимъ-нибудь извѣстнымъ, по своему таланту и благочестію, писцомъ, особенно же, если они пересмотрѣны извѣстнымъ корректоромъ и написаны на кожѣ оленя.

[2]) См. Хвольсонъ, ibid., стр. 148—158; Три еврейскихъ путешествен. Спб. 1881 г., стр. 43, а также извѣстное письмо хозарскаго царя Іосифа къ Хасдаю-ибнъ-Шапруту (около 960 года), гдѣ сказано «наши взоры обращены (относительно мессіанскаго освобожденія, о которомъ ни онъ, царь Іосифъ, ни евреи его страны ничего не знаютъ) на Іерусалимъ и на *вавилонскія* академіи». Еврейская библіотека, т. VII, стр. 126; Мехефь Ниддохимъ, № 8; Гретцъ, Исторія евреевъ, V, русское изданіе, 1883 г., стр. 289.

его написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они (евреи Гамадана) говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты. Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ» и т. д. (см. выше).

Мы глубоко уважаемъ научную дѣятельность Гаркави, особенно его солидные труды по разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ древней исторіи южной Россіи; но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о припискѣ Авраама-маръ-Симхи [1]). Повторяемъ: мы, пожалуй, не считаемъ его доводы совершенно уничтоженными, но по-крайней мѣрѣ значительно поколебленными, и если намъ удастся вызвать посредствомъ этой статьи безпристрастныя мнѣнія людей компетентныхъ, такъ сказать, вторичную провѣрку документа—наша цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Мы считаемъ необходимымъ приложить всѣ средства критики для опредѣленія подлинности документа. Документъ этотъ очень важенъ съ точки зрѣнія критики нашей первоначальной лѣтописи; какъ извѣстно, было высказано мнѣніе, и кажется даже неоднократно, что все сказаніе о принятіи христіанства Владиміромъ, т. е. проповѣдь представителей разныхъ религій, отвѣты Владиміра и, наконецъ, его посольства,—все это одна легенда; при этомъ выставлялось на видъ, что существуютъ подобныя-же легенды о принятіи новой религіи другими народами, напримѣръ хозарами. Нашъ документъ—лучшее опроверженіе этого мнѣнія. Вотъ почему мы надѣемся, что редакція «Кіевской Старины» откроетъ страницы уважаемаго изданія для компетентнаго и добросовѣстнаго слова по этому интересному вопросу [2]).

Іона Берхинъ.

---

[1]) Обработкой матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, мы, какъ читатель могъ замѣтить, много обязаны г. Гаркави.

[2]) Мы тѣмъ охотнѣе готовы это сдѣлать, что, насколько намъ извѣстно, доселѣ ни одинъ спеціалистъ по русской исторіи не высказалъ своего мнѣнія объ изслѣдуемомъ почтеннымъ авторомъ документѣ; мы конечно говоримъ не о голословномъ мнѣніи.—Ред.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

V.

Спустя двѣ недѣли Моссаковскій вернулся изъ Кіева въ Чайки священникомъ. О. Степанъ сталъ снаряжать дочь къ переѣзду на новое хозяйство въ Ольшаницу. Сложили на вóзы всякое добро, запрягли воловъ и лошадей; тяжело нагруженныя подводы тронулись со двора. Въ послѣдній разъ помолилась Онися предъ отцовскими образами и со слезами оставляла родительскій дворъ. Отецъ плакалъ, плакала мать, плакали «наймички», прощаясь съ Онисей. Онися какъ-бы забыла о томъ, что отправляется на собственное хозяйство. Она вся прониклась грустью и скорбью; ей жаль было матери, отца, дома, въ которомъ она родилась и взросла, жаль было садка, чайковскихъ людей, всего-же больше жаль было матери.

— Теперъ, дочко, безъ тебе и хата стане неначе пустка, говорила мать: отъ такъ, выкохай, вырости дитей, а вони, якъ ти пташенята, порозлитаються и покинуть тебе саму на старисть, якъ сироту.

Выѣхали со двора. Отецъ и мать проводили дѣтей за дворъ, стали на горѣ и долго смотрѣли, пока они перевозились на паромѣ черезъ Рось, пока послѣдній возъ не скрылся въ зеленыхъ

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1884 г., августовск. кн., стр. 655—680.

вербахъ и ольхахъ. А Онися долго оглядывалась на гору, на отца, на мать, пока не закрыли ихъ зеленыя вербы.

Скоро показалась Ольшаница. Вотъ и широкая улица, гдѣ когда-то пылали костры, вотъ и плотина, и прудъ, и церковь, и собственный домъ. Онися вошла въ домъ, будто пріѣхала въ гости.

Но это было на одну лишь минуту; именно не больше минуты сидѣла Онися въ раздумьѣ у стола; отерла слезы, встрепенулась какъ птица и принялась хозяйничать: разставила мебель, повѣсила привезенные изъ дому образа, попрятала посуду, заглянула въ кладовую, сбѣгала въ «комору», вездѣ устанавливала порядокъ, указывала помогавшимъ ей молодицамъ, гдѣ что ставить и класть, распоряжалась возчиками, вносившими бочки, дѣжки, сыпанки. Окончивъ все въ домѣ, Онися не вытерпѣла и сбѣгала посмотрѣть, гдѣ и какъ помѣщаются овцы, свиньи, коровы, волы. Не прошло часу, какъ она забыла уже о Чайкахъ и чувствовала себя полною хозяйкою въ своемъ уже домѣ.

Просторная свѣтлица быстро преобразилась: стѣны отъ самаго потолка увѣшаны были образами въ два ряда; черно покрашенные деревянные стулья, оставшіеся послѣ покойнаго о. Моссаковскаго, перемѣшались съ некрашеными деревянными-же, привезенными изъ отцевскаго дому; двѣ дощатыя канапки Онися прикрыла большими домашней работы коврами, за зеркаломъ красовались пучки васильковъ и барвинку, на образахъ бѣлѣли большія съ вышитыми концами полотенца. Въ свѣтлицѣ сразу стало опрятно, привѣтливо, по хозяйски. До поздняго вечера суетилась Онися, прибирая и очищая комнаты, кухню, кладовую, комору, и вечеромъ всюду уже былъ порядокъ и чистота. Моссаковскій смотрѣлъ только, какъ она распоряжалась и бѣгала, и долженъ былъ больше слушаться ея, чѣмъ самъ распоряжаться.

— Отъ теперъ мы и у себе дома! сказала Онися, садясь съ Харитономъ за ужинъ: що то поробляе теперъ мати? що то думае тато? Мабуть и доси плачуть за мною?

— Слава Богу, що вы, Онисю, не плачете, тихо отозвался Харитонъ.

— На що ты на мене кажешъ *вы?* Хиба-жъ я не твоя жинка? Аже-жъ чоловики на жинокъ кажуть *ты!*

— Коли-жъ вы Онисю таки.... розумни, таки проворни, що й сказати не можна, промолвилъ Харитонъ сладкимъ голоскомъ.

— Голово зъ ухами! Хочъ при людяхъ кажи на мене *ты!* сказала Онися, ударивъ слегка Харитона по рукѣ.

— Нехай уже при людяхъ... буду казати *вы*,... чи то правда *ты*.

— Якъ тильки будешъ *выкати*, то я тебе буду за уха скубти! Чуешъ, чоловиче!

— Скубить, Онисю, скубить... Воля ваша, а все таки якось мени ніяково *тыкати*. Може потимъ привыкну.

Но Моссаковскій и во всю жизнь свою не пріучился говорить женѣ *ты* и до самой смерти говорилъ ей вы, а она ему ты.

Поужинавъ и убравъ со стола, Онися открыла большой сундукъ, стоявшій рядомъ съ кроватью, поставила свѣчку на стулѣ и начала разбирать и складывать рубахи, наволки, простыни, сувои полотна, полученныя отъ матери и тѣ, что въ огромномъ числѣ подарены ей во время свадьбы. Моссаковскій глядѣлъ, какъ ея тонкія руки перебирали кучи полотна, любовался ея длинными тонкими бровями и все ждалъ, что жена вотъ-вотъ окончитъ работу, сядетъ возлѣ него и подаритъ его лаской... Но Онися все считала и считала то полотенца, то рубахи, то платки. Моссаковскій соскучился наконецъ и почувствовалъ, что его одолѣваетъ дремота.

— Кидайте, серце, Онисю! заговорилъ онъ къ женѣ; ходить лишь та сядьте зо мною та поговоримо въ двохъ...

— Заразъ, заразъ, мое серденько! Ось тильки поличу твои сорочки: разъ, два, три, чотыри... Ты мабуть спати хочешъ?

Онися бросила рубашки, подбѣжала къ мужу, обвила его шею руками, три раза поцѣловала и опять бросилась къ сундуку.

— Одже мама не розибрала до ладу сорочокъ: все помишала до купы. Оце мои сорочки, а це твои: пять, шисть. симъ...

И тонкіе пальцы Ониси вновь складывали кучи рубахъ. По комнатѣ пошелъ запахъ свѣже вымытаго бѣлья. Среди ночной тишины отчетливо слышался голосъ Ониси: десять, одинадцять, дванадцять.

— Але часъ, серденько, спати! Кидайте, моя доле! Завтра поличите, говорилъ Моссаковскій.

— Лягай, голубчику, спати, коли тебе сонъ змигъ; лягай мое сердце, а я ось заразъ доличу.

Въ Онисѣ боролась привычка къ порядку и труду съ привязанностію къ мужу. Она вновь бросила работу, подлетѣла къ мужу, осыпала его поцѣлуями и опять принялась считать и складывать. Моссаковскій не выдержалъ: легъ въ постель и заснулъ. Но и засыпая, онъ все еще слышалъ, какъ Онися складывала и шептала: разъ, два, три, четыре.

— Чи ты, Харитоне, вже спишъ? спросила между счетомъ Онися.

— Га! вскрикнулъ Моссаковскій сквозь сонъ: вже сплю.

Около полуночи Онися заперла сундукъ, вышла въ сѣни посмотрѣть, заперты-ли двери, и потушила огонь.

Прошло немного часовъ, въ которые весь домъ объятъ былъ мертвымъ сномъ. Моссаковскій не успѣлъ еще, что называется, повернуться на другой бокъ, какъ сквозь сонъ услыхалъ, что въ сѣняхъ что-то ходитъ и стучитъ. Онъ силился проснуться, но никакъ не могъ. Ему снилось, что въ сѣняхъ толкутся воры, что они ломаютъ уже дверь въ комнату; вотъ уже и дверь выломали, разбили сундукъ, вытаскиваютъ полотна и бѣлье, складываютъ и все считаютъ: разъ, два, три, четыре. Ему мерещились во снѣ ихъ свирѣпыя лица, кудлатыя головы и бороды, дикіе глаза, мохнатыя руки съ длинными загнутыми когтями. Онъ хотѣлъ крикнуть, вскочить съ постели, но его самаго будто что-то давило. Съ великимъ усиліемъ онъ наконецъ проснулся и открылъ глаза. Въ комнатѣ было такъ темно, что не видно было даже окна. Въ сѣняхъ дѣйствительно что-то происходило: скрипнула дверь, послышались чьи то шаги, упало полѣно, въ кадкѣ плеснула вода, кто-то наливалъ воду въ горшокъ, изъ кухни доносились голоса. На минуту прислушавшись, Моссаковскій догадался, что наступаетъ утро и что прислуга уже встала.

Ему однако сдавалось, что онъ лишь немного вздремнулъ и вовсе, какъ слѣдуетъ, не заснулъ. Очнувшись, онъ окликнулъ Онисю.

— Онисе! чи вы спите?

Въ комнатѣ была мертвая тишина. Моссаковскій повторилъ вопросъ; но даже дыханія Ониси не слышно было. Онъ провелъ рукой около себя по кровати,—Ониси не было.

— Не вже оце моя жинка встала и пораеться въ пекарни? Ну, та й господиня-жъ буде зъ моеи жинки! Билше, якъ треба. Середъ ночи товчется въ пекарни и не дае выспатись гараздъ.

Моссаковскій повернулся на другой бокъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, въ комнатѣ уже сѣрѣли стѣны, а предъ нимъ стояла Онися, умытая, одѣтая и причесанная.

— Чи ты й доси спишъ, ледащо? А я встала, ще якъ други пивни проспивали, побудила наймичокъ и твоихъ наймитивъ, вже й снидання тоби зварила.

— Вы мене, Онисіе Степановно, таки добре налякали. Мени здалось, що въ синяхъ пораються злодіи. Чого вы такъ рано встаете, та себе мордуете? И моя покійна мати такъ рано не вставала.

— Хто рано встае, тому й Богъ дае. Будемо рано вставати, надбаемо добра багато, а якъ будемъ спати до обида, то не буде ладу въ господи, говорила Онися.

— Йди лишъ, хазяине, та подивись на худобу, та на кони, чи добре доглядають наймиты худобы, сказала Онися Степановна, помолившись Богу.

— Заразъ, заразъ Онисіе Степановно! Ось тильки вмыюсь, та трохи причепурюсь.

Пока Моссаковскій обошелъ загороды и кошары и вернулся въ комнаты, Онися уже и снѣданье поставила на столъ.

— Ну та й рання птиця оця молода матушка, говорили наймички и наймиты въ пекарнѣ: будить насъ ще до третихъ пивнивъ. Не дала й выспатись гараздъ.

Онися Степановна и въ самомъ дѣлѣ не давала заспаться слугамъ. Она сама ложилась поздно, вставала рано и слугъ пріучала къ тому-же. Изо дня въ день она поднимала ихъ съ пѣтухами, садилась сама съ наймичками за гребень, напрядала больше каждой изъ нихъ и въ добавокъ заставляла ихъ пѣсни пѣть, такъ какъ и сама любила попѣть.

Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ служанки говорили межъ собой:

— Ой, трудно служити въ цеей матушки! Колибъ, Господи, добути до року, зъ роду, зъ вику не стану на другій рикъ.

А Онися, входя болѣе и болѣе въ роль предпріимчивой хозяйки, однажды такъ говорила своему Харитону:

— Знаешъ що? Теперъ настае зима. Скажи ты въ церкви, щобъ молодыци напряли мени за Пилипивку хочъ по пивмитку. Ты

тильки подумай: скильки молодиць, стильки буде й пивмиткивъ. Выроблю полотно та продамъ, отъ и грошн будуть.

— Може буде завчасу. Треба трохи пидождати. Я тильки що ставъ на парахвію. Щобъ часомъ люде не гомонили.

— Оце лихо! Якъ не схотять, нихто й не силуватиме. А ты скажи въ церкви писля службы, на царскихъ вратахъ, якъ звычайно священныки говорять: якій зъ тебе пипъ, коли ты до сёго часу й слова не промовивъ до своихъ парафіанъ?

Крохотное самолюбіе Моссаковскаго было задѣто, и онъ рѣшился сказать нѣчто въ родѣ проповѣди, а мимоходомъ и о «пивмиткахъ» предложить.

Въ первое-же воскресенье, раздавъ антидоръ и окончивъ отпустъ, о. Харитонъ обратился къ своимъ прихожанамъ съ такими словами:

— На сій недили въ четвергъ маєте, люди добри, пущиння, чи то заговины, на святаго апостола Пилипа. Одъ сёго дня почнеця вже пистъ, святая Пилиповочка. Отъ-же треба, люди добри, сей святый пистъ по христіяньски проводить, щобъ Богъ помигъ намъ и св. Риздва диждать.

— Дай-то, Боже! Поможи, Боже, святого праздника диждать! проговорило со вздохомъ нѣсколько голосовъ.—О. Харитонъ продолжалъ:

— Памятайте-жъ, люди добри, щобъ вы до церкви ходили, Богу молились, дитей своихъ на все добре навчали та й сами для всякого добрыми були, бо добримъ людямъ Богъ дае спасеніе, а гришнихъ будуть чорты мучити въ пекли огнемъ та ростопляною смолою.

— Охъ, охъ! послышались глубокіе вздохи въ «бабинцѣ» и вообще на женской половинѣ.—О. Харитонъ развивалъ свою мысль.

— Въ Пилипивку святую до шинку не вдавайтесь и тамъ не впивайтесь; ни зъ кимъ не сварыця, не лайтесь, не быйтесь; старого, слипого, калику доглядайте, бидному, убогому помагайте. А найпаче въ недиленьку святую до храму Божого поспишайте, Господа благайте, тай того, хто молиться за васъ, не забувайте... И вы старики молоднихъ научайте. И вы молодіи старикивъ, а найбильшъ отця и неньку поважайте. И вы дивчата й парубки на музыки не ходить и по вечерницямъ не гуляйте.

О. Харитонъ перевелъ духъ и, возвысивъ голосъ, не безъ смущенія закончилъ свое нехитрое слово:

— А вы, живочки, Божи бджилочки, працюйте для неба, працюйте й для того, що на цимъ свити треба. Напрядить моій молоди матушци по пивмитку, бо вона молода и до роботы не звыкла та й не дуже зугарна. Настане Пилипивочка, то не гуляйте, молитеся та й у скрыню добре дбайте.—Аминь.

— А це вчора приблудилась до моеи левады чіясь чорна корова! Панове громадо! роспитайте та й мени звистку дайте, добавилъ отецъ Харитонъ, затворяя царскія врата.

Молодицы усмѣхнулись и, выходя изъ церкви, говорили: ну цей батюшка, дарма, що въ школахъ не бувавъ, вміє сказати ще й приказати! Напрядимо таки для молодои матушки по пивмитку.

И на другой-же день молодицы явились къ матушкѣ и разобрали у нея все прядево изъ конопли и льну, какъ ни великъ былъ его запасъ.

Первый успѣхъ разъохотилъ Онисю къ дальнѣйшимъ попыткамъ и спустя нѣсколько дней она говорила мужу:

— Знаешъ що, папоче? Чи не прибилшивъ-бы ты свій дохидъ одъ парафіянъ?

— Якъ же то прибилшити? спросилъ Харитонъ, недоумѣвая, что собственно хочетъ сказать ему жена.

— Якъ? Не знаешъ? Треба правити билше, то билше и давати-муть. А то дають тоби инакше старцеви; все пятаки та гривни, часомъ и шага, коли не коли попадеться злотый. Съ пятакивъ та гривень не забагатіемо.

— Ни, мое серце! Въ чому иншому тебе послухаю, а въ цёму не послухаю. Народъ бидный, панщанный, подушне платить: де ёму тихъ грошей узяти?

— А де-жъ и намъ ихъ узяти?

— А на що вони намъ? Хлѣбъ святый маемо, одежины у насъ доволи, а про обихидку все-таки копійка перепадае.

— Отъ чудный, питае, на що гроши? Та жежъ треба для дитей, якъ Богъ пошле, тай на старисть щось придбать.

— Де ще ты дити, де та старисть!

— Та не тоди-жъ хортивъ годують, якъ на вловы идуть... Якъ зъ молоду не складемо, то на старисть пичого сподиватись.—Накинь ще по гривни хочъ на випчанни.

— Не можна. Боюся Бога,—люди убоги: якъ платили, такъ нехай и платять, по старому звычаю. Не слидъ дратувати людей, коли вони добри та прихильни до насъ. Вони-жъ мене й на парафію обрали, вони й предъ владыкою за мене заступились, и Балабухи до себе не пустили.

Доводы Харитона, особливо послѣдній, были такъ сильны, что Онися оставила его въ покоѣ, однакожъ не на долго.

Насталъ какой-то маленькій праздникъ, когда въ церкви и службы не бываетъ.

— Паноче! дзвони до церкви, говорила Онися.

— А навищо? Сёгодня мале свято.

— А на те, що все-таки якась копійка перепаде.

— А Богъ нимъ, Онисіе Степановно. Не вже за пятака дзвоны ворушити.

— Але бо дзвони. Хиба пятакъ не гроши? Зъ пятакивъ будуть рубли. Дзвони бо, дзвони, не линуйся! Бачишъ, якъ я бигаю по господарстви.

— Добре вамъ бигати, коли въ васъ ноги проворни.—Однако, сказавъ это, Моссаковскій послалъ къ церкви сторожа съ ключами и велѣлъ звонить къ вечернѣ. На утро отслуживъ обѣдню, онъ принесъ изъ церкви всего доходу одинъ пятакъ. Онися взяла изъ рукъ его пятакъ и бережно спрятала его въ сундукъ.

— Якій ты, паноче, не ласый на гроши! Поживешъ,—побачишъ, якъ станутъ въ пригоди гроши.

Минула осень. Работы въ хозяйствѣ стало меньше, Онися рада была-бы посуетиться, да не было около чего, хозяйство было еще не большое, да и мать, навѣщая часто свою дочь, понавезла для нея всего, что только требовалось по новости. Отецъ Харитонъ любилъ послѣ обѣда полежать и даже книжку почитать. Онися все вертѣлась въ кухнѣ, и его брала тоска, когда онъ оставался одинъ въ комнатахъ.

— Онисіе Степановно! беритъ панчоху та сідайте коло мене та побалакайте зо мною, а коли не хочете балакати, то я вамъ святу книжку прочитаю, говорилъ однажды Харитонъ, поворачиваясь на горячей лежанкѣ.

— А щожъ ты мени будешъ читати? спросила его Онися.

— Та хочъ про царя Ирода, або про святу Варвару.

— Цекъ ёму, тому Иродови! Читайте хиба про святу Варвару.

Онися взяла чулокъ и сѣла на стулѣ подлѣ лежанки. Харитонъ развернулъ большущую книжку и, уставивъ ее на собственномъ животѣ, сталъ читать про святую Варвару. Онися повидимому внимательно слушала, работая вмѣстѣ съ тѣмъ надъ чулкомъ. Но она лишь слухомъ внимала чтенію, а мысль ея летала и въ кухнѣ, и въ кладовой, и въ коморѣ, заглядывала и на печь, и подъ печь, и въ дѣжу, и въ ночвы.

— Потрывай трошки! Треба заглянути въ пичъ, чи вышикся хлибъ, говорила Онися и съ этими словами схватывалась со стула, бѣжала въ кухню и, открывъ заслонку, пристально глядѣла въ печь. Отецъ Харитонъ отмѣчалъ въ книгѣ ногтемъ, до какихъ поръ прочитано, и глядѣлъ чрезъ книжку въ окно. Онися влетала, какъ вихрь.

— Ну, то якъ дали? що звеливъ батько збудувати для святои Варвары? какъ-то торопливо спрашивала она мужа.

И Харитонъ продолжалъ читать тихимъ ровнымъ голосомъ, а мысли Онисины вновь отрывались отъ читаемаго и летали по двору, у конюшень, хлѣвовъ, повѣтей, у гусей, куръ, индюковъ.

— Ой пожди годиночку! А же мабуть дивчата й доси не выносили кабанови ѣсти.

Онися вновь, какъ мотылекъ, схватилась со стула, стрѣлой пронеслась въ кухню, крикнула, что слѣдовало, дѣвчатамъ и опять очутилась на стулѣ подлѣ Харитона.

Харитонъ зѣвнулъ и вновь началъ читать. Онися совсѣмъ уже не слушала, а свою думу думала.

— А що пакъ твои нaймиты, чи будуть завтра робити? неожиданно перебила она чтеца.

Отецъ Харитонъ выпучилъ на нее глаза.

— Але вы мени перебиваете читати, сказалъ онъ.

— Та я бачъ тильки спитала. Такъ набигло на думку. Чи наймиты гній вывозитимуть, чи повезуть пашню до млина. Въ насъ уже житнёго борошна мало.

— Якъ вы скажете, такъ и буде. До васъ треба йти разуму позычати, говорилъ отецъ Харитонъ, держа палецъ среди строчки.

— Нехай везуть до млина. Гній можна й посли вывезти.

Отецъ Харитонъ вновь началъ чтеніе, но Онися давно потеряла всякую связь въ читаемомъ и ничего не разбирала.

— Та хто то бувъ Діоскоръ? Варваринъ чоловикъ, чи братъ? спросила она.

— Отецъ св. Варвары! Вы бо, Онисіе Степановно, не дуже добре слухаете.

— Ну, ну читай! Теперъ уже все розумію.

Отецъ Харитонъ читалъ, но въ головѣ Ониси такъ перемѣшались Діоскоръ и игемонъ съ наймитами и Варвара съ наймичками, что она ничего не понимала.

— Знаешъ що, Харитоне, опять перебила его Онися: отъ ты берешъ до своеи роботы моихъ наймичокъ тоди, якъ и мени ихъ треба.

Я думавъ, що вы питаете про святу Варвару.

— Въ мене вже все повыпадало зъ головы, що ты читавъ. Отъ и вчора ты забравъ до току наймичокъ, а я хотила на ричку посылать. Якъ тоби треба наймичокъ, то ты зъ вечера мене спитай.

— Але-жъ, Онисіе Степановно, и вы берете до своеи роботы моихъ наймитивъ, якъ мени ихъ треба, робко замѣтилъ Харитонъ.

— Знаешъ що, паноче? Подилимось мы слугами. Ты роспоряжайся своими наймитами, а я моими наймичками. А якъ тоби треба буде наймичокъ, то спитай у мене. а я тебе питатиму, якъ мени треба буде наймитивъ.

— Добре, Онисіе Степановно, добре. Що вы скажете, то все выходить добре. Ось слухайте-жъ, а я буду дали читати. И онъ, сдвинувъ ноготь съ того мѣста въ книгѣ, на которомъ оборвалось чтеніе, началъ вновь читать: но Онися Степановна совсѣмъ уже не слушала. Отецъ Харитонъ примѣтилъ это и спросилъ:

— Чи вы слухаете?

— Та слухаю, слухаю. Не питай мене та читай дали.

— Коли вы щось думаете, сказалъ отецъ Харитонъ, всматриваясь въ задумчивое, умное лице своей жены.

— Читай-бо, читай! Я думаю й слухаю.

— Нуте, а якъ звали отця св. Варвары?

— А хиба-жъ ты про ёго читавъ?

— А вже-жъ читавъ, та тильки вы не слухали.

— А, правда, правда! То якійсь бувъ игуменъ; тильки де-жъ-бы въ ёго дочка взялась...

— Якій тамъ игуменъ! Діоскоръ, такъ звали отця св. Варвары.

— Ну, а хто-жъ той игуменъ бувъ? Чи якій родичъ св. Варвары, чи що?

— Не игуменъ, а игемонъ! Це той, що мучивъ святу Варвару.

— Ото проклятый. Въ якому-жъ випъ манастыри бувъ игемономъ? И якъ-же то ченци та святу Варвару мучили?

— Яки тамъ ченци! Игемонъ-то такъ звався начальникъ, якъ отъ у насъ губернаторъ, або становый.

— Ну, ну, читай дали.

Отецъ Харитонъ пробовалъ читать, но Онися опять свое.

— Чи ты знаешъ, паноче, що у насъ картопли мало?

— Але яки-бо вы! Вамъ усе въ голови господарство. Чи вы хочете зразу забагатити, чи що?

— А чомъ-бы й не забагатити? Добре, якъ Богъ благословить намъ въ пари до самои смерти жити; а якъ-бы, борони Боже, ты попереду вмеръ и я зосталась вдовою, та ще може зъ дитьми? Де-бъ я тоди безъ грошей подилась?

— Богъ зъ вами, Онисю! Мы тильки що побрались, а вы вже й смерть нагадали.

— О, треба, мій голубе, живучи въ свити, на вси боки оглядатись.

— Сидишь ты соби теперь въ Вильшаници и гадки не маешъ, а борони Боже, зъиде митрополитъ, або благочинный прибижить, а въ тебе церква якъ стояла за батька твого килькадесять литъ, то такъ и теперъ стоить, ажъ почорнила въ середини и зъ-на двору. Мабуть, спасиби тоби не скажуть. Отъ и оглядайся, паноче! Справди, опоряди ты свою церкву, якъ мій батько свою опорядивъ.

— Оце вы правду кажете, Онисіе Степановно! Треба церкву опорядити, треба ще й маляра зъ Богуслава закликати, щобъ намалювавъ таки образы, якъ въ чайкивськи церкви.

— Эге; та ще щобъ Балабуху намалювавъ у пекли на самому дни.

— Про мене, нехай намалюе и Балаауху, тильки щобъ часомъ зъ цёго що не выйшло.

Пока отецъ Харитонъ толковалъ съ громадою о починкѣ церкви и договаривался съ маляромъ о покраскѣ оной внутри и написаніи нѣсколькихъ картинъ, въ томъ числѣ и неопалимой купины и страшнаго суда, Онисѣ пришлось какъ-то побывать въ Богуславѣ на ярмаркѣ. Она вернулась домой съ недоброю вѣстью. Не смотря на свой замѣчательно твердый характеръ, она была очень

смущена и это отражалось на ея блѣдномъ лицѣ и судорожно сжатыхъ губахъ. Не вдругъ она собралась передать мужу тяжелую вѣсть, которая не столько ее пугала, сколько волновала. Дѣло въ томъ, что на мѣсто старшаго священника въ Богуславѣ и вмѣстѣ благочиннаго ближайшихъ церквей, въ томъ числѣ и ольшаницкой, былъ назначенъ не кто иной, какъ естественный врагъ Ониси и Харитона Балабуха, который становился такимъ образомъ непосредственнымъ ихъ начальникомъ и могъ вымещать теперь на нихъ свою злобу, къ которой имѣлъ достаточно причинъ.

Вѣсть эта какъ громомъ поразила о. Харитона. Отъ природы тихій и боязливый, онъ совершенно растерялся и послѣ первыхъ словъ изумленія и страха сталъ говорить женѣ такія колкости, которыхъ онъ никогда-бы сказать не рѣшился и которыя только и можно было объяснять полною его растерянностью.

— А що, Онисіе Степановно, говорилъ онъ, совсѣмъ уже не владѣя собой, чи будемо малювати Балабуху въ пеклы, та ще на самому дни?

— Малюй уже ты, отвѣчала Онися, не глядя на мужа.

— А пригадае вамъ Балабуха, продолжалъ о. Харитонъ, якъ вы давали ёму гарбузы.

— Куды-жъ пакъ велике цабе! Що мени благочинный! На мени не попивська ряса, а плахта. Зъ мене чина не здіймуть. На тобя то все окошиця: пригадае винъ тоби и мене, и вильшаницьку парахвію, и вильшаницьку громаду; винъ конечне думае, що не громада выгнала ёго зъ Вильшаныци, а ты.

— Та же-жъ мужъ и жена, то плоть одна, замѣтилъ отъ писанія о. Харитонъ, въ видѣ какъ-бы возраженія Онисѣ; но та молчала, стиснувъ зубы. Подавляемый страхомъ и отчаяніемъ, онъ, бѣгая по комнатѣ, безсознательно твердилъ:

— Охъ лишечко! Що-жъ теперь мени робити? Та винъ-же мене зъѣсть безъ соли. Ой Боже мій! Ой лишечко! Що-жъ мени робити?

Но даже изобрѣтательная Онися не находила никакого выхода изъ нежданной бѣды. Потолковали, поговорили не одинъ разъ и рѣшили ждать, что Богъ пошлетъ.

Между тѣмъ Балабуха, не скоро дождавшійся указа о своемъ назначеніи, не торопливо перевозился въ Богуславъ и устраивался на новомъ хозяйствѣ. Подошли рождественскіе праздники, насту-

пила годовая отчетность, потомъ какія-то слѣдствія и дѣла,—Балабуха надолго отвлеченъ былъ отъ объѣздовъ по благочинію.

Минула зима, прошла весна, наступало лѣто. Въ Ольшаницѣ совсѣмъ опорядили церковь снаружи и внутри, выкрасили стѣны, повѣсили образъ и огромную картину страшнаго суда, но Балабухѣ не суждено было попасть въ «пекло», да еще на самое дно, какъ того хотѣла раньше Онися Степановна. Тѣмъ временемъ заѣхавшій сосѣдъ-священникъ передалъ о. Харитону, что благочинный, какъ слышалъ онъ, получилъ указъ произвести самую строгую ревизію церквей, что новый митрополитъ приказываетъ благочиннымъ испытывать прихожанъ, особенно малыхъ дѣтей въ знаніи молитвъ, дознавать, читаютъ-ли священники проповѣди, служатъ-ли неопустительно, крестятъ-ли дѣтей въ церкви чрезъ погруженіе и имѣютъ-ли крещальни, хранятъ-ли въ надлежащемъ мѣстѣ, порядкѣ и чистотѣ св. антиминсы, запасные дары и св. муро, не держатъ-ли подризниковъ полотняныхъ, чашъ деревянныхъ, вѣнцевъ бумажныхъ, требниковъ уніатскихъ, не упиваются-ли на свадьбахъ, крестинахъ и поминкахъ, не вымогаютъ-ли у прихожанъ за исполненіе требъ, а главное ведутъ-ли своевременно и исправно записи метрикъ, приходо-расходныхъ книгъ и пр. и пр. О. Харитонъ совсѣмъ потерялся; въ его воображеніи воскресли и еще съ большею силою первые страхи. Даже Онися, въ виду нависшей грозы, рѣшила, что надо чѣмъ нибудь задобрить Балабуху.

— Але що ёму послати зъ нашого убогого господарства? недоумѣвала она. Пашни шкода, теличку або бузимка шкода, полотна ще бильше шкода...

— Всёго шкода, тильки мене не шкода, сказалъ, сморщившись, отецъ Харитонъ.

Онися продолжала, какъ-бы вовсе не слышала сказаннаго мужемъ.

— Конопель у насъ мало, бо молодыци попряли; лёну зовсимъ мало. Гуси, индыки та качки ще не повыростали, а решта стари. Меду-бъ послать, такъ ще бджолы мабуть не наносили.

— А може-бъ Онисіе Степановно, одислати того кабанчика, що въ сажи?

— Саме такъ! Це якъ-разъ для благочинного годую. На писля Петра самимъ здастця; зъ молоденькимъ часнычкомъ та свиже сальце—самый смакъ.

— Такъ що-жъ одначе пошлете?

— Знаешъ що? Нашъ староста добрый гончаръ. Нехай винъ одвезе хуру своихъ горшкивъ.

— Та й розумни-жъ вы, Онисіе Степановно! Ей Богу, добра ваша ричъ. А же-жъ надъ старостами благочинный такъ само начальникъ, якъ и надъ нами. Треба послати за старостою.

Отецъ Харитонъ послалъ за старостою и безъ особаго труда убѣдилъ его свезти благочинному въ подарокъ нѣсколько десятковъ, а то и цѣлую сотню его гончарныхъ издѣлій на всякія кухонныя потребы.

— Але, Онисіе Степановно, треба все таки одъ себе прикинути щось, добавилъ о. Харитонъ, обращаясь къ женѣ.

— Одъ мене прикинь дулю отцю благочинному, а другу госпожи благочинни, отвѣтила Онися.—Отецъ Харитонъ только носомъ повертѣлъ и не рѣшился больше говорить.

На второй или третій послѣ этого день, староста отобралъ лучшую, какая была въ его гончарнѣ, и самую разнообразную посуду, бережно уложилъ ее на возу и отправился къ благочинному на поклонъ.

Усадьба Балабухи расположена была на возвышенной части Богуслава, почти на краю онаго. Многовѣковый этотъ городъ, въ ту пору еще уѣздный, не отличался ни многолюдствомъ, ни богатствомъ. Главную, верхнюю часть города занимали жиды: тутъ стояла старинная синагога, тѣснились скученныя ихъ лавки и жилища, съ узкими и кривыми улицами. Отсюда городъ неправильными группами бѣдныхъ построекъ, безъ улицъ и и дорогъ, и даже одиночными хатами, разбросанными между скалъ и камней, спускался къ рѣкѣ по скату горъ, прорѣзанныхъ нѣсколькими глубокими взвозами. Внизу шумѣла Рось, по обѣимъ сторонамъ которой нагромождены были груды огромныхъ камней, а кой-гдѣ угрюмо стояли высокія отвѣсныя скалы. Все русло рѣки у самаго города завалено было грудами камней, и вода, прорываясь поверхъ и вокругъ ихъ, пѣнилась, шумѣла, клокотала и лишь на самомъ концѣ города выходила на широкій роздолъ, прегражденный узкой извилистой плотиной.

Вдоль праваго берега Роси тянулось исключительно почти христіанское поселеніе, заканчивавшееся монастыремъ, расположен-

нымъ на совершенно отдѣльной горѣ, окруженной когда-то со всѣхъ сторонъ водою. Вдали за монастыремъ зеленѣли широкія левады и сѣрѣли скалы, выступавшія грозными стѣнами вдоль высокаго берега.

Староста въѣхалъ въ дворъ благочиннаго. Ворота стояли настежь, подвору шныряли жидовскія козы, щипля кой-гдѣ торчавшій бурьянъ или силясь достать выглядывавшую изъ-за плетня кое-какую огородную зелень. По срединѣ двора стоялъ не старый еще, но какой-то ободранный домъ, съ почернѣвшею, мѣстами продранною соломенною крышею. Съ правой отъ въѣзда стороны расположены были въ безпорядкѣ также обветшавшія и неисправленныя хозяйственныя службы; съ лѣва узкой полосой тянулся, огибая домъ, небольшой, скудно засаженный огородъ съ торчавшими кое-гдѣ старыми грушами и черешнями. Нигдѣ не видно было и слѣда заботливой хозяйской руки; отовсюду несло неумѣлостію, небрежностію и запустѣніемъ. Даже невзыскательный ольшаницкій староста, окинувъ постройки и дворъ своимъ опытнымъ хозяйскимъ глазомъ, сплюнулъ на бокъ и подумалъ про себя: «поганый господарь зъ нашого благочинного»! «А про те тутъ моимъ горшкамъ ради будуть», сказалъ онъ уже почти въ слухъ, останавливая среди двора своихъ воловъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ собакъ, староста отряхнулъ полы своей свиты, взялъ шапку подъ мышку и нетвердыми шагами направился къ дому благочиннаго.

Балабуху дѣйствительно мало интересовало хозяйство, еще менѣе расположена была къ нему его жена Олеся. Онъ отличался нѣсколько философскимъ настроеніемъ на манеръ гоголевскаго Ѳомы Брута, она—поэтическимъ, точнѣе романтическимъ. При такихъ наклонностяхъ хата какъ разъ безъ крыши будетъ. Къ тому-же Балабуха немного обчелся на приданомъ. Не помогли тутъ ему ни сватъ, Мелхиседекъ, ни сваха Марта. Терлецкій далъ своему зятю едва четвертую часть того, что обѣщалъ. Онъ не далъ Балабухѣ даже той бабы, которую обѣщалъ, но въ замѣнъ ея далъ парубка Прокопа, у котораго, какъ говорили, «не вси були дома».

Балабуха только что пообѣдалъ, нѣсколько поздненько по городскому обычаю, и прилегъ въ свѣтлицѣ на канапѣ, чтобы, какъ говорилъ онъ, *сало завязалось*. Олеся одѣтая въ чистенькое ситце-

вое платье, сидѣла около него на полу и наигрывала на гитарѣ какой-то жестокій романсъ. Жилище ихъ представляло смѣсь какого-то убожества и скудости съ претензіями на панство. Въ переднемъ углу висѣли двѣ-три иконы—родительское благословеніе; по стѣнамъ развѣшаны были плохія литографіи, представлявшія разныя сцены изъ войны съ французами и за независимость грековъ, равно портреты Кутузова и Барклая-де-Толли. Среди нихъ рѣзко выдѣлялись купленныя въ Кіевѣ на контрактахъ два раскрашенныя, но также бумажныя изображенія: на одномъ изъ нихъ дѣвица съ голыми плечами держала на рукахъ кота, на другомъ дѣвица съ закрытыми плечами, но съ голыми руками держала на пальцѣ канарейку и кормила ее изъ своихъ коралловыхъ устъ. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, закрытые на половину кисейными занавѣсками, перехваченными розовыми ленточками. Простой некрашенный полъ былъ чисто вымытъ. Цѣльный гарнитуръ незатѣйливой, но свѣже-купленной мебели достаточно заполнялъ пустоту обширной залы.

Староста робко пріотворилъ дверь и нерѣшительно подался назадъ; Балабуха поднялся съ канапы. Олеся перестала играть.

— А що скажешъ, чоловиче? спросилъ Балабуха.

— Прыихавъ до вашои милости зъ гостинцемъ одъ вильшаницького батюшки.

— Зъ якимъ гостинцемъ? спросилъ Балабуха.

— Та тутъ прислали де якои посудины вамъ на господарство. У насъ, вважаете, свои ганчари. Чи звелите куды перенести? спросилъ староста, искоса поглядывая на «простоволосую» благочинную, т. е. не покрывавшую головы ни «намиткою», ни платкомъ, ни чепцемъ.

Балабуха съ Олесею вышли на крыльце. Староста подвернулъ къ крыльцу воловый возъ и бережно сталъ снимать съ него посуду, высвобождая ее изъ соломы и разставляя у крыльца. На помощь ему были призваны Олесею горбатая Килина и Прокопъ—«не вси дома». При видѣ раскладываемаго добра, Олеся не могла скрыть своего удовольствія и съ улыбкою глядя на мужа, шепнула ему въ полголоса:

— Пиддобрюються, бояться тебе.

— Добри горшки у васъ въ Вильшанци, сказалъ Балабуха, окинувъ глазами разставленные горшки съ поливою внутри.

— А це що таке? спросила Олеся, шевеля кончикомъ башмака какую-то особой формы посудину.

— Це, выбачайте, госпоже, поросятники, щобъ смалити цили поросята чи къ Великодню, чи й такъ на свою обыхидку.

Благочинная ласково улыбнулась.

— Це матушка особливе переслали вамъ, добавилъ староста. Олеся совсѣмъ просіяла; ей особенно по сердцу было это вниманіе ея соперницы, съ которою однако ей доселѣ еще не пришлось ни разу встрѣтиться.

За все доставленное отъ имени батюшки и матушки старостѣ не пришлось однако получить и спасибо, а только выпить рюмку водки, и то маленькую, да закусить ломтикомъ черстваго хлѣба.

— Кланяйся батюшци й матушци, говорилъ Балабуха отъѣзжавшему старостѣ, та накажи, щобъ прыихали до насъ въ гости.—Та не забудь подякувати за горшки, крикнулъ онъ въ догонку, когда староста былъ уже у воротъ.

Пока Килина и Прокопъ сносили въ кухню посуду, Балабуха и Олеся, сидя на крыльцѣ, вели разговоръ по поводу нежданнаго подарка.

— Мосаковськи йдуть на миръ, сказалъ Балабуха.

— Добре роблять, що йдуть, замѣтила Олеся: намъ горшкивъ треба, Килина товче ихъ такъ, що не стае одъ ярмарку до ярмарку.

— Щожъ казавъ благочинный? спрашивали Харитонъ и Онися возвратившагося старосту.

— Дякувавъ и прохавъ, щобъ вы прыихали до ихъ въ гости, отвѣчалъ староста.

— А благочинну бачивъ?

— Выходили обое.

— Яка-жъ, привитна?

— Та, выбачайте, простоволосою ходить! Нема іи стыда й сорома, волосомъ свитыть.

— То, старосто, звычай такій, на панивъ дивляця, тай сами такъ роблять.

Между тѣмъ Балабухи, по отъѣздѣ ольшаницкаго старосты возвратясь въ комнаты, не находили, за что приняться и какъ убить

досужее праздничное время. Балабуху тянуло ко сну, Олеся принималась вновь за гитару и романсы, порядочно уже прискучившіе ему. Чтобы отдѣлаться отъ того и другаго, Балабуха досталъ изъ шкафа толстѣйшую въ кожаномъ переплетѣ книгу и принялся читать. Называлась эта книга «Ѳеатронъ или позоръ историческій». Балабуха углубился въ чтеніе, Олеся сидѣла и скучала.

— Господи, яка нудьга! сказала она, зѣвая изо всѣхъ силъ. Хоть бы хто прійшовъ.—Видя однако, что мужъ не обращаетъ вниманія на ея слова, она достала любимую свою книгу: «Волшебница Раги-Муина и принцъ Ибрагимъ» и принялась въ свою очередь читать.

Прошло добрыхъ полчаса. Балабуха, дойдя до раздѣленія народовъ послѣ потопа и происхожденія Москвы отъ Мосоха, закрылъ книгу и отодвигая ее, сказалъ какъ бы про себя:

— Добра книжка, та якось одъ неи сонъ змагае.

— Що ты тамъ не знать що читаешь. На, лучше читай оцю «Волшебницю», то и я послухаю; одъ сеи не заснешь, а хоть-бы и спавъ, то прокинешься, сказала Олеся, суя Балабухѣ книгу въ руки.

— Дай уже, дай. Я тоби прочитаю и «Волшебницю».

Балабуха сталъ читать: онъ часто останавливался, щурилъ глаза, морщился, насмѣшливо улыбался и наконецъ дойдя до того, какъ волшебница повела Ибрагима въ глубокую пещеру и стала выкликать тамъ какого-то страшнаго духа, неся при этомъ высокимъ стилемъ невообразимую чепуху, расхохотался и бросивъ книгу на столъ, сказалъ:

— Одчепись, Олесю, зъ своими волшебницями! Послухай лучше, я тоби почитаю зъ моеи батькивськои книжки, ще мабуть одъ прадида зосталась.

И онъ досталъ изъ шкафа какую-то старую, крайне невзрачную книжку, не только потертую и засаленную, но даже нѣсколько объѣденную мышами.

— Отъ выдравъ якусь старовину! Це навить жидамъ на тютюнъ не згодится, а не то, щобъ ёго читати.

— Ге, не въ тимъ сила, що кобыла сива, а якъ вона везе.

— Щожъ то за книжка? цикава-бъ я знати.

— Се бачъ зовецця «Краткій Лѣтописецъ», а росказуе винъ, коли якъ и що діялось на Украини и коли хто бувъ гетманомъ.

— А то що таке Украина? Може велика яка посессія? А гетманомъ—то значиться экономомъ, або жондцею...

— Тай чудна-жъ ты, Олесю! Украина—тожъ наша родина, а гетманъ—то батько козацькій бувъ.

Олеся вскинула на мужа глаза полные недоумѣнія. Минуту помолчавъ, она со смѣхомъ сказала:

— Щожъ мени до того, хто тамъ чіимъ батькомъ бувъ?

— Та не объ тимъ бо ричь, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Балабуха; винъ, бачъ, описуе тутъ, якъ козаки бились зъ панами.

Олеся громко захохотала. Балабуха нервно вздрогнулъ и повернулся на канапѣ.

— Бились зъ панами?! Та же-жъ и теперъ козаки у панивъ по дворахъ служать, отъ хоть-бы и въ нашого жондци. А нехай-же который, не то щобъ биться, а хоть-бы въ одпимъ слови не послухавъ, то заразъ его на стайню та нагаями.

— Дитино моя! съ болью въ сердцѣ произнесъ Балабуха. Тожъ теперъ такъ сталось, а колись то вси козаками були и зъ панами бились, и навить ихъ били, та ще якъ били. Ось колибъ ты почитала тутъ, якъ Хмельницкій бивъ ихъ на Жовтихъ Водахъ, пидъ Кумейками, отутъ недалечко пидъ Корсуномъ,—геть отъ Корсуна коло Яблунивки ажъ до Стеблева гнали ихъ та били.

Олеся въ недоумѣніи раскрыла ротъ. Ни отъ кого никогда ничего подобнаго она не слыхала и въ книгахъ не читала. Балабуха не разъ прочелъ своего «Лѣтописца» и зналъ его чуть не наизусть. Въ немъ разгорѣлась теперь кровь и воодушевляясь все больше, онъ продолжалъ: Чи-жъ мало ихъ били! А пидъ Пилявцями, пидъ Збаражомъ, пидъ Зборовымъ. Отъ тильки пидъ Берестечкомъ... Але я-бъ того Тугай-бея на шматки розирвавъ.

Все это было и ново и дико для Олеси, и она никакъ не могла понять, что сталось съ ея мужемъ и отъ чего онъ волнуется и кричитъ. А Балабуха входилъ все въ большій азартъ, припоминалъ многіе другіе факты, пускался въ подробности, поднимался съ мѣста, размахивалъ руками, ударялъ по столу кулакомъ.

— А то отъ ще въ одни таки книжци читавъ, якъ Хмельницкій оравъ панами. Запригъ панивъ въ плугъ та й оре... Балабуха громко захохоталъ и обращаясь съ улыбкой къ женѣ, добавилъ:

— Отъ якъ-бы того Баньковского запрягти въ плугъ, мабуть самъ одинъ-бы потягъ.

— Одчепись ты съ своими козаками! сказала съ досадой Олеся и вырвавъ у мужа книгу изъ рукъ, швырнула ее на шкафъ.

— Не сердься бо, голубко, Олесю! съ нѣжностію сказалъ Балабуха, обнимая и цѣлуя жену.—Це я не противъ тебе, а такъ згадавъ, якъ колись-то було... Знаешь що, мое сердце? Пиди ты до пекарни! та скажи Килини, щобъ зготувала намъ що на вечерю.

— Иди вже самъ, я ненавижу ту пекарню. Колибъ ты добрый бувъ, то кухара напявъ-бы.

— Э! на кухаря треба багато грошей. Пиди бо, та роспорядись!

Олеся отворила дверь въ сѣни, кликнула Килину, сказала, что приготовить на ужинъ, но сама въ кухню не пошла. Она чувствовала себя не въ духѣ по поводу его остроты надъ Баньковскимъ.

Насталъ длинный и скучный вечеръ. Олеся не хотѣла говорить, она достала свою «Волшебницу» и начала читать въ слухъ. Балабуха не слушалъ и только зѣвалъ. За ужиномъ онъ сказалъ еще нѣсколько ѣдкихъ словъ женѣ по поводу не вкусно изготовленнаго кушанья. Это окончательно разстроило Олесю.

— Господи, яка нудьга!—говорила она, принявшись послѣ ужина ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—И гость тобиніякій не пріиде. Колибъ хочь жидъ якій зъ мистечка пришовъ, всебъ таки було съ кимъ поговорити.

Балабуха не обращалъ вниманія на слова жены, брошенныя, очевидно, въ его сторону. Онъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука и упорно молчалъ. Олеся продолжала безцѣльно сновать по комнатѣ. Ея думы летали въ родной Хохитвѣ, въ кругу шляхтичей-панковъ, среди которыхъ она выросла, понятія, взгляды и привычки которыхъ усвоила, въ обществѣ которыхъ она столько веселилась и чувствовала себя пріятно и легко. Она припоминала часы и дни, проведенные въ веселой компаніи всегда любезныхъ кавалеровъ. Фантазія ея разыгрывалась; ей тѣсно и душно становилось въ этомъ сумрачномъ, мертвомъ домѣ; ея думы уносились куда-то далеко, рвались, какъ птицы въ облака, кружились въ какомъ-то безконеч-

номъ пространствѣ, не зная, гдѣ остановиться. Утомленная мечтами и ходьбой, Олеся опустилась на канапку, откинула голову назадъ и уперлась глазами въ потолокъ, какъ-бы читая что-то написанное на немъ.

Послѣ долгаго раздумыванія, Олеся не нашла ничего лучшаго, какъ попросить мужа, чтобы онъ сшилъ ей новое шелковое платье. Балабуха охотно обѣщалъ, и это послужило къ заглажденію того непріятнаго впечатлѣнія, какое произведено на ихъ обоихъ всѣмъ предшествовавшимъ разговоромъ.

На другой день послѣ ранняго обѣда Балабуха отправился въ объѣздъ по благочинію, и началъ съ Ольшаницы. Когда онъ подъѣхалъ къ дому Моссаковскаго, тотъ, завидѣвъ его въ окно, вышелъ къ нему на встрѣчу и почтительно его привѣтствовалъ. Балабуха ласково поздоровался съ хозяиномъ и трижды облобызался. Вошли въ комнату, усѣлись и повели рѣчь о семъ, о томъ. Балабуха держалъ себя нѣсколько холодно, распрашивалъ о церкви и приходѣ и избѣгалъ всего, что могло-бы напомнить его прежнія отношенія къ хозяйкѣ дома. Моссаковскій усиливался быть внимательнымъ, радушнымъ, старался даже льстить. Разговоръ не имѣлъ искренняго, непринужденнаго характера. Онися, стоя за дверью въ сосѣдней комнатѣ, притаила духъ и внимательно прислушивалась къ разговору. Она ни за что не рѣшалась выйти къ гостю, но въ тоже время ей очень хотѣлось взглянуть на бывшаго своего жениха, такъ презрительно ею отвергнутаго, и она поднялась на стулъ и пристально глядѣла сквозь широкую щель надъ дверью. Балабуха имѣлъ небольшую складистую черную бороду, въ мѣру отросшіе на головѣ волосы вились вокругъ лоснящимися кудрями, густые черные усы закрыли его некрасивыя губы. Вообще Балабуха казался теперь Онисѣ гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде, и это мирило ее съ необходимостью сносить присутствіе въ домѣ лица, которое теперь, въ качествѣ начальника, могло вымещать свое прежнее оскорбленіе.

Моссаковскій, разговаривая съ благочиннымъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ: онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ начнется та строгая ревизія, о которой ему столько наговорили, что благочинный потребуетъ записи, книги, до всего станетъ докапываться, закажетъ созвать прихожанъ, ихъ дѣтей, останется служить обѣдню. Ничего

такого не случилось. Балабуха осмотрѣлъ лишь церковь, ризницу, антиминсъ, дарохранительницу и заставилъ старосту показать скудную наличность кошельковыхъ и свѣчныхъ денегъ.

Все похвалилъ, всѣмъ остался доволенъ, особенно покраскою церкви и новыми образами. Моссаковскій благословлялъ судьбу, что успѣлъ во время остановить нетерпѣливое желаніе Ониси изобразить Балабуху въ «пеклѣ», да еще на самомъ днѣ.

Пока производился осмотръ церкви, Онися хотя-не хотя приготовила закуску для гостя и уставила столъ всѣмъ, что можно было схватить на скорую руку. Возвращаясь изъ церкви, Балабуха полюбопытствовалъ взглянуть на хозяйство своего сосѣда и счастливаго соперника.

Усадьба была въ наилучшемъ порядкѣ. Прихожане позаботились обнести новыми плетнями огородъ и дворъ, поправить крышу на хозяйственныхъ службахъ, а иныя и вновь покрыть. Вездѣ виденъ былъ порядокъ, все было исправно и чисто, словомъ: по хозяйски.

— Видно, що громада васъ любить, сказалъ Балабуха, у васъ и церква и господа опоряжени, якъ слидъ. А мои богуславци, що имъ не кажи, и ухомъ не ведуть. У мене не тильки все стоить обидране, роскрыте,—ворить навить не поставлять, такъ поламани й стоять.

Моссаковскій самодовольно осклабился и попросилъ Балабуху «до господы». Усѣвшись за столъ, и хозяинъ и гость закусывали съ такимъ аппетитомъ, какъ-бы много предъ тѣмъ потрудились. Моссаковскій усердно потчивалъ, часто наливалъ, подобострастно припрашивалъ. Балабуха ни отъ чего не отказывался, принималъ все, какъ должное, и очень былъ доволенъ радушіемъ и почтительностію хозяина. Ублажившись довольно, онъ вспомнилъ свою Олесю и его потянуло домой. Онъ какъ будто видѣлъ рядомъ съ собою ея гибкую, подвижную фигуру, ея румяное, свѣжее лице, будто слышалъ ея нѣжный голосъ, звонкій смѣхъ. Вдругъ въ комнатѣ за стѣной чуть замѣтно послышался сдержанный голосъ Ониси. Балабуха замеръ... То былъ очень знакомый ему голосъ. Балабухѣ крѣпко хотѣлось хотя мелькомъ взглянуть на Онисю, полюбоваться острыми тонкими бровями, ея чудными блестящими глазами, и онъ не безъ внутренняго волненія спросилъ у Моссаковскаго:

— Чи здорова ваша пани-матка?

— Спасиби вамъ! Не здужае трохи. Десь мабуть витромъ прохопило, вже давненько кашляе, отвѣтилъ Моссаковскій.

— Жаль, жаль, тихо промолвилъ Балабуха, и онъ опять перенесся мыслью къ себѣ въ домъ, и опять увидѣлъ предъ собою свѣжее лице Олеси.

Балабуха поспѣшилъ окончить закусываніе и велѣлъ подавать лошадей. Уѣзжая изъ дому, онъ разсчитывалъ проѣздить нѣсколько дней, но теперь передумалъ и уже съ пути въ другое село велѣлъ кучеру повернуть домой.

Была уже совсѣмъ ночь, когда Балабуха подъѣхалъ къ крыльцу своего дома.

Изъ оконъ кухни на темный дворъ лился яркій свѣтъ. Широкимъ пламенемъ горѣли дрова въ печи; сквозь окна можно было видѣть приставленные къ огню горшки, большой поросятникъ и неуклюжую Килину, возившуюся у печи, съ подвязаннымъ напереди полотенцемъ взамѣнъ фартуха. Не трудно было догадаться, что готовится не простой домашній ужинъ. А изъ оконъ свѣтлицы сквозь неплотно притворенныя ставни прорывался длинными полосами свѣтъ и падалъ на плетень. Новый знакъ для Балабухи, что въ домѣ у него гости. Пробираясь осторожно чрезъ темныя сѣни, онъ слышалъ доносившіеся изъ свѣтлицы голоса, а когда отворилъ дверь, то сквозь густые облака табачнаго дыма едва могъ примѣтить свѣжее личико Олеси, какъ розу, прикрытую газомъ, и большую курчавую голову Баньковскаго. Они сидѣли на канапѣ; Олеся держала на колѣняхъ гитару, въ рукахъ Баньковскаго торчалъ длинный чубукъ. Балабуха совсѣмъ не замѣтилъ того, что одна рука Баньковскаго огибала станъ Олеси.

— Хто тамъ? крикнулъ Баньковскій, заслышавъ скрипъ двери.

— Свои, прогудѣлъ густымъ басомъ Балабуха, вступая въ свѣтлицу.

Баньковскій бросился къ нему на встрѣчу, Олеся даже не шевельнулась на мѣстѣ и только положила гитару на канапу.

— Го, якъ ся масте, шановный ойче! восклицалъ Баньковскій, обнимая и цѣлуя Балабуху.

Балабуха холодно, съ явнымъ даже неудовольствіемъ отвѣтилъ на привѣтствіе Баньковскаго и не поздоровавшись съ женою,

прошелъ въ боковую комнату, чтобы снять съ себя верхнее платье.

И Олеся и Баньковскій не могли не чувствовать неловкости своего положенія, хотя оно вышло совсѣмъ просто и случайно. По отъѣздѣ мужа Олеся вышла въ городъ пройтись и встрѣтивъ Баньковскаго, пригласила его зайти къ ней вечеромъ, никакъ не разсчитывая, что мужъ возвратится въ тотъ-же день. Балабуха думалъ, конечно, совсѣмъ иначе. Выйдя въ залу, онъ набилъ трубку, закурилъ и молча усѣлся на стулъ. Лишь искоса взглянулъ онъ на жену, та покраснѣла, какъ маковка. Настало общее молчаніе. Баньковскій подумалъ было встать и распрощаться, но сообразилъ, что выйдетъ еще хуже, къ тому-же и поужинать хотѣлось, и потому рѣшившись остаться, онъ, ни мало не стѣсняясь, началъ разговоръ.

— Якъ же вамъ, отець благочинный, ȉздилось? Чи далеко були? смѣло спросилъ Баньковскій.

— Недалеко, въ Вильшаныци, отозвался Балабуха, и снова взялъ въ губы чубукъ и такъ потянулъ изъ него, что весь табакъ вспыхнулъ и поверхъ трубки показалось пламя, которое онъ поспѣшилъ задуть.

— О, я знаю Вильшаныцю и не разъ тамъ бувавъ у покойника старого батюшки. Що за добра, що за мила душа бувъ покійникъ, царство ему небесне! Якій щирый, якій привитный. А господарь якій! Такого трудно де знайти,—распустилъ рѣчь панъ Баньковскій, чтобы занять время, пока поспѣетъ ужинъ.

— Добрый бувъ чоловикъ, неохотно добавилъ Балабуха и вновь со злости такъ потянулъ изъ трубки, что въ ней послышался трескъ какъ-бы поджариваемаго на сковородѣ сала.

— Чи бачивъ-же Онисію Степановну? спросила Олеся слегка дрожавшимъ голосомъ.

— Ни, коротко отрѣзалъ Балабуха.

На минуту всѣ смолкли; слышался только глухой трескъ въ трубкѣ и дымъ густыми клубьями поднимался къ потолку.

— Я знавъ Онисію Степановну ще паннocc, поспѣшилъ вставить свое слово панъ Баньковскій. Ото була цяця! Ну, тай цяця! Якъ крашанка! Якъ писанка! Якъ золото!

— Шкода тильки, що въ плахти ходила, замѣтила Олеся. Мабуть теперъ завертилась намиткою, якъ сильска баба. Не люблю я тихъ намитокъ, зацасокъ та плахтъ.

— Часомъ ти намитки та плахты бувають лучши одъ суконь, грубо отозвался на это Балабуха, не глядя на жену.

— Вже сердься, не сердься, а вечери таки я дождусь, подумалъ Баньковскій и развелъ длинную исторію объ отцѣ Ониси, о самой Ольшаницѣ, о тамошнихъ лѣсахъ, о бывшихъ тамъ облавахъ на волковъ и полеваньяхъ на зайцевъ и лисицъ, перебралъ всѣхъ бывшихъ тамъ помѣщиковъ, экономовъ и другихъ шляхтичей, о каждомъ почти изъ нихъ разсказалъ какой нибудь забавный анекдотъ. Баньковскій незамѣтно для себя увлекся разсказами объ охотѣ, говорилъ съ жаромъ и одушевленіемъ, сыпалъ шутками и остротами. Олеся хохотала отъ души, Балабуха выходилъ изъ себя, пока Килина не застлала столъ и не подала ужинъ.

Баньковскій съ одинаковымъ увлеченіемъ уписывалъ лапшу съ курицею и курицу съ соусомъ, какъ и жаренаго поросенка. Хотя ужинъ приготовленъ былъ неискусною рукою Килины, Баньковскій не скупился на похвалы, чтобы польстить хозяйкѣ.

— Якъ-то смачно, якъ-то чудово зготовано! то и дѣло напѣвалъ онъ Олесѣ. Балабуха только вскидывалъ на него сердитыми глазами и молча ѣлъ.

Поужинавъ, Баньковскій безъ церемоніи схватилъ шапку, попрощался и поѣхалъ домой. Килина убрала со стола. Балабуха сосалъ трубку и молчалъ.

— Ты на мене сердишься? спросила его Олеся, подойдя къ нему и положивъ руку на плечо.

Балабуха молчалъ и глядѣлъ на стѣну.

— Може ты думаешъ, що я умысне запросила до себе Баньковского? Я ёго й не думала просити: бувъ на ярмарку и заихавъ. Балабуха тянулъ изъ трубки и молчалъ.

— Чого це ты мовчишъ? Чи ты справди сердишся на мене? допытывалась Олеся.

Балабуха молчалъ и курилъ.

— Слухай! Ты сердишся на мене? вновь спросила его Олеся и слегка ударила его по плечу; та покинь-бо люльку та говори зо мною.

Балабуха глазомъ не мигнулъ, не шевельнулъ усомъ.

Олеся пробовала вырвать изъ рукъ его трубку; онъ не допустилъ и слегка оттолкнулъ ея руку. на бокъ.

— Ото не люблю, якъ чоловикъ мовчить. Говори що нибудь! чи хвали мене, чи гудь, але говори.

Балабуха молчалъ и молча вновь набилъ трубку и продолжалъ курить.

— Та й запеклый-же ты чоловикъ! Здаеться, зъ креминя легче добути слова, якъ одъ тебе. Кидай люльку та поговори зо мною.

Олеся рванула чубукъ изъ рукъ мужа такъ, что искры посыпались изъ трубки на полъ. Балабуха всталъ и молча вышелъ на дворъ, не надѣвъ даже шапки.

Была темная ночь. По темному, какъ черное сукно, небу, блестѣли звѣзды, какъ изумрудныя капли. Богуславъ будто вымеръ; нигдѣ не видно было огней, нигдѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, и лишь снизу отъ рѣки доносился монотонный шумъ воды, переливавшейся по камнямъ. Балабуха вышелъ за дворъ и машинально побрелъ внизъ къ рѣкѣ. Шумъ воды становился слышнѣе; можно было разслышать въ общемъ шумѣ, какъ вода клокочетъ, рвется и бурлитъ, то тихо плещется о камни и переливается по нимъ. Балабуха остановился на обрывистой скалѣ и неподвижно устремилъ глаза въ темную даль. Въ глубинѣ ночнаго мрака, какъ въ облакахъ густаго дыма, предъ его глазами вырисовывались два свѣжія лица, одно около другаго, оба веселыя и румяныя. Въ шумѣ воды онъ какъ-бы слышалъ ихъ веселый говоръ. Вотъ набѣжавшая волна ударилась о камень, раздался плескъ, и ему почуялся въ немъ тихій аккордъ гитары... Балабуха долго стоялъ на скалѣ, кругомъ его царила тьма ночи и лишь огонь въ трубкѣ то вспыхивалъ, то опять погасалъ.

Измученный думами, Балабуха вернулся домой и, не промолвивъ слова къ женѣ, поспѣшно раздѣлся и легъ спать.

Проснувшись рано, Олеся весело заговорила къ мужу. Онъ молчалъ; молча одѣлся и помолившись Богу, сѣлъ за чай.

— Чи ты й доси на мене сердишся? спросила Олеся.

Балабуха пилъ чай и словомъ не отозвался къ женѣ.

— Та ну, не выгадуй ка-зна чого! Чи ты граешь въ якись играшки, чи що? говорила Олеся.

Балабуха даже не взглянулъ на нее.

— Забере соби щось у голову та й дметься. Отъ уже не люблю. Ты може думаешъ, що я люблю того гидкого Баньковського? Я тебе люблю и бильшъ никого, сй же Богу! весело говорила Олеся.

А Балабуха молчалъ и смотрѣлъ на самоваръ. Олеся подговорила Килину, чтобы та вошла и спросила у батюшки, что готовить на обѣдъ. Килина вошла и стала спрашивать, но при этомъ глупо ухмылялась. Балабуха, взглянувъ на нее, понялъ, въ чемъ штука и не сказалъ ни слова. Олеся была тутъ-же; она стояла у окна и тихо смѣялась.

Уже и пообѣдали. Уже и день минулъ. Даже слуги замѣтили, что батюшка не говоритъ.

— Пани! може нашому батюшци поробляно, що вони цилый день не говорять, обратилась къ матушкѣ Килина съ своимъ мудрымъ словомъ: нехай Богъ милуе кожного хрещеного, це на людяхъ бувае. Побижу я въ Хохитву до знахарки. Въ насъ е така баба, що одробить.

— Ты казна-що верзешъ, сказала Олеся, а сама едва держится отъ смѣха. Батюшка не зовсимъ здоровый, то й не говорить.

Но прошелъ и второй день, а батюшка молчалъ, будто онѣмѣлъ. Проникся и Прокопъ сожалѣніемъ и подступилъ къ матушкѣ съ такими словами:

— Пани! ось слухайте, що я маю вамъ казати: нашому батюшци й справди поробляно. Треба бигти до Хохитвы. Тамъ у насъ е така дженджеляста баба... Вона якъ пидкурить батюшку зиллямъ, то три дни говоритимуть и не переставатимуть. Мене разъ якъ пидкурила...

— Я тоби дамъ такои дженджелястои, що ты не втрапишъ, куды втикати, сказала Олеся.

Только третьяго дня вечеромъ батюшка заговорилъ.

— Слава тоби, Хрестителю! Ажъ коли вернувся языкъ. Тай норовы-жъ у тебе! говорила сердито Олеся.—Це якъ буде Баньковській разъ у тыждень заходити до мене, то мій панотець по три дни на тыждень буде нимый... Не дуже пріятна ричь! Що тутъ ёго робити? думала Олеся, посматривая на свого батюшку.

— А признайся теперъ, правда ты на мене сердився за того пыкатого Баньковського? спросила Олеся мужа, подсѣвши къ нему.

— Ну, сердився, сказалъ Балабуха.

— А теперъ вже не сердишся?

— Теперъ вже не сержусь.

— Ты дурнисинько на мене сердився. Помиркуй ты своимъ трибомъ: ты отъ поидешъ, або пидешъ куды,—чи е въ мене до кого хочъ слово промовити? Все сама, все сама,—це хочъ кого нудьга визьме. Хотила-бъ и я зъ людьми бути, зъ ними веселитися, бо я молода. Що-жъ? одколи мы въ Богуслави, чи бувъ у насъ хто, чи мы въ кого? Це-жъ и люди судитимуть! Закличъ хочъ разъ гостей,—отъ справника, станового, ёго помичника зъ жинкою та зъ дочками, та доктора, та музыкъ покличъ. Нехай я потанцюю, то мени й веселище буде. Добре я кажу?

— Добре. Що-жъ, треба покликати, але може за однимъ заходомъ кого зъ своихъ сусидивъ запросить?

— Э, ну ихъ—тыхъ сусидивъ... Таки вони прости, та чудни якись, особливе матушки. Посидають та й мовчать, и не знаешъ, чи ихъ слухати, чи питати ихъ. А батюшки—ти тильки пьють, та сопуть. Этъ! тильки пидлогу мини запаскудять своими чоботищами. Не проси ихъ! Не люблю я коло ихъ панькатись.

— Ну, ну, добре. Не буду ихъ просити.

— Отъ за це ты въ мене гарный! Знаешъ що: якъ будешъ въ Кіеви, купи мени зо два перстни. Въ мене мало перстнивъ.

— Добре, добре, куплю и три, хочъ у тебе ихъ здаетця не мало. Олеся подняла два пальца правой руки и приставивъ къ свѣчкѣ, любовалась блескомъ камней въ кольцахъ.

Богуславской уѣздной аристократіи не долго пришлось ждать приглашенія на вечеръ къ о. благочинному. Подготовивъ кое-что къ пріему гостей, Олеся воспользовалась первымъ воскресеньемъ, когда послѣ обѣдни многіе изъ служащихъ зашли къ батюшкѣ, по старому обычаю, на *Отче нашъ*, и не спросивъ прежде мужа, пригласила всѣхъ на вечеръ въ тотъ-же день съ женами и дѣтьми. Ей очень хотѣлось показать шелковое зеленое свое платье, только что сшитое.

Настал̆ъ вечеръ; пришли три жидка—музыканты; стали собираться гости. Раньше другихъ явился становой приставъ,—«марцовый», какъ звали его, кавалеръ, т. е. состарѣвшійся женихъ, пришелъ сосѣдъ-докторъ, пріѣхалъ помощникъ становаго, старый полякъ, съ женою и пятью дочерьми; прибылъ и городничій съ семьею.

Мелкое чиновничество, канцеляристы и писцы разныхъ присутствій, да официалисты богуславской экономіи, заслышавъ музыку, явились и сами безъ приглашенія. Набралась цѣлая куча гостей. Олеся надѣла свое новое платье свѣтло-зеленаго шелку, насажала на пальцы какія только были у ней кольца и вышла къ гостямъ. Чтобы не хлопотать самой объ ужинѣ, она заранѣе позвала славившуюся въ городѣ своимъ кухарствомъ мѣщанку и предоставила ей готовить ужинъ по своему вкусу и усмотрѣнію, сама-же ни разу и не заглянула въ кухню.

Предоставивъ мужу занимать гостей, Олеся расхаживала по залѣ и любезничала съ кавалерами. Дамы сидѣли вокругъ стола и о семъ, о томъ толковали между собою. Олеся присѣла къ нимъ лишь на минуту и за тѣмъ не обращалась больше къ нимъ и не промолвила во весь вечеръ ни одного слова. Она не любила дамскаго общества.—Жидки заиграли. Становой, большой любезникъ и шутникъ, пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся танцовала съ большими, какъ говорили кавалеры, «выкрутасами», стараясь въ особенности выставить на показъ свои дорогія кольца. Не весело однако-жъ ей танцовалось: ея думы неслись къ Баньковскому... Какъ вдругъ нежданно въ дверяхъ залы показалась его роскошная кудрявая голова и широкія богатырскія плечи. Онъ на лету поклонился Олесѣ, поздоровался съ Балабухою и присѣлъ около него. Балабуха нахмурился и молчалъ. Олеся кинула глазами на румяное лице Баньковскаго и мгновенно почувствовала въ себѣ какое-то необъяснимое волненіе: ея молодое лице разгорѣлось, глаза блестѣли, руки и ноги дрожали; скоро она совсѣмъ не владѣла собой и, продолжая начатую кадриль, выдѣлывала такіе «выкрутасы», отъ которыхъ диву дались богуславскіе кавалеры и наблюдавшія за танцами дамы; она то откидывала голову назадъ и закатывала глаза подъ лобъ, будто считала доски на потолкѣ, то шла тихо, выпрямивъ станъ, то мгновенно мѣняла позу, начинала какъ-бы бѣгать и наклонивъ нѣсколько внизъ голову, точно разрѣзывала ею густые облака дыму, то рѣзвилась и шалила, какъ дитя, уходила отъ своего кавалера, кружилась, вертѣлась, сбивалась

тактѣ, перепутывала фигуры, забывала подать во время кавалеру руку, и опять впадала въ солидный тонъ, поднимала глаза вверхъ и плыла, точно лебедь по водѣ... Ея фантазія разгоралась и рисовала ей волшебныя залы съ зеркальными стѣнами, залитыми свѣтомъ, съ массою движущихся паръ въ роскошныхъ и блестящихъ нарядахъ. Ея глаза искали красивыхъ лицъ, пламенныхъ очей, горячихъ огненныхъ устъ. Стучало въ вискахъ, трепетало сердце въ груди; что-то сладкое, теплое приливало къ нему и оно просило счастья, наслажденья безъ мѣры, безъ конца...

Дамы переглядывались, перемигивались и усмѣхались одна къ другой. Кавалеры увивались около Олеси. Балабуха сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ за стаканомъ пуншу и не сводилъ съ Олеси глазъ. Онъ забылъ даже о Баньковскомъ. Олеся чаровала его танцами, своими эксцентричными позами, неуловимымъ кокетствомъ.

— Тисно мени, душно мени! Здается, летила-бъ пидъ саме небо, летила и не переставала, думала Олеся, опьянененная танцами, вилася-бъ птицею въ широкому простори и кохалабъ, кохалабъ усимъ серцемъ, докибъ стало силы и миры.

Перевалило уже заполночь, а танцы не прекращались. Балабуха усѣлся играть въ карты, а Олеся, не вспомнивъ даже объ ужинѣ, забывъ совершенно о гостяхъ, до изнеможенія кружилась въ вальсѣ съ чиновниками и офиціалистами, летала въ мазуркѣ съ Баньковскимъ. Только уже самъ Балабуха, хорошенько проголодавшись, приказалъ накрывать на столъ.

— Ну, що, Олесю, добре натанцювалась? спрашивалъ Балабуха Олесю, когда совсѣмъ разъѣхались гости.

— Такъ натанцювалась, що й сонъ мене небере. Оце пишлабъ надъ Рось та й гулялабъ до самого свита.

Олеся долго еще ходила по залѣ, а мысли ея летали гдѣ-то далеко. Балабуха спалъ и храпѣлъ на весь домъ, Олеся не спѣшила раздѣваться; стоя предъ зеркаломъ, она любовалась собой, съ дѣтскимъ наслажденіемъ глядѣла, какъ горятъ золотые перстни на ея пальцахъ, какъ сіяетъ свѣтло-зеленое ея платье, какъ бле-

стятъ ея черныя брови на юномъ челѣ. Но сонъ неожиданно налетѣлъ на нее, глаза ея слипались, она едва видѣла себя въ зеркалѣ.

— Чи люблю я свого чоловика щиро, гаряче? спрашивала сама селя Олеся, собираясь раздѣваться: ни, люблю такъ соби, трошки, ледви, ледви люблю. Якъ-бы хотилось полюбити щиро, горяче, безъ кинця, полюбити, хочъ умерти!

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(*Окончаніе*) [1].

Годъ 32-й.

Отъ 1707 года іюля 20 по 1708 годъ іюля 20.

И по возвращеніи изъ Риму пріѣхалъ до Венеціи, гдѣ жилъ по генваря 10 число 1708 году въ великихъ роскошахъ и въ весельѣ, и нашелъ старыхъ друзей, Францишку Морузику и прочихъ, великія отъ нихъ пріязни получилъ и былъ отъ него одаренъ при отъѣздѣ двумя шкатулами флоренскими. Въ тотъ мой пріѣздъ отъ Речи Посполитой венецкой чрезъ оного господина былъ спрашиванъ, какъ хочу жить, публично или приватно,—гдѣ хотѣли приставить двухъ лакеовъ, которые для моего предводительства,—также и болѣтовали, что дарить-ли или нѣтъ отъ Речи Посполитой чѣмъ. И въ ту свою бытность былъ инаморатъ славную хорошествомъ одною читиденку,—называлася Sig-ra Francesia Rotta,—которую имѣлъ за медресу; во всю ту свою бытность такъ былъ inomarato, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1,000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на

---

[1]) См. ноябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 478—498.

меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться и въ Помераніи всякими мѣрами искать того случая, чтобъ въ Венецію на нѣсколькое время возвратиться жить.

Въ ту свою бытность двѣ немалыя причины видѣлъ съ маркизомъ Паловучиномъ и съ Пцовелемъ, жентильомомъ венецкимъ; близко было duella со мною.

Въ ту мою бытность Serenessima Respublica di Venezia презъ господина Morozini объявили мнѣ, чтобъ писать до царского величества, что хотятъ послать своего министра публичнаго, или какъ изволитъ, до царского величества для обязанія доброй корреспонденціи и коммерціи. И о томъ ко двору писалъ. И напротивъ велѣно объявить Речи Посполитой, что то будетъ пріемно царскому величеству; и объявлено. То все дѣло велѣно дѣлать барону Урбаху въ Вѣнѣ съ посломъ венецкимъ.

И оттуль пріѣхалъ февраля первыхъ чиселъ въ Вѣну и жилъ три недѣли, гдѣ видѣлъ не малую пріемность и почтеніе при всѣхъ министровъ и князей многихъ.

И получилъ указъ и грамоту отъ двора къ министрамъ въ Гамбургъ; и велѣно мнѣ ѣхать въ Гамбургъ для его дѣлъ и жить до указу. А на проѣздъ взялъ только 309 ефимковъ и шпеціи (?) талеръ. И при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны былъ у Цезаря на аудіенціи, и какимъ порядкомъ, о всемъ томъ явно въ описаніи книги вояжу италіанскому. И потомъ въ февралѣ поѣхалъ изъ Вѣны въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ: ту мою бытность покажетъ тутъ-же въ описаніи книги перегринаціи и дѣлъ гамбургскихъ. Не хочу много трудить читающаго сего моего описанія о бытностяхъ своихъ въ Италіи, какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи, истинно похвалясь, что націи московской никто чести и славы прежде моего бытія не принесъ. Правда, что себѣ раззореніе въ иждивеніи томъ понесъ, однакожъ въ честь и славу государства россійскаго и патри имени своего дому Caributoff Karakinigh, князей наслѣдственныхъ литовскихъ. Къ семужъ объявлю: особливую пріемность и любовь въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ. А въ Вѣну по пріѣздѣ своемъ возвращаючись изъ Италіи, былъ въ великой меланхоліи, что не имѣлъ ажъ 50 червонныхъ незабытно; однакожъ, счастье, получилъ указомъ его величества на проѣздъ

до Гамбурга велѣно дать барону Урбаху, у котораго взялъ 150 червонныхъ, и тѣмъ доѣхалъ.

Во все мое то отлученіе не былъ оставленъ въ призрѣніи дѣтей моихъ и дому моего пріязнію Абрама Өедоровича Лопухина.

Сего года сынъ мой князь Александръ началъ по латынѣ учиться, а дочь по французски танцовать.

Годъ 33-й.

Отъ 1708 года іюля 20 по 1709 годъ іюля 20.

Іюля мѣсяца бывъ въ Брабантѣ, поворотясь изъ Голландіи, поѣхалъ до Шлезіи въ Бреславль, управляя путь свой до Москвы. И ѣхалъ чрезъ провинціи многія обычайнымъ почтовымъ трактомъ ажъ до самаго Лейпцига въ Саксоніи; и тутъ принужденъ былъ забавиться, для болѣзни своего человѣка Фредрика, недѣлю и оставя его у купца Брейшпракта съ награжденіемъ нѣсколько червонныхъ, и поѣхалъ до Бреславля. И въ Дрезденѣ былъ 4 дня и оттуль до Бреславля, и въ Бреславлѣ забавившись три дня у графа Нейтарта, не могъ ѣхать за великимъ повѣтріемъ чрезъ Польшу. Поѣхалъ до Вѣны и, тутъ сыскавъ способъ ѣхать чрезъ Унгарію, поѣхалъ на Лейпцигъ. Однакожъ въ Вѣнѣ забавленъ былъ мѣсяцъ, ожидая изъ Венеціи князя Трубецкого, а въ проѣздѣ изъ Вѣны чрезъ Ольмюцъ былъ удержанъ три дня у примаса польского Шембека, также и подканцлера Шембека и всей его фамиліи.

Въ Вѣнѣ бытность моя была приватная и никто не видалъ. И отъ Пресбурга ѣхалъ чрезъ нѣкоторые городы цезарскіе, всѣ возлѣ рѣки Дуная, ажъ до самаго Раабъ называется, гдѣ при войскахъ нашелъ фельдмаршала генерала Гейстера. И отъ того съ конвоемъ и съ паспортомъ отъѣхалъ въ сторону городовъ венгерскихъ принца Рагочи, Неугезиль называется, и тутъ былъ только обѣдъ и тотъ свободно отобѣдать не могли для того, что партія цезарская вскорѣ отправлена была ажъ подъ самый городъ, а въ городу, сподѣваючися приходу осады, въ великой были конфузіи. Того времени обѣдалъ я у комисара, который называется Слушко, больше природы горватской, нежели венгерской, и способно говорилъ по словенску. И поѣхалъ съ конвоемъ оттуль до Агріи, гдѣ обрѣтался князь

Рагоція, и проѣхавъ два дня, доѣхали въ одномъ урочищѣ запольномъ войска венгерского, подъ командою графа Бречини, которого видѣлъ не сподѣваюся больше быть осми тысячь или девяти. И бывъ у Бречини инкогнитъ за шляхтича московского съ конвоемъ, поѣхалъ до Агріи въ путь свой съ конвоемъ однимъ полковникомъ. Въ пути былъ 3 дня, и пріѣхавъ до Агріи, сталъ на дворѣ, гдѣ стоялъ посолъ нашего двора Украинцевъ. И тутъ былъ 3 дня, и по пріѣздѣ къ себѣ получилъ присланнаго съ поздравленіемъ отъ князя Рагочи одного кавалера его двора; а на другой день былъ его присланъ дворецкій съ каретою его цугомъ къ обѣду звать; и бывъ у него на обѣдѣ, отъѣхалъ въ той-же каретѣ. Потомъ на другой день отъѣхалъ съ его конвоемъ въ путь свой чрезъ Токай и Мульячь до Львова, гдѣ пробавился въ пути чого 10 дней.

И пріѣхавъ до Львова, бавился недѣлю. Весь тотъ свой путь правилъ на почтѣ, которого кошту могу написать какъ въ Италіи, такъ въ Германіи, и въ венгерской землѣ, въ Польшѣ, съ полторы тысячи ефимковъ самой одной заплаты за почту.

И отъ Львова мѣсяца сентября остатнихъ чиселъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ наѣхалъ губернаторомъ князя Голицына, и тутъ забавился недѣлю. И потомъ поѣхалъ въ армію и нашелъ отъ Стародуба не далеко—называется то мѣсто Погары—только одного фельдмаршала и министровъ, Головкина, Долгорукова и Шафирова, а его величество былъ тѣхъ часовъ послѣ баталіи левенгопской [1]) въ Смоленску, а король шведскій былъ того времени подъ Стародубомъ.

И изъ Погаровъ при арміи пришли въ Новгородъ-сѣверскій въ деревню Погребки, и тутъ дожидались приходу царского величества изъ Смоленска. На другой день получили вѣдомость о Мазепиной измѣнѣ [2]), а на третій день князь Меньшиковъ пришелъ въ Погребки съ тѣмъ-же извѣстіемъ. Потомъ на другой день князь Меншиковъ посланъ доставать городъ Батуринъ резиденцію [3]), а меня его величество послалъ почтою въ Кіевъ для митрополита Кроковского и епис-

---

¹) Сраженіе съ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ было 28 сентября 1708 г.

²) Измѣна Мазепы обозначилась 28 октября 1708 г.

³) Т. е. гетмана. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ 2 ноября 1708 г.

копа переяславскаго Захарія и другихъ персонъ духовныхъ першихъ изъ печерского и изъ другихъ монастырей, чтобъ привезть въ Глуховъ для изобранія нового гетмана.

Могу приписать себѣ сіе въ немалой страхъ ѣзды моей, что съ трудомъ и страхомъ потерянія живота могъ проѣхать до Кіева, понеже во всѣхъ мѣстахъ малороссійскихъ и селахъ были бунты и бургомистровъ и другихъ старшихъ побивали. Но при помощи всесильнаго Бога въ четырехъ персонахъ проѣхалъ до Кіева тайнымъ образомъ. И пріѣхавъ того часу объявилъ митрополиту и прочимъ измѣну бывшаго гетмана Мазепы и указъ объ ихъ отъѣздѣ въ Глуховъ. И на утріе прибравшись поѣхали въ путь на Нѣжинъ. И не доѣзжая Нѣжина, получили вѣдомость, что король шведскій перешелъ Десну рѣку, но съ великимъ страхомъ проѣхали отъ Нѣжина до Путивля. И не доѣзжая Нѣжина за двѣ мили сельцо гетманское, въ которомъ поймали его двухъ дворовыхъ конюховъ и съ лошадьми, которыхъ забравъ съ собою съ дороги отпустилъ, а лошадей взялъ къ себѣ. И пріѣхавъ до Путивля, митрополита со всѣми отправилъ до Глухова, а самъ остался въ Путивлѣ за болѣзнью, что припала лихорадка. И потомъ 4 дня спустя пріѣхалъ до Глухова, и отпущенъ былъ до Москвы словомъ не надолгое время. И ноября 19 пріѣхалъ чрезъ почту къ Москвѣ, и былъ на Москвѣ по 19 декабря. И оттоль поѣхалъ въ армію; и пріѣхавъ къ Рождеству Христову въ мѣстечко Лебединъ, гдѣ принялъ полкъ лейбъ-гвардіи семеновскій, и командировалъ тѣмъ регментомъ и полкомъ астраханскимъ ажъ до самого чрезъ всю зиму и весну (?). А князь Голицынъ генералъ-лейтенантъ былъ посланъ въ Польшу съ полками... и подъ Полтаву пріѣхавъ принялъ команду.

Теперь буду писать всѣ обстоятельства своей бытности фортунъ.

Съ пріѣзду своего изъ Италіи въ армію, какъ молвилъ выше, въ Погары, принятъ былъ пріемно отъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и прочихъ; и присовокупляли словомъ, что мнѣ быть..., на что многократно мнѣ свое намѣреніе объявляли, что хотятъ просить его царского величества о мнѣ. Но бывъ я въ томъ надѣяніи, токмо того не постигъ... А какъ его величество пришелъ въ Погребки изъ Смоленска, то изъ происканіемъ злобы или погубленія сіе учинено отъ оного

министра вышеупомянутого, что посланъ былъ въ Кіевъ для привозу архіерея, понеже того времени сіе такъ дѣло было причиною, что къ потерянію живота такъ какъ отъ непріятеля и ребелизантовъ съ Мазепою, такъ и другой стороны, что оной архіерей признанъ былъ какъ бы согласникъ оному Мазепѣ, и опасаючись того, чтобъ и другіе духовные персонально съ народомъ противности какой не показали. Однакожъ оная мнѣ трудность съ Божіею помощію съ вымыслу ихъ злого произошла безтрудно, ктомужъ, правда, безъ всякой вмѣнюючи заслуги и заплаты.

Но съ самаго того перваго свиданія con sua maesta non mi ben guardato e non havuto gran discursi meco come ordinariamente parlano con quelli che vengono di paese forestieri [1]). Однако я въ своемъ намѣреніи былъ, которые привезъ подарки презентовалъ, токмо tutta in nulla [2]).

Пріѣздъ до Москвы ставлю себѣ за счастіе, отъ всѣхъ былъ въ пріемности особливой всего моего вѣку. На остаткѣ покажу то, что при отъѣздѣ моемъ самомъ имѣлъ столько въ домѣ своемъ персонъ знаменитыхъ, какъ князя Гагарина, московского коменданта, такъ и другихъ прочихъ.

И того году съ зимы въ здоровьѣ своемъ былъ свободенъ, токмо уже нѣкоторые знаки видѣлъ на вискахъ и мало на лбу.

Въ ту бытность имѣлъ услужить бискупу львовскому и нѣкоторое число далъ ему денегъ, и въ домѣ своемъ чествовалъ, желая себѣ доброго корреспондента имѣть въ Польшѣ; токмо по отъѣздѣ моемъ нѣсколько времени на Москвѣ скончался меланхоліею.

И той-же бытности своей хотя съ противленіемъ, только жену взялъ въ домъ и съ дочерью; и оставя тутъ, поѣхалъ.

А когда, по пріѣздѣ своемъ въ Сумы, пошелъ въ командѣ семеновского и астраханского полковъ съ княземъ Меншиковымъ, тогда пришелъ въ Ахтырку; были тутъ и всю ту зиму, ажъ до слученья весною всей арміи подъ Полтавою; былъ въ поведеніи добромъ и въ

---

[1]) Его величество не былъ ко мнѣ благосклоненъ и не имѣлъ длинной бесѣды, какъ обыкновенно это бывало со всѣми возвращавшимися изъ за границы.

[2]) Все ни во что.

мѣрѣ изрядной отъ его свѣтлости княжеской. А особливе то себѣ видѣлъ, что тою пріѣздностію имѣлъ команду по его волѣ въ Котельвѣ, когда былъ оставленъ надъ шестью полками драгунскими, да надъ двумя пѣхотными, и полковниковъ именно почтý Кропотовыхъ двухъ, Шамардинъ; а другихъ полковниковъ также. И пароль присланъ, и отдавалъ многимъ полкамъ.

А въ квартирѣ зимней въ Харьковѣ уже предъ многими имѣлъ любовь и пріемность партикулярную, а особливе когда поднесъ бархатъ и другія вещи римскія. По квартерѣ той въ Богодуховѣ, собравшимся по баталіи въ городъ нашъ, вскорѣ имѣли разобраться по разнымъ городамъ на квартерахъ. Потомъ вскорѣ слабость себѣ послышалъ здоровья своего, а особливе на лицѣ болѣзнь объявилась прежняя, также и по тѣлу почало выкидываться. И мѣсяца марта отъ доктора двора его величества Арескина англійского чрезъ селевацію; и по начинаніи 4 дня только престалъ для того, что вскорѣ получили вѣдомость объ измѣнѣ козаковъ запорожскихъ. И для того престалъ вскорѣ, что намѣреніе было его царского величества,—ежели та измѣна произошла въ добрый имъ порядокъ, чтобъ другіе козаки пристали къ нимъ,—тобъ конечно дать баталію генеральную.

И во весь тотъ зимній походъ имѣли съ шведскимъ королемъ многіе акціи, а особливе знатные въ Городномъ, гдѣ и нашего гвардіи полку семеновского часть была спѣшена, да подъ Сокольниками,—обѣ тѣ акціи подъ командою генерала Рена,—да подъ Опошнею, гдѣ взяли нѣсколько полону и двѣ пушки, подъ командою князя Меншикова.

Потомъ приходъ изъ Троицкого или съ Таганрогу царскаго величества.

La mia fortuna tutta caduta del mio inimico P. Dolgoruky Vasilei Volodimeroff; lo quale cercava sino adesso la mia testa per invidia, perche vedendo favori del P. Menscikoff, come mi amato, e'di piu havuto poura di non haver la grazia di S. M.	Все мое счастье было разрушено недругомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, который искалъ случая подкопаться подъ меня (букв: до сихъ поръ искалъ моей головы), съ завистью смотря на расположеніе и любовь ко мнѣ кн. Меншикова, а болѣе

всего огорченный тѣмъ, что самъ онъ имѣлъ несчастье не пользоваться благоволеніемъ его величества.

Una volte succede doppo che arivato sua maesta trei giorni habbiamo cenato in casa del P. Menscikoff, ed discorendo S. M. meco comincio essere con mi in collera et dicendo come che io non voglio servir nel militare e che cerco l'occasione nel ministerio. Cosi posso dir di quel tempo sfortunato che mi a promesso la forca, si non faro il mio dovere nella occasione di battersi contro l'inimico é doquel tempo sino adesso non le potutto haver la grazia di s. m.

Однажды случилось, что на третій день по пріѣздѣ его величества мы ужинали въ домѣ кн. Меншикова. Здѣсь его величество, бесѣдуя со мною, началъ гнѣвно выговаривать мнѣ, что я де не хочу служить въ военной службѣ, а ищу де случая попасть въ министерію. Могу сказать, что въ этотъ день мнѣ такъ не посчастливилось, что мнѣ была обѣщана висѣлица, если я не исполню своего долга въ случаѣ борьбы съ непріятелями. И съ того времени до сихъ поръ я не могъ возвратить себѣ благоволенія его величества.

Questo succede sotto la citta di Poltava nel mese di gucgno nei primi giorni da quel tempo ho perso la memoria guidizio sanita civilta. Solecitu di ne in tutti li cosi di impurare che solamente stote sempre melencolico é pogno.

А это произошло подъ городомъ Полтавой въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня.

Съ той поры я потерялъ память, разсудокъ, здоровье, обходительность (вѣжливость); сталъ тревожиться по всякимъ пустякамъ, постоянно чувствовалъ себя въ состояніи меланхоліи и душевнаго разстройства.

Теперь опишу: видѣвъ премѣну отъ главного человѣка, и другіе премѣняются во всемъ. Когда до сего случая видѣлъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и другихъ прочихъ доброе привѣтствованіе и почита-

ніе, а особливе предъ другими всячески увеселеніе; когда то вышеявленное случилось, то такъ оныхъ ласка или склонность отмѣнилась,— не могу такую примѣнить,—яко погода въ Голландіи; однимъ днемъ многократно премѣняется. Во истину благодарю оную милость—назвавъ, а не пріязнь—князя Меншикова въ оное несчастья моего время; въ ужинѣ такъ имѣлъ за меня стараніе, хотябъ за присного своего. Однакожъ вскорѣ отмѣнилась и его предъ прежнимъ склонность, видѣвъ уничтоженіе Вышняго.

И когда перебравшись рѣку Ворсклу, уже ища баталіи съ непріятелемъ генеральной,—и 23, въ ночи на 24 іюня, схватило такъ ажъ не къ самому концу, и принужденъ исповѣдаться и причаститься. Сіе мнѣ припало конечно отъ печали, понеже отъ того случая несчастливого не могъ и забавы отнюдь не имѣлъ; но уже теперь напишу, что уже истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ. И хотя видѣлъ себя всегда болѣзненна, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ ужъ нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храня и не жалѣя своего здоровья.

И потомъ хотя не твердо, однакожъ въ бодрость малую пришелъ, и былъ на баталіи генеральной съ королемъ шведскимъ подъ Полтавою, командируючи полкъ лейбъ-гвардіи семеновской, и во всемъ томъ случаѣ неотступно былъ ажъ до самого конца баталіи.

По той баталіи всѣ взысканы тріумфомъ подарковъ, чинами, орденами, крестами и кавалеріями; только за несчастіе я одинъ остался.

Такъ пишу: какъ родился, только никогда отъ его лица di S. M. видѣвъ гнѣвъ и не зоставалъ въ несчастьи. Для того-то время себѣ причитаю троякое несчастье. Первое, отъ Вышняго ни за что, только по возмущенію непріятельскому, получилъ гнѣвъ. Второе, подъ такой случай, гдѣ всѣ имѣли за заслуги свои воздаяніе, того отлученъ. Третіе, той зимы и по ту бытность имѣлъ всегда отъ сердца прилѣжаніе и трудился, себя хотя показать; но оное ни во что вмѣнено и загашено. Еще-жъ имѣю наче всѣхъ, хотя и гордо въ семъ напишу, однакожъ натура моя силуетъ объявить,—что нѣкоторые взысканы именъ рангу генералъ-майора, которые были въ моемъ равномъ градусѣ, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякого дара

и заслуги, и не знаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донынѣ обрѣтаются,—токмо наполненъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и глумленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ.

Охъ моего плача! охъ моего воздыханія! Но все сіе оставихъ и вдахся въ волю Творца моего и его Богоматере, да не оставятъ мя въ сиротствѣ моемъ. Такъ въ несчастливомъ поведеніи оконченъ сей 33 годъ отъ роду моего въ году 1709.

Того году прежде случившагося несчастія имѣлъ къ себѣ слово отъ нѣкоторыхъ приказовъ отъ графа Головкина свататься сыномъ его Александромъ за дочь мою княжну Татьяну.

Годъ 34-й.

Отъ 1709 года іюля 20 по 1710 годъ іюля 20.

Теперь буду описывать, вступаючи въ новый годъ рожденія моего, роду моего 34-й г.

Былъ въ пути, по дорогѣ ѣдучи взялъ день Ильи пророка безъ всякого публикованія праздника, токмо съ почтеніемъ Богу и хвалы того дня святому Иліи. И такъ доѣхалъ до Кіева. Въ Кіевѣ бывши, ничто лишняго видѣлъ, токмо посредственно было, и къ нѣкоторымъ словамъ уже началъ приставать. Особливе себѣ примѣтилъ только, что въ публиченію сего года уже началось отъ него самого di sua maesta въ дѣло производить.

Буду-же смотрѣть ажъ до самого сего году окончанія.

Болѣзни моей умножается; пятенъ отъ дня ко дню больше, а паче всего на спинѣ и на лицѣ, а на головѣ почало малиться. Къ сему-жъ объявляю: замкнулъ въ сердцѣ моемъ, политически приходитъ искать себѣ какихъ добрыхъ способовъ, видя-жъ какъ и другіе. И положихся въ волю Создателя моего и его заступленіе; тѣ мя да управятъ и произведутъ.

Такъ дня тезоименитства моего былъ печаленъ, что, стоя въ церкви братской у ранней обѣдни, не могъ удержаться, чтобъ не плакать, воспоминая злости дней моихъ житія.

Получилъ вѣдомость съ Москвы августа мѣсяца, что Дорожаево сгорѣло,—крестьянскихъ 52 двора.

Въ Кіевѣ его царское величество былъ боленъ лихорадкою, которая продолжалась 4 недѣли; и въ Успеньевъ день пошелъ въ Польшу, гдѣ и я его указомъ послѣдствовалъ до Люблина. Въ Люблинѣ назначено мнѣ было ѣхатьдо Венеціи для учиненія аліансу съ венеціяны, но по моему доношенію оставлено. А послана къ речи посполитой венецкой грамота съ объявленіемъ викторіи полтавской; при отданія-же оной послу венецкому въ Вѣнѣ велѣно барону Урбаху объявить, что его царское величество охотно хочетъ принять министра ихъ публичного, которого они уже объявили прошлого году чрезъ господина князя Куракина.

И въ Люблинѣ его величество былъ нѣкоторое время, гдѣ гетманъ великій коронный и литовскіе сенаторы пріѣхавъ были на аудіенціи. Также принцесса Рагоци была, которая принята какимъ порядкомъ, о томъ покажетъ въ исторіи войны нашей.

И потомъ царское величество путь взялъ внизъ водою рѣкою Вислою до Торуня, гдѣ съѣхались съ королемъ Августомъ, и бывъ тутъ ѣздили до Маріенвердера, гдѣ видѣлись съ королемъ прусскимъ. И первый день король прусскій просилъ обѣдать его величество и другихъ всѣхъ вмѣстѣ. И на завтрѣе того дня былъ я посыланъ поздравить короля и благодарить за добрую компанію отъ лица его величества, который говорилъ на французскомъ языкѣ.

По отъѣздѣ его величества отправленъ я въ Англію полномочнымъ министромъ, и въ проѣздѣ того велѣно быть въ Ганноверѣ и подать приватную грамоту кредитиву, въ которой я написалъ, что посланъ инкогнито. А что при обѣихъ тѣхъ дѣлъ дворѣхъ, о томъ покажетъ въ инструкціяхъ.

И пріѣхавъ въ Ганноверъ, умедлился житьемъ своимъ для той негоціи, въ которомъ житьѣ такъ неблагодаренъ былъ, что истинно едва ума не лишился [1]). Ту свою бытность причитаю за афронтъ не малый, особливе что при томъ дворѣ и не удоволенъ былъ отъ того двора, а эстимованъ, какъ самый простой жентиломъ. Которого случая

---

[1]) Объ аудіенціи Куракина у ганноверскаго курфирста Георга Лудвига см. въ *Исторіи Россіи*, Соловьева, т. XVI, стр. 61—62.

много себѣ вѣку убавилъ. Воистину могу такъ написать, что николи въ такой не былъ меланхоліи, какъ въ сю свою бытность.

И для отправленія той ѣзды дано изъ канцеляріи 2,000 червонныхъ, и тѣ всѣ въ $^1/_2$ года въ Ганноверѣ прожилъ, и потомъ жилъ своими, которыхъ прожилъ больше 3,000 [1]).

И апрѣля мѣсяца былъ въ Агинѣ для леченья болѣзни своей, чего для такъ умножилось пятенъ на лицѣ и по тѣлу, что николи не могу запомнить, а наче-же на лицѣ, что съ великимъ стыдомъ могъ ко двору ѣздить. И пріѣхавъ въ Агинъ [2]), какимъ способомъ лечился отъ дохтура Алива, о томъ на концѣ въ реестрахъ леченья покажетъ [3]). Токмо тотъ дохтуръ горячихъ водъ весьма пить не велѣлъ, а паче всего великихъ пургъ не примать. И всей бытности моей и съ проѣздомъ было 7 недѣль. И 11 мая возвратился до Ганновера, гдѣ сталъ резидовать, ожидая указу отъ двора.

А въ проѣздѣ моемъ случилось мнѣ несчастіе: отъѣхавъ отъ Колоніи 3 часа, былъ ограбленъ отъ французовъ, которые взяли одними червонными 82, да платья и другихъ рѣчей на 4,000 ефимковъ.—Правда-жъ, что въ сего карнавалу свою бытность въ Ганноверѣ обходился всегда съ тѣми принцы имперскими, хотя не такъ какъ другіе, однакожъ давалъ имъ правую руку, токмо не всѣмъ;—о которыхъ явлю теперь.

Дукъ Волфенбютельскій.

Принцъ наслѣдственный, сынъ его.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе какой-то русскій доносилъ изъ Голландіи, что русскіе вельможи, въ томъ числѣ и Куракинъ, кладутъ деньги въ чужестранные банки. См. подметное письмо у Соловьева, т. XVI, стр. 406.

[2]) Т. е. Ахенъ.

[3]) Въ особомъ приложеніи къ рукописи подъ 5—10 апрѣля 1710 г. помѣщена какъ запись діэты, предписанная Куракину въ Ахенѣ, такъ и журналъ ахенскаго лѣченья. «Сіе мнѣ лѣченіе»,—писалъ Куракинъ,—«стало 500 талеровъ; и что пропало отъ партизановъ, то совсѣмъ будетъ 1000 ефимковъ». И по пріѣздѣ своемъ изъ Ахена въ Ганноверъ еще къ пользѣ своего здоровья началъ пить воду пирмонъ, которой на пробу пилъ только два дня, и видѣвъ себѣ не малую тягость въ головѣ и во всемъ корпусѣ, того дня принужденъ откинуть и пить воду минеральную, называется швалбахтъ $^{2}/_{13}$ мая—іюня».

Дукъ Луи, меньшой сынъ, отецъ принцессы, которую намѣренъ за царевича сватать принцессу вольфенбютельскую.

Принцъ де-Беверпъ.

Принцъ де-Фризинъ, молодой человѣкъ.

Принцъ Гольштейнскій, горбунчикъ.

Два принца меньшіе Гессенъ-кассельскіе, и собою хороши, и умны, и добрые солдаты.

Царское величество, поворотясь изъ Маріенвердена подъ Ригу, гдѣ почавъ при себѣ бомбардировать, и оставя въ командѣ фельдмаршала Шереметева, которому велѣно блокировать Ригу чрезъ всю зиму до весны, и такъ уже не... (?); но блокадъ оный состоялся въ 30,000 пѣхоты, да кавалеріи 8,000. А его царское величество пошелъ къ Москвѣ и въ Москву входъ учинилъ съ великимъ тріумфомъ и магнифиценціею, гдѣ всѣ шведскіе генералы и министръ графъ Пиперъ и другіе всѣ вышніе и нижніе офицеры и рядовые, всего полону съ 28,000, ведены чрезъ Москву. И учинено 8 воротъ тріумфальныхъ не малымъ иждивеніемъ.

Той-же зимы были всѣ губернаторы и росписаны губерніи, а имепно: губернаторство московское, с.-петербургское, тожь ижерское, кіевское, азовское, казанское и всего низу ажъ по самый Терскъ, сибирское, смоленское, архангельское или тожъ двинское. И губернаторы еще писаться не велѣно, а велѣно имъ вѣдать: московскую Тихону Стрѣшневу, петербургскую князь Меншикову, кіевскую князь Дмитрію Голицыну, смоленскую Петру Салтыкову, азовскую адмиралу Апраксину, казанскую Петру Апраксину, сибирскую князь Матвѣю Гагарину, двинскую князь Петру Голицыну.

И того году въ зимѣ начались балы публичные, гдѣ указомъ начали возить дочерей первыхъ фамилій, въ которой оказіи первой дочь моя княжна Татьяна Борисовна танцовала и была всѣхъ больше эстимована.

Въ ту зиму означена была милость его величества князь Василью Лукину сыну за его службу дать 300 дворовъ деревню, что учинилъ трактатъ съ датскимъ королемъ.

Тогожъ года указъ состоялся изъ Кремля и изъ Китая все что есть деревянное строеніе выломать; и выломано въ маѣ мѣсяцѣ. И

того для дѣти мои и всѣ домовные служители, сломавъ, съ китайского двора принуждены переѣхать на дворъ старый, гдѣ братня треть, и тамъ постави на полатяхъ деревянные хоромы, начали жить.

Указъ состоялся, чтобъ вина никому ни въ домѣ, ни по деревнямъ не сидѣть, а всѣмъ покупать.

На Москвѣ-жъ того году былъ присланный инкогнито жентильомъ венецкой, который учинилъ поздравленіе со стороны республики, и отправленъ честно, и подаренъ портретъ его царского величества и соболей на 600 рублевъ. Также и посланникъ цесарской, который уже въ С.-Петербургъ пріѣхалъ. И другихъ дворовъ отъ многихъ.

И по приходѣ царского величества въ С.-Петербургъ, осадилъ шведской въ Финляндіи Выборгъ, которую осаду командировалъ адмиралъ Апраксинъ, и 13 іюня 1710 г. оное мѣсто чрезъ акордъ взято. А на веснѣ подъ Ригою хотя и промыслу не чинили, токмо помощію Вышняго губернаторъ рижскій того мѣста генералъ графъ [1]) на акордъ оное мѣсто 12 іюля 1710 году сдалъ со многими артикулы, которыхъ объявляютъ 32, а другіе 62 [2]), изъ которыхъ настоящій самый, что всѣмъ лифляндомъ природнымъ, имѣвшимъ свои добры и не имѣющимъ, возвратиться изъ службы шведской во отечество, а ежели которые въ терминъ постановленный не возвратятся, то оные публикованы будутъ за измѣнниковъ, и добры ихъ и маетности будутъ взяты на его царское величество и розданы другимъ. И помощію Вышняго вся счастливо кампанія окончилась.

Его высокость царевичъ по пріѣздѣ своемъ въ Саксонію былъ въ Карлсбадѣ, и при немъ князь Юрій Трубецкой, графъ Александра Головкинъ и учитель Никифоръ, которому назначено нѣкоторое время быть въ Саксоніи для наученія языку и другихъ экзерцицій.

Съ туркомъ той-же зимы подтвержденіе миру учинилось, и хотя король шведскій трудился, чтобъ Порту Оттоману привести въ войну съ его царскимъ величествомъ, однакожъ ни во что произойти не могло. И ратификація отъ салтана до его царского величества въ апрѣлѣ

---

[1]) Стромбергъ.

[2]) Пункты эти, въ количествѣ 65, напечатаны въ книгѣ *Письма графа П. Шереметьева.* Моска 1778 г., ч. 2, стр. 283—366.

прислана. А король шведскій и по се 20 іюля 1710 года все былъ въ Бендерѣ. И на остатокъ сего мѣсяца получили вѣдомость, что салтанъ, по доказательству короля шведского и министра французского Десилора, визира ссадили, который былъ въ нашъ фаворъ, и выбрали изъ знатной фамиліи одного, однакожъ который весьма противенъ нашимъ интересамъ и всегда охотникъ былъ до войны.

Той-же зимы былъ посолъ экстраординарный господинъ Вистфордъ просить прощенія у его царского величества, и то присланіе принято за сатисфакцію въ афронтѣ посла Андрея Матвѣева.

Князь Александру сыну моему позволено ѣхать ко мнѣ за море съ воли его царского величества.

Я получа указъ въ іюлѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, чтобъ трактатъ союзный при ганноверскомъ дворѣ заключить и ратификаціею размѣняться, и взявъ отвѣтственную на вѣрющую самому ѣхать въ Англію по данной инструкціи и во всемъ все управлять. И тотъ трактатъ союзный его царского величества съ курфирстомъ ганноверскимъ, съ его министры, тайнымъ совѣтникомъ господиномъ Березсдорфомъ и господиномъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ камеры барономъ Герцомъ, оной трактатъ 3 іюля по новому штилю заключили [1]). И особливую милость и гоноръ къ себѣ имѣлъ, что его царское величество присылалъ до меня съ курьеромъ, аки-бы плангитъ, на которомъ съ приписаніемъ многимъ оная ратификація справлена. И написана и размѣнена 13 іюля по новому. И оное пожеланіе его царского величества все счастливо окончилося [2]).

Сей годъ, воздавъ хвалу Вышнему и Его Матери и всѣмъ святымъ, хотя болѣзненно многими припадки и несчастіемъ и счастіемъ, особливе-жъ въ прибытіи моемъ при Ганноверѣ имѣлъ отъ всѣхъ эстиму, окончанъ. И начинается въ Ганноверѣ 1710 г. день рожденія моего 20 іюля святаго славнаго пророка Иліи, патрона моего. Уже въ себѣ не малую слабость во всемъ послышалъ, особливе-жъ въ памяти великую перемѣну вижду.

---

[1]) Этотъ трактатъ, состоящій въ 7 пунктахъ, напечатанъ въ *Исторіи Россіи, Соловьева*, т. XVI, стр. 62—63.

[2]) Договоръ съ курфирстомъ Ганноверскимъ въ сокращенномъ видѣ напечатанъ у Соловьева въ *Исторіи Россіи*, т. XVI, стр. 63.

Годъ 35 й.

Отъ 1710 года іюля 20 по 1711 годъ іюля 20.

По начинаніи сего года начало вижду доброе, что отъ вѣку своего никогда видѣлъ. Не токмо великихъ и малыхъ подарковъ, какъ-то: при отъѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ: отъ електора ганноверскаго подарки (на память?) 14 большіе, да два меньшіе, всего его дому портретовъ, цѣною на 740 червонныхъ, то есть на 3,000 талеровъ, а на нашу монету 1,480 руб.

И оное дѣло въ Ганноверѣ такъ честно оному дающему и въ интересъ его величества, о чемъ пространнѣе покажется въ протоколѣ моей бытности въ Ганноверѣ съ пространнымъ описаніемъ.

На этомъ записки обрываются. И мы не имѣемъ возможности понять, почему князь Борисъ не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Быть можетъ дипломатическая переписка поглощала все вниманіе человѣка, начинавшаго склоняться къ старости, и не оставляла досуга и охоты для личныхъ и, такъ сказать, келейныхъ записокъ. Но жизнь князя Куракина не скоро еще закончилась послѣ того, какъ онъ поставилъ послѣднюю точку своихъ мемуаровъ. Онъ жилъ послѣ того еще 17 лѣтъ, и эти годы были самыми блестящими по отношенію къ его карьерѣ. Воспроизведемъ ихъ пользуясь свѣдѣніями, заключающимися въ *исторіи Соловьева и Бермана.*

Князь Куракинъ былъ полномочнымъ посломъ сперва въ Лондонѣ, потомъ въ Гагѣ, на мѣсто отозваннаго оттуда Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ 1713 году князь Борисъ Ивановичъ изъ комнатныхъ стольниковъ (?) произведенъ въ тайные совѣтники и въ слѣдующемъ году былъ посланъ на брауншвейгскій конгрессъ, но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ недѣль, передалъ занятія свои ганноверскому министру барону Шлейницу и возвратился въ Гагу.

Свѣдѣніе о дипломатической дѣятельности князя Куракина за это время, а равно и выдержки изъ его донесеній можно читать у Соловьева, томъ XVII, стр. 4, 9, 23—27, 35—37.

Кончина британской королевы Анны (12 авг. 1714 г.) предоставила англійскій тронъ ганноверской династіи, и Куракинъ, предоставляя Георгу I изъ шведскихъ владѣній въ Германіи Бре-

менъ и Верденъ, заключилъ въ Грейсфальдѣ (28 октября 1715 г.) трактатъ съ Англіею, долженствовавшій обезпечить для Россіи завоеванныя ею у Швеціи провинціи. Георгъ впрочемъ оказался невѣрнымъ союзникомъ русскаго государя.

О дипломатической дѣятельности Куракина за это время можно читать у Соловьева, т. XVII, стр. 48, 52, 57, 61, 62.

Въ 1717 г. во время пребыванія своего въ Амстердамѣ (съ 7 дек. 1717 по 24 мар. 1718 г.) Петръ собственноручно возложилъ на Куракина орденъ св. Андрея первозваннаго. Отправляясь изъ Голландіи во Францію, Петръ взялъ съ собою и Куракина, который и служилъ царю переводчикомъ во время получасоваго свиданія съ регентомъ Франціи 27 апрѣля 1718 г. Гость и хозяинъ сидѣли въ креслахъ, Куракинъ стоялъ на ногахъ.

По возвращеніи Петра изъ Парижа, Куракинъ въ іюнѣ и августѣ 1717 г. велъ переговоры съ Понятовскимъ и Герцомъ о мирѣ съ Швеціею (см. у Соловьева, т. XVII, 77—79).

1718 годъ, годъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, былъ конечно тяжелъ для Куракина, который по первой женѣ своей Ксеніи Өедоровнѣ, урожденной Лопухиной, былъ родной дядя царевича. Но мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій о чувствахъ и отношеніяхъ Куракина за это время.

Куракину Петръ I обязанъ возстановленіемъ дипломатическихъ сношеній съ испанскимъ дворомъ, куда въ 1722 г. отправленъ полномочнымъ министромъ князь С. Д. Голицынъ. (См. у Соловьева, т. XVII, 314—323).

Въ 1723 г. Куракинъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ былъ отправленъ въ Парижъ по двумъ дѣламъ, въ коихъ не имѣлъ однако успѣха; въ 19 ему поручено было склонить французскій дворъ ссудить Россію деньгами, а въ 24 стараться о бракосочетаніи короля Людовика XV съ в. кн. Елисаветою Петровною. (См. у Соловьева, т. XVIII, 122—129).

Императрица Екатерина I пожаловала Куракина въ дѣйствительные тайные совѣтники, хотя изъ переписки Куракина видно, что при русскомъ дворѣ какіе-то недоброжелатели вели противъ него интриги, приписывая ему честолюбивые замыслы, имѣвшіе видъ правдоподобія по причинѣ близкаго родства Куракина съ покойнымъ царевичемъ Алексѣемъ (См. у Соловьева, т. XIX, 21—28).

При Петрѣ II Куракинъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ на саксонскій конгрессъ, но въ это время именно 17 окт. 1727 г. Куракинъ скончался въ Парижѣ. Тѣло покойнаго привезено въ Москву и погребено въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его предковъ. Находясь на смертномъ одрѣ, князь Борисъ завѣщалъ сыну своему Александру построить въ Москвѣ богадѣльню съ церковью для 15 заслуженныхъ офицеровъ. Богадѣльня эта существуетъ и понынѣ.

Берманъ называетъ князя Бориса Куракина мужемъ любезнымъ и богатымъ познаніями, а Соловьевъ старымъ опытнымъ дипломатомъ.

КОБЗАРИ и ЛИРНИКИ.

(*Окончаніе*) [1].

IV.

Сатирическая дума.—Өедоръ Баша.—Легенда и псальма о Евдакіи.—Музыкальные инструменты кобзарей и лирниковъ.—Подробности ремесла.

Собирателю произведеній историческаго народнаго творчества приходится сѣтовать не разъ на скудость жатвы, считать свой трудъ потеряннымъ и поиски безплодными. Но принявъ въ расчетъ всю ломку, которая произошла и происходитъ въ окружающемъ, взвѣсивши значеніе тѣхъ новыхъ явленій, которыя неотразимыми факторами вторгаются въ жизнь, сглаживая память о прошломъ, удивляешься еще, благодаря какому чуду удержалось и дожило до нашего времени то, что еще встрѣчается теперь? Это чудо—необыкновенный консерватизмъ деревенскаго склада жизни, та монументальная устойчивость ея строя, которая сохраняетъ въ себѣ живыми черты эпохъ самыхъ отдаленныхъ, наблюдать и судить о которыхъ нерѣдко безошибочно можно по современности.

Самый упадокъ эпическаго творчества совершился давно. По общимъ для народной поэзіи законамъ, это творчество жило только на протяженіи героическаго періода жизни народа. А по свойству племени, ее создавшаго, малорусская историческая пѣсня жила и слагалась въ народѣ только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ народъ былъ непосредственнымъ участникомъ, или которыя сильно возбуж-

---

[1]) См. январск. кн. «Кіевск. Стар.», 1884 г., стр. 20--50.

дали его чувство. Таковъ фактъ, засвидѣтельствованный всѣмъ содержаніемъ этой поэзіи. Эпоха руины, послѣдовавшій рядъ гетманствъ въ народной пѣснѣ не отразились ничѣмъ. Политическая исторія перестала быть народной исторіей, и симпатіи народа отъ дѣятелей той эпохи были далеко. Въ концѣ XVIII вѣка пробуждается еще разъ народная историческая муза и воспѣваетъ событія гайдамачины и конецъ Запорожья. Но пѣсни этой эпохи остались пѣснями «мѣстными». Ихъ услышите теперь надъ Днѣпромъ, въ южной Кіевщинѣ. Причина этому можетъ быть та, что къ тому времени наступилъ конецъ кобзарства, главнаго фактора въ распространеніи такихъ пѣсень. Оно жило еще, но жило по инерціи, какъ явленіе уже отходящее въ вѣчность. Оно повторяло старыя думы иного типа, тѣ думы, которыя создали и вызвали къ жизни самый классъ бродячихъ рапсодовъ. Эти-то отголоски далекой старины, въ клочкахъ и обрывкахъ, оно донесло кое гдѣ и до нашихъ дней, благодаря тому удивительному консерватизму деревни, о которомъ говорено выше.

Странное чувство испытываешь, проникая, при помощи памяти слѣпаго пѣвца, такъ наглядно, въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищѣ, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь, съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, боеваго міра, что услышавъ опять ея голоса, какъ бы пробуждаешься отъ сна. Но доведется вновь услышать какъ бы доносящіеся изъ вѣчности, эти отклики былаго, и опять нѣсколько часовъ грезишь на яву, подъ заунывные звуки лиры. Вотъ еще одна изъ такихъ малыхъ находокъ. Въ печати она называется «Думою о козацкой жизни». Лирникъ, сообщившій ее мнѣ, называлъ ее просто «Козакъ и козачка».

1. Не единъ соби козакъ шкодить,
Который у війско ходить,
Ни кого не наймае,
Тильки молодую козачку въ господи покидае:
—Покидаю тебе, козачко, дома,
Да прошу покорно, содержи худобу:
У коминп клочча смуга,
А въ запичку кашка муруга...

Эй, прошу покорно, содержи,
Поки мене Богъ износить
Изъ цёго великого походу!...

Козакъ на коня сидае,
Козачка кляне, проклинае:
—Шобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Шобъ ты козакивъ не пагнавъ,
Шобъ тебе козаки не влюбили
И отаманомъ не постановили!

Козакъ на коня сидае,
Жоночу клятьбу канчукомъ одбивае,
Козакивъ паганяе.
Ёго козаки влюбили—
Отаманомъ постановили,

А козачка по козаку вельми зажурылась:
Чотыри недили хаты не топила,
Вона зъ шинку не выходила;
На пьяту недилю: — сестрички-козачки! шось на моему серцю гадить,
Мабуть мій козакъ изъ Дону до дому выходить!
Пійду-жъ я хоть пьятои недили хату протоплю,
Кислого и перекислого, третъеголитнёго, мартового борщу зварю,
А зъ дороги, здороги здоровои козаку живитъ покреплю!»

Козакъ и къ двору прыизжае,
Козачка проти ёго выбигае...
Коло его двора нема и кола!
Уже жинка горшкомъ воду носить,
Ополонникомъ диты напувае—
Бо кухля шельмина батько мае...
Уже и по-за лавою
Побралися ложки журавою,
На полыци
Сидять цилый мисяць паляныци...

Да козачка ще проти козака выбигае
И чоломъ ему руку подавае,
Козакъ буцимъ-то чоломъ руку прыймае,
Синятыни обухомъ пидъ очи покладае...

Вийшла козачка за ворота,—
Ажъ тамъ стоить жинокъ цила рота.
Одна подумала, друга погадала,
Третя була заричена, не втерпила—словами сказала:
—Козачко-сетричко! Мабуть ты сниило робила
Да по правди й придалося,
То по-нидъ очима у тебе одъ речи взялося!
А козачка козака изъ сорому выкупляла:
—Жиночки-матиночки, сему не подивуйте,
То я ходила позиён ночи по лучину
Та пидбила кари очи на кручину!

Дай же Боже, щобъ козаки пили та гуляли
И козацькои славы не теряли!
Хочъ козакъ помре-поляже—
Ёго слава на викъ не пропаде,
На многія лита,
До конця вику!

Дума эта принадлежитъ къ мало распространеннымъ. Она извѣстна по тексту, записанному въ харьковской губерніи г. Нѣговскимъ, и по выдержкамъ, записаннымъ въ той же мѣстности Н. И. Костомаровымъ и приведеннымъ имъ въ изслѣдованіи «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества». Помѣщая ее въ «Запискахъ о Южной Руси», П. А. Кулишъ сопроводилъ толкованіемъ, съ которымъ нельзя согласиться. Онъ говоритъ, что эта дума сложена козакомъ, рано покинувшимъ семью и хозяйство для походовъ, какъ печальная оглядка на то, къ чему привела его боевая жизнь. Намъ кажется, что это взглядъ не козака, а человѣка посторонняго. Скорѣе можно видѣть здѣсь возведенное въ шаржъ изображеніе нерѣдкихъ примѣровъ безъурядицы и неустройства семейнаго быта украинскаго воина. Эта сатира могла быть сложена по образцу козацкихъ думъ въ угоду посполитымъ и пѣлась въ ихъ средѣ. Лирникъ, сообщившій мнѣ думу, называлъ ее «шуточною», хотя пѣлъ на голоса другихъ козацкихъ думъ. Обличеніе едва ли было искреннимъ, и изображенную картину несправедливо принимать за типичную и общую. Въ козаки стремились всѣ, и эти насмѣшливыя и рѣзкія строки внушены, можетъ быть, завистливымъ чувствомъ осѣдлаго хлопа къ счастливцу «лееcтровику». Значительная часть обвиненія тяготѣетъ къ тому-

же на женщинѣ—козачкѣ. По ея винѣ падаетъ хозяйство, она бросаетъ домъ для разгульной жизни. Кромѣ этого, весьма вѣроятнаго источника обличенія, надо брать въ соображеніе и неизбѣжную долю преувеличенія, какое вообще свойственно сатирѣ. Въ статьѣ «О козакахъ по отношенію къ государству и обществу» (Русск. Арх., 1877 г.), представляющей позднѣйшій фазисъ воззрѣній издателя «Записокъ о Южной Руси», онъ взялъ эту думу въ подкрѣпленіе своихъ новыхъ взглядовъ. Здѣсь онъ смотритъ на сатирическое изображеніе козацкой семьи и хаты въ отсутствіи хозяина, какъ на обычную и нормальную обстановку разбойничьей жизни и семьи, какими онъ призналъ козацкую жизнь и семью на всемъ протяженіи историческаго существованія козачества. По этому воззрѣнію разбойничья козацкая жизнь стояла отдѣльно отъ народной жизни, составляя на народномъ тѣлѣ какую то уродливую гангрену. Открытымъ остается вопросъ: кто же былъ дѣятелемъ великихъ общественныхъ движеній, которыя не могли совершаться безъ участія всего народа, и какою хитростью, какимъ заговоромъ съумѣли эти разбойники козаки такъ глубоко врѣзать въ народный умъ память о себѣ, что эта память въ живой пѣснѣ дошла до нашихъ дней? Не наворожили ли тутъ старые чудодѣи, запорожскіе «характерники?» Общность стремленій народа и козачества подкрѣплена фактами исторіи. Изслѣдованы также и факторы, направлявшіе теченіе жизни не по руслу народныхъ стремленій. Нынѣшній обличитель козачества вѣрилъ прежде, что бѣдность и неустройство козацкой домашней жизни того тревожнаго времени не мѣшали развитію добрыхъ семейныхъ чувствъ, благородныхъ движеній сердца. И мы вѣрили вмѣстѣ съ нимъ правдѣ той прекрасной сцены «Черной Рады», сцены такъ схожей по сюжету съ этою думою, гдѣ Кирило Туръ, типичный козацкій воинъ, среди передрягъ своей боевой жизни, заворачиваетъ какъ-то подъ кровъ родной хаты... Въ ироніи этой думы можно только видѣть отраженіе борьбы мнѣній и общественныхъ разногласій, безъ которыхъ не обходится никакая жизнь.

Въ нашемъ спискѣ, очень отличающемся отъ списка г. Нѣговскаго, замѣтно вліяніе времени. Дума утратила свой архаическій колоритъ. Есть наклонность пріурочить сатиру отъ стараго козацкаго класса воиновъ къ позднѣйшему понятію сословія. Въ

обличеніи боеваго быта встрѣчается невыдержанность: козакъ возвращается «изъ Дону до дому», какъ въ бытовыхъ пѣсняхъ. Но этотъ списокъ подтверждаетъ значеніе думы, какъ сатирическаго шаржа. А то обстоятельство, что дума записана на совершенно противуположномъ углу лѣвобережья, говоритъ въ пользу ея распространенности. Нашъ лирникъ заучилъ ее въ молодости отъ своего учителя кобзаря Лантуха, а къ этому, въ свою очередь по преданію, она перешла отъ болѣе старыхъ кобзарей.

Ѳедоръ Баша, старый лирникъ, живущій въ с. Тамаровой, пирятинскаго уѣзда, стоитъ любого кобзаря. Кромѣ этой думы онъ знаетъ четыре еще (Черноморская буря, Азовскіе братья, Конивченко, Сестра и братъ) и множество псальмъ. Въ этомъ уголкѣ онъ еще находитъ слушателей. Его любятъ въ той мѣстности, зовутъ играть на свадьбы. Условія его жизни разнятся впрочемъ отъ обычной доли слѣпца и нищаго. Онъ «хозяйскій сынъ» и ослѣпъ взрослымъ. Это человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, а не жалкій калѣка. Его знали въ селѣ, какъ сверстника, какъ равнаго, какъ товарища. Здѣсь прошло его «парубоцтво», его «молодый викъ».—Якій хороший бувъ парубкомъ! говорила про него сверстница его, старуха хозяйка хаты, гдѣ мы съ нимъ сидѣли. И, глядя на «темнаго», но еще статнаго и бодраго старика, этому можно было вѣрить. Хорошій работникъ, знавшій разныя ремесла, онъ, по его словамъ «на Покривнаго Ивана и на Покрову робивъ. Дивлюсь, що руськи роблять, то и я робивъ!» За то его и наказалъ Богъ. По словамъ другихъ, онъ былъ непочтителенъ къ роднымъ и потерпѣлъ за то. Какъ «Невольникъ» Шевченка, ослѣпнувъ, онъ не потерялъ расположенія бывшей своей невѣсты и женился на ней. Такимъ образомъ переходъ къ новому состоянію не былъ такъ рѣзокъ. Взрослымъ онъ пошелъ въ с. Смотрики, «въ науку», не разрывая связь съ своимъ селомъ. Помогали сначала родные, а потомъ дѣти, и теперь, когда онъ поженилъ дѣтей, жизнь и обстановка его ничѣмъ не отличаются отъ жизни хозяевъ средней руки. Всѣ сельскія работы умудряется онъ производить наравнѣ съ зрячими.

Мы въ хатѣ у Радченка, «кравця». Этотъ искусникъ тутъ-же, на столѣ мастеритъ заказанную свиту. За пошитье свиты—двадцать пять копѣекъ, за кожухъ—рубль. Старуха, мать портного, прядетъ, сидя на «полу». Хозяинъ вдовецъ. Парубокъ сынъ во-

зится на дворѣ «биля скоту», дочь—возлѣ жарко натопленной печи. Молодежь мало занята лирникомъ, у нея иныя думки. Дивчина поминутно выскакиваетъ изъ хаты, вгоняя дверью съ надвора волны холоднаго воздуха. Она пересмѣивается съ женщинами, постоянно приходящими за водою къ колодцу, что стоитъ надъ самой улицей. Сидя у окна, я слышу разговоръ обо мнѣ и лирникѣ и смѣхъ надъ моимъ чудачествомъ. На стариковъ давнія пѣсни Бани наводятъ серьезное настроеніе. Ихъ мысли обращаются къ старинѣ.

Все измѣнилось теперь, все не такъ, какъ было: обычаи, порядки... Да что, даже одежа!...

— Прежде у насъ священникъ бувъ, отець Олексій, говоритъ старуха. То оце бувало, якъ жинка прыйде до церкви безъ намитки; то винъ кричить: щобъ не смила такъ приходить, бо то законъ велить. А теперъ завьяжетця платкомъ, та ище зверху покрыетця, то воно чортъ ёго и зна, чи жинка, чи дивка, що воно и є!—У мене свекоръ бувъ такій, що оце якъ бувало яка молодиця прыйде до колодця безъ платка, у самому очипку, то винъ кричить: иди геть, надинь платокъ, бо и видра побью...

— Старовину згадали, отозвался лирникъ. То намъ здается, що лучче було, бо мы були молоди! А якъ-бы теперъ на панщину ити, якъ я колись у Яготинѣ ходивъ, шовку учився дилать? Теперъ скупо, такъ скупо на все стало! А що наше братанья—то бильшъ шанували: нагодують було добре, ще й у торбу наложать.

— Старця нагодуешъ, а торбу его николи! вмѣшался хозяинъ, вызвавъ улыбку лирника.

Баша самъ учился два года. За ученье старые кобзари ничего не брали: «то що по миру ходишъ два года,—то звисно ёго». У него самого уже перебывало въ наукѣ человѣкъ пятнадцать.

— О, вони ще якъ въ силахъ були, говорилъ хозяинъ, то якъ заграють було на лири, та заспивають, то ажъ волосья вьяне!—Ану дядьку утнить: «Не журь мене, моя мати».

— О, дакъ це-жъ прости, дрянни, не стоить!.. Спивай теперъ!.. За копійку або дви штиховъ пьятдесять, чи й бильшъ! А якъ скажешъ—три, або пьять, то каже дорого. Та ще, яки загадае спивать, то и наказуе: «гляди-жъ, не выкидай словъ»! Такъ наче воно и зна!

Хозяйская дочка вбѣжала въ хату, хлопнувъ дверью и топчась босыми ногами.

— Ой змерзла, витеръ такій, Господи!

— Ще може и снигъ выпаде, сказала старуха. Шо я того холоду боюсь! Чобитъ немае! Якъ холодъ—не знаешъ, де и дитьця. Ще якъ тепленько, то такъ-сякъ...

— У литку и старець каже: «на ката и хата—и на двори тепло»! замѣтилъ Баша.

Былъ постъ, ранняя весна, это критическое время, котораго особенно боятся старые деревенскіе люди. Въ окно виднѣлось поле, зелень прошлогоднихъ посѣвовъ, какъ-бы уже новая и молодая, за ней отталыя, черныя оранныя поля съ изрѣдка бѣлѣющими пятнами почернѣлаго по краямъ снѣга. Воздухъ былъ прозраченъ и легокъ, блѣдное небо изжелта-ясное румянилось на закатѣ. Еще обнаженныя деревья какъ-то живѣе трепетали вѣтвями при набѣжавшемъ вѣтрѣ. Веселое кудахтанье куръ у окошка, чириканье домосѣдовъ-воробьевъ подъ стрихою, всѣ эти неуловимые голоса природы говорили о пробуждающейся жизни. А старики, понурясь, думали, можетъ быть о томъ, переживутъ-ли они эту весну...

Нашу бесѣду прервали прозвучавшіе въ тишинѣ деревенскаго вечера протяжные, мѣрные удары постоваго колокола.

Записавши отъ Баши и четыре остальныя его думы, я еще болѣе убѣдился въ справедливости наблюденія, сдѣланнаго раньше: что въ послѣднее время,—а это время, можетъ быть, надо считать съ начала этого вѣка, если не ранѣе,—думы удерживались въ памяти кобзарей *по районамъ.* Иначе сказать, были какъ-бы извѣстныя школы кобзарей, которыя удерживали въ памяти и передавали ученикамъ извѣстные циклы думы. Большее накопленіе матеріаловъ поможетъ впослѣдствіи опредѣлить даже границы такихъ районовъ. Варіантъ «Азовскихъ братьевъ», записанный отъ Баши, оказался чрезвычайно близкимъ къ варіанту Крячковскаго кобзаря, записанному также возлѣ Яготина. (См. «Историческія пѣсни малорусскаго народа»). Новыми оказались только два стиха, проклинающіе «турчина-камьяничина», добывающаго серебро и золото,—стихи, являющіеся свидѣтельствомъ того, что украинскіе плѣнники въ турецкой неволѣ употреблялись на работы въ рудникахъ. Варіанты «Конивченка» и «Черноморской бури» явились очень близкимъ подобіемъ

списковъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Лукашевича, записанныхъ также по-близу. Кстати: старѣйшій нынѣ изъ собирателей произведеній украинской народной поэзіи, П. А. Лукашевичъ, здравствуетъ донынѣ и даже, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, продолжаетъ собирать думы и пѣсни, какъ собиралъ для своего сборника полвѣка назадъ. Баша хорошо знаетъ «старого Лукаша», какъ онъ назвалъ почтеннаго этнографа. Онъ и самъ диктовалъ ему думы, причемъ уже теперь записываетъ не самъ г. Лукашевичъ, а кто нибудь по его порученію, а онъ только, по выраженію лирника, «у переплеты кладе».

Среди всякой всячины, которую припоминалъ Баша, онъ откопалъ между прочимъ псальму, сильно искаженную. Смыслъ ея можно было возстановить съ помощью легенды, разсказанной имъ-же вслѣдъ за ней. Самый духовный стихъ онъ назвалъ «Псальмою св. Василію».

Одъ злихъ еси благодать, о святителю—отче,
Дивенъ еси пастырь добрый и Василію святый!
Отрезъ сладость Кесарія (?) и вельми просить Василія, шобъ одъ биды одигнавъ:
— «Василію, святителю вельми щедросливый!
Измилуйся надо мною, пастырь милостивый.
Шо записав'я мій мужъ врагу, Инциперу пекельному кровію своею!...»
Замкнувъ святый Василій Евладія въ церковъ,
А самъ пишовъ къ святому Богу молытьця...
—Помилуй мя, Боже-Отче
И отъ свита ты мій Творче
По щедрій души!...
Демонъ рече: «Василію, не твори намъ капостя,
Бо винъ-же намъ записався сладкои сладости,
А теперъ одбираешъ
И руци нози одризаешъ
Слуги нашого.
Недостоинъ буть слугою,
И отверзи себе рукою
Одъ лиця своего хрещеного,
И одъ Господа небесного,
Троицею единою...

Ангелъ писню воспивае,
И кругомъ церкви облитае,
На Кесарію парикае
И Евладія вгрущае:
«Кайся, чоловиче, гриховъ покуты держися,
И своему Спасителю слезами молися,
Шобъ тебе вразя не вловили
И въ огонь вичный не вкинули,
Тамъ будешь горити...»
Демовъ церкву облитае
И запись въ окно укидае;
Ангелъ запись приймае,
Василій хрестомъ охрещае
Слугу своего...

«Бувъ соби бидный чоловикъ—говорить легенда—и пасъ вивци на степу. А Кесарія царевна произдила мимо. Випъ нагледивъ ін и влюбився, та й каже: «Боже мій, шобъ я зробивъ, щобъ мени сюю царевну Кесарію за себе взяти: я-бъ сатани лукавому свою душу отдавъ!...»

Диждавъ ночи, являєтця якъ ёму сатана.

— Евладій, пробудися сна! Що ты казавъ у день?

— А що-жъ я, каже, казавъ? То, що бачивъ Кесарію и що я-бъ сатани душу отдавъ, щобъ ін за себе взяти.

Сатана и каже:—ну, постій-же, Евладій, я пійду до свого правительства, роспитаюсь, бо и зъ вашого брата багацько насъ надувають.

Роспитавсь та й обративсь назадъ.

— Що-жъ ты, каже, согласенъ, Евладій?

— Абы вона була за мною, то я согласенъ.

— Ну, пидпишися-жъ. Урижъ мизиного перста правои руки и притули печать. Я тебе запишу.

Записавсь випъ кровію своею.

— Диждавъ ночи, ѝдуть вони вси, поубирани!... Де тамъ, якъ панычи, якъ царевичи! Изъ ихъ бояре и поиздъ весь. Той ступеньки одкида, той у коляску сажае, и повезли его до царевны, до Кесаріи. Пидвеселили ихъ, пиръ одбули, гуляють... Догулялись до того, що кончено дило. Живуть...

Воскресного дня вона одъизжае до церкви, а винъ за рушницю, та у садъ. Вона пита его:—чому це други жинки идуть до церкви зъ мужьями, а ты не ходишъ николи?

Винъ каже, що я за васъ свою душу продавъ!

Отъ ий наряли пiйти до святого Василiя. Винъ заперъ Евладiя у келiю. Сидивъ винъ тамъ три ночи. Перву ничъ Василiй питае: якъ тоби? Не втерплю, каже. Другу ничъ—трохи полехше, третю—ще лехше.

Зибравъ Василiй миръ, а жона мужа спасла»...

Легенда эта—народный варiантъ разсказа, извѣстнаго какъ печатно, такъ и въ видѣ рукописныхъ мистическихъ сказанiй. Это одинъ изъ самыхъ начальныхъ типовъ легендъ изъ безчисленнаго цикла о союзѣ съ чортомъ и запродажи ему души. Развиваясь и видоизмѣняясь въ среднiе вѣка, идея этой легенды дойдетъ до сказанiй о Фаустѣ и Твардовскомъ. Первообразъ ея находится въ житiи св. Василiя, архiепископа Кесарiи Каппадокiйской, откуда, съ различными апокрифическими украшенiями, она попадаетъ въ сборникъ чудесныхъ сказанiй Vincent de Bové,—одну изъ первопечатныхъ книгъ. Въ рукописной передачѣ она обратила на себя вниманiе изслѣдователей и въ двухъ редакцiяхъ включена въ изданные графомъ Кушелевымъ «Памятники старинной русской литературы» (Вып. I.). Въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда такова:

У сенатора Протерiя (при императорѣ Юлiанѣ) была дочь, которую онъ предназначалъ къ монастырской жизни; одинъ изъ его домашнихъ рабовъ воспылалъ къ ней страстною любовью и отправился къ волшебнику, чтобъ тотъ своимъ искусствомъ доставилъ удовлетворенiе его страсти. Волшебникъ далъ ему рекомендательное письмо къ дьяволу. Это письмо надо было поднять къ верху на могилѣ какого нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели къ своему господину. Такъ рабъ и сдѣлалъ, вслѣдствiе чего былъ приведенъ въ то мѣсто, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ сатана, окруженный своими духами. Сначала духъ тьмы прикрикнулъ на новичка; но когда тотъ письменно отказался отъ крещенiя, добровольно произнесъ хвалу новому господину и вызвался раздѣлить съ нимъ въ вѣчности приготовленную ему участь, то дьяволъ смилостивился и принялъ его благосклонно. Затѣмъ послалъ демоновъ страсти воспламенить въ дѣвушкѣ любовь къ этому погибшему чело-

вѣку, что имъ и удалось. Грѣшникъ раскаивается потомъ и получаетъ прощеніе отъ Бога. Рабъ сенатора Протерія прибѣгаетъ къ помощи св. Василія и, послѣ долгихъ общественныхъ молитвъ, падаетъ рукопись съ высоты въ руки святаго, который разрываетъ ее, затаптываетъ въ грязь, а спасеннаго возвращаетъ женѣ.

Одинъ изъ осколковъ средневѣковыхъ воззрѣній, гдѣ восточныя вѣрованія въ волшебство перепутаны съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, повѣсть эта, какъ уже сказано, входитъ и въ рукописную старинную литературу. Въ кушелевскихъ «Памятникахъ» одинъ изъ варіантовъ ея доставленъ изъ Малороссіи. Въ нашей псальмѣ попадаются цѣлыя фразы, буквально заимствованныя изъ этой «страха и ужаса исполненной и неизреченнаго удивленія достойной» повѣсти. Въ приведенной малорусской передачѣ идея сказанія является въ своемъ первоначальномъ видѣ. Она далека еще отъ тѣхъ умственныхъ процессовъ, которые отъ этихъ союзовъ съ чортомъ для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій приходятъ къ союзу для удовлетворенія жажды знанія и въ легендѣ о Фаустѣ являются отождествленіемъ философскихъ стремленій цѣлой эпохи,— эпохи возрожденія.

Псальма, приведенная выше, любопытна, какъ одинъ изъ немногихъ образчиковъ малорусскихъ духовныхъ стиховъ, имѣющихъ источникомъ мистическія повѣсти или апокрифы. Подобными суевѣрными и темными сказаніями полны великорусскіе сборники Безсонова и Варенцова, съ ихъ огромными отдѣлами раскольничьихъ стиховъ. Въ малорусской духовной пѣсенности это явленіе случайное, какъ можно убѣдиться изъ приводимой ниже возможно полной библіографіи разсѣянныхъ по разнымъ сборникамъ псальмъ и лирницкихъ пѣсень [1]).

---

[1]) *Утренняя Звѣзда*, альманахъ 1835 г. Въ статьѣ Срезневскаго о Сковородѣ приведена пѣсня „Всякому городу нравъ и право", въ передѣлкѣ бандуристовъ и въ подлинникѣ, стр. 82—88.

Метлинскій, Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ, 1854 г.—Олексій, стр. 365. Доля, стр. 371. Вдова.—Смерть.—Судъ.—Шуточныя, стр. 467—72.

Записки о Южной Руси, Спб., 1856—1857 гг., томъ II. Баллада изъ временъ уніи, стр. 83. Пѣсня о Правдѣ, стр. 101—102.

Малорусскій литературный сборникъ, Саратовъ, 1859 г.,—1. Ишовъ Божокъ дорогою. 2. Веселая свиту новина. 3. Двѣ почаевскихъ псальмы (Въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ на Волыни Н. И. Костомаровымъ).

Пѣсни малорусскихъ лирниковъ можно раздѣлить на: *псалмы* (двухъ родовъ: а) о духовныхъ лицахъ, событіяхъ и святыхъ и б) нравоучительно піэтическія), *морализирующіе стихи*, *стихи сатирическіе* и пѣсни *шуточныя*. Псальмы перваго рода—о духовныхъ лицахъ и событіяхъ, псальмы такому или иному святому или навѣянные житіями святыхъ,—самые темные и слабые. Здѣсь чуждый книжный элементъ держитъ въ оковахъ умъ пѣвца и, боясь перепутать мало вѣдомые имена и факты, пѣвецъ механически удерживаетъ ихъ, хоть и въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Слагались онѣ подъ вліяніемъ духовныхъ школъ, иногда заимствовались у монаховъ, странниковъ и, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нищая братія сталкивается часто,—у каликъ. Много такихъ псальмъ идетъ изъ юго-западнаго края, преимущественно изъ Почаева, близъ котораго существовали, говорятъ, даже лирницкія школы. Псальмы Сковороды,—также странствующія въ народѣ, всѣ отличить трудно, такъ какъ не всѣ сочиненія его этого рода напечатаны. Но съ достовѣрностію можно указать съ десятокъ сковородинскихъ псальмъ. Иногда, если сюжетъ псальмы, хотя и книжный, глубоко затроги-

Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, Спб. 1860 г. 1) О началѣ свѣта. 2) О Христовомъ рожденіи. 3) Въ четвергъ зъ вечора жиды сотворили... (эти три изъ сочиненія Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи"). 4) А въ недилю по обиди. 5) О свентый Антонію (изъ „Пинскихъ пѣсенъ, изданныхъ Зенькевичемъ. Ковно, 1851 г.) 6) Святый Михаилъ. 7) Алексѣй Божій человѣкъ. 8) Лазарь (нѣск. варіантовъ).

Основа, 1861 г., № 10. Статья Жемчужникова „Полтавщина". Псальмы Вересая, стр. 92. 1) Ой горе, горе на симъ свити жити. 2) Правда. 3) Пресвятая Диво-Мати, помощнице наша... 1862 г., № 6. „Зъ народнихъ устъ", В. Коховскаго, стр. 44. Вирши. 1. Риздву. 2. Великодню.

Ужинокъ ридного поля, Москва, 1857 г.—Смерть, стр. 233.—Благание, стр. 238. По обыкновенію издателя обѣ пьесы искажены передѣлкой.

Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Спб., 1872—1877. Т. I. Вып. I (стр. 147—149; 151, 160, 182—220). 1. Писня объ Адамѣ и Евѣ. 2. Пѣсня о душѣ. 3. Пѣснь почаевской Божіей Матери (Пасли пастыри...) 4. Вторая пѣснь почаевской Бого-матери („Выйшла зоря вечировая...") Варіанты: а) Изъ Борисполя. в) Изъ книги Стецкого „Volyń". 5. Боговозбранній Диви. 6. Пресвятой Богородицѣ бердичевской. 7. Охтирьскій Божій Матери (Харьковъ)—2-й варіантъ (оттуда-же). 8. Св. Михаилу. 9. Св. Миколаю.—Варіанты а) Изъ Берестечка. b) Изъ Мліева, черкасскаго уѣзда. c) Изъ Сборника Кулиша, безъ отмѣтки мѣста записи. d) Изъ Ростова на Дону. е) Второй изъ Берестечка. 10. Ивану Хрестителю. 11. Олексію Божому чоловику.—Варіанты а) Изъ козелецкаго уѣзда. в) Изъ переяславскаго уѣзда. с) Безъ означенія мѣста. 12. Преподобному Онопрею.—Варіантъ

ваетъ народную жизнь, вдохновеніе оживаетъ, и получается пѣсня, полная украинской тоски. Таковъ популярнѣйшій «Лазуръ», таковъ оригинальный и поэтичный разсказъ объ «Олексіѣ». Когда изъ книжныхъ рамокъ лирницкая пѣсня вырывается на вольный воздухъ народнаго творчества, тогда хоть и все въ ней мрачно, но все просто и ясно, иногда образно, а подчасъ звучитъ высокой энергіей народной поэзіи. Во главѣ морально-философскихъ пьесъ (внѣ церковнаго элемента) стоитъ «Правда»,—одно изъ характернѣйшихъ для опредѣленія народнаго міровоззрѣнія произведеній, пьеса чисто рефлективная и въ тоже время отмѣченная поэзіей. Сатирическія пѣсни касаются общественныхъ анормальностей и уродливыхъ явленій, непріятныхъ сторонъ семейной жизни и т. п. Шуточныя пѣсни бываютъ просто потѣшныя,—одно зубоскальство и балагурство, иногда съ сильной примѣсью гривуазнаго элемента, какой требуется въ пьяномъ веселіи, иногда-же рисующія, хоть и съ пья-

---

изъ черкасскаго уѣзда. 13. Ивану Богослову. 14. Ивану Златоусту. 15. Архидіакону Стефану. 16. Святой Варварѣ. 17. Пѣснь о страшномъ судѣ (изъ книги Стецкаго Volуń). Т. III (стр. 11, 15—21 и 25). 1. Псальма Благовѣщенію. 2. Псальма Великой Субботѣ (онародленые стихи Сковороды; см. Сочиненія Сковороды. Спб. 1860 г., стр. 21). 3. Семь псальмъ о распятіи и погребеніи Христа (изъ Харькова. Сборникъ Кулиша). О воскресеніи Христовомъ (Ibid). Т. V (стр. 1073—1074, 1163). Вида.—Мищанка.—Дворянка.—Чечотка.

Записки юго-западнаго отдѣленія географическаго общества, Кіевъ. 1874—1875. Т. I. Приложеніе.—Думы и пѣсни Остапа Вересая; стр. 22, пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. 1) Правда. 2) Ой горе, горе на симъ свити жити... 3) Про страшный судъ. 4) Сынъ блудящій. 5) До часнего живого чоловика. 6) Муки Христа. 7) Великій мій жалю. 8) Миколай. 9) Про страшный часъ. 10) Розставанне души съ тиломъ. 11) Пустельникъ и пьятница. Пѣсни сатирическія: 1. Щиголь. 2. Дворянка. 3. Про Хому и Ярему. 4. Кисиль. 5) Бугай. Причитанія Вересая.—Ноты къ его пѣснямъ. стр. 64. Лирницкая пѣсня про панщину и ея отмѣну.

Т. II (стр. 116. Статья „Кобзари Братица и Дубъ"). 1) Про двападцать пьятницъ. 2) Теща.

Лисенко, Украински писни. Выпускъ I. Почаевская псальма (Ой зійшла зоря вечирова...) текстъ и ноты.

Кіевская Старина, 1882 г., № 8.—1883 г., № 2. 1884 г., № 1.

Безсоновъ, Калики перехожіе. Москва, 1861—1864 г. Вып. I, стр. 65—67. Пѣсня о Лазарѣ, стр. 151—152, о св. Алексіи, Вып. III, стр. 680—690 о Почаевѣ и почаевской Божіей Матери. Вып. IV, стр. 21—25. Псальмы Р. Хр. Вып. V, стр. 15—18. Стихи на св. Пасху.

Головацкій, Пѣсни угорской и галицкой Руси. М. 1878 г. Ч. II, стр. 732—738; ч. III. Отд. I, стр. 263—288; ч. III. Отд. II, 521—524.

ныхъ глазъ, силуэты этой жизни или шутливыми штрихами обрисовывающія ея типы. Тутъ сквозь пьяный хмѣль нѣтъ нѣтъ да и проскользнетъ трезвая мысль, насмѣшка надъ другими и надъ собой и вездѣ, хоть гдѣ-то на дальнемъ планѣ, сквозитъ тотъ строгій, земледѣльческій идеалъ, какимъ дышетъ вся народная поэзія, идеалъ, выросшій на основѣ трудовой жизни.

Псальмы, духовные стихи и шуточныя пѣсни поются съ лирой, но поются они также и кобзарями, точно также какъ съ лирою поются думы.—Скажемъ нѣсколько словъ объ инструментахъ лирниковъ и кобзарей. Типичная бандура была описана на страницахъ «Кіевской Старины». Кромѣ нея существуетъ типъ *панской* бандуры, представляющей попытку соединить гитару съ кобзой. Въ народѣ она не встрѣчается, а существуетъ, какъ остатокъ старины. Любопытно было-бы рѣшить вопросъ о времени появленія бандуры въ Малороссіи. Изображеніе этого инструмента встрѣчается на картинахъ европейскихъ художниковъ XV и XVI вѣка. Занесенъ ли онъ на Украину изъ Польши или изъ «Волоховъ» и когда? Время его появленія помогло-бы опредѣлить время появленія въ народной поэзіи формы *думы*, которая по всѣмъ старымъ свидѣтельствамъ всегда соединялась съ бандурнымъ сопровожденіемъ. Помѣщая ниже рисунокъ типической лиры и народныя названія составныхъ ея частей, заимствуемъ изъ интереснаго труда г. Пѣтухова «Народные инструменты музея петербургской консерваторіи» описаніе конструкціи этого инструмента: «Инструментъ этотъ одинъ изъ тѣхъ, струны которыхъ приводятся въ колебаніе треніемъ. Это не что иное, какъ одинъ изъ видовъ рыли (vielle) [1]). Онъ состоитъ изъ кузова, почти такого-же объема, какъ кузовъ альта, а по размѣрамъ почти прямо пропорціональнаго кузову контра-баса и по виду съ нимъ схожаго; непосредственно къ кузову въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки придѣланъ грифъ, прикрѣплена небольшая коробка съ крышкою. Въ одной изъ боковыхъ дощечекъ коробки сдѣланы три отверстія для колковъ, на которые намотаны три кишечныя струны, изъ которыхъ средняя направлена сквозь большую удлиненную коробку, помѣщающуюся на верхней декѣ, черезъ колесо и

[1]) Въ простонародіи она извѣстна подъ именемъ рели. Лирою зовутъ ее сами лирники.

подставку къ выступу, лежащему у ручки, а двѣ боковыя поверхъ верхней деки къ колесу и къ мѣсту ихъ закрѣпленія; на противоположной сторонѣ мѣста расположенія малой коробки находится рукоятка, имѣющая назначеніемъ приводить въ вращательное движеніе колесо, замѣняющее въ малороссійской лирѣ смычокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ колесомъ соприкасаются струны, на нихъ намотана овечья шерсть для предохраненія ихъ отъ преждевременнаго разрыва. Необходимый запасъ этой шерсти помѣщается обыкновенно въ малой коробкѣ. Колесо закрывается выпуклою крышкою, напоминающую крышку кибитки, на верхней декѣ вырѣзаны на манеръ скрипичныхъ эсовъ два голосника и помѣщается большая коробка съ одинадцатью нажимателями, имѣющими назначеніе укорачивать на желаемую ступень посредствомъ гребешковъ среднюю струну. Коробка эта закрывается плоскою крышкою.

При вращаніи колеса всѣ три струны звучатъ въ униссонъ, послѣдовательнымъ нажатіемъ нажимателей высота тона средней струны измѣняется».

Въ обращеніи появились лиры и послѣдовательно стали вытѣснять бандуры, если вѣрить разсказамъ кобзарей, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Съ лирою пѣніе гораздо медленнѣе. Это инструментъ крикливый, неповоротливый. Съ бандурою дума, напр. «Азовскіе Братья», поется быстро, какъ речитативный разсказъ, оттѣняемый только переливами голоса и струнными аккордами. Съ лирой она выкрикивается медленно, причемъ, между нѣкоторымъ количествомъ строкъ, играется «пригрышъ». По этимъ музыкальнымъ дѣленіямъ происходитъ и заучиванье думъ, которыя поэтому лирники дѣлятъ на *штихи*. Въ варіантахъ Баши въ «Азовскихъ Братьяхъ» или въ «Коновченкѣ», по его счету, стиховъ по пятьдесятъ. Эти стихи соотвѣтствуютъ законченной мысли, напримѣръ:

Ой не туманы вставали,
Якъ изъ города Озова зъ тяжкои неволи
Три браты утикали.

Это одинъ стихъ.—«Це, бачъ, одводъ; нада робить, якъ скончу», говорилъ Баша. Мнѣніе, которое встрѣчалось въ печати, что на лирѣ не играются танцы, совершенно несправедливо. Козачки, напротивъ, входятъ обязательно въ кругъ лирницкой науки и въ

глухихъ уголкахъ лирники очень часто еще играютъ на досвиткахъ и свадьбахъ.

Что касается распространенности лирницкаго промысла, то можно сказать, что, благодаря условіямъ деревенской жизни, гдѣ къ несчастью немало слѣпыхъ, онъ довольно распространенъ. По крайней мѣрѣ у насъ на лѣвомъ берегу лирниковъ много. Въ кіевской губерніи, по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ («Заря» 1883 г., № 281), ихъ напротивъ очень мало. На все огромное число 4221 слѣпыхъ, бывшихъ въ губерніи въ 1881 году, «занимающихся игрой на лирѣ» было тринадцать. Цифра эта конечно достовѣрна настолько, насколько вообще явленія подобнаго рода поддаются оффиціальной отчетности. Мнѣ всегда казалось ужаснымъ, что эти несчастные, живущіе подаяніемъ, несутъ подати и повинности наравнѣ съ зрячими. Общества освобождаютъ ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и отъ всѣхъ лирниковъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать, я слышалъ по этому поводу горькія жалобы.

Какъ во всякомъ ремеслѣ, а особенно такъ близко соприкасающемся съ искусствомъ, тутъ бываютъ свои таланты. Я помню, какъ поразилъ меня своимъ пѣніемъ одинъ лирникъ на ярмаркѣ въ м. Сребномъ прилуцкаго уѣзда. Его молодой и свѣжій голосъ дышалъ такимъ выраженіемъ, что въ его пѣніи избитые стихи «Лазура» показались мнѣ совершенно новыми.

Ой бувъ соби бидный Лазуръ, по свиту скитавсь,
А ёго братъ, сильный богачъ зъ міру наживавсь...

Онъ пѣлъ это съ болѣзненнымъ стономъ страданія, и въ постоянно окружавшей его толпѣ не одинъ человѣкъ утиралъ слезы. Самая наружность его носила какой-то трагическій отпечатокъ. Такой типъ мѣтко схваченъ талантливымъ художникомъ—этнографомъ шестидесятыхъ годовъ Л. М. Жемчужниковымъ на картинѣ его «Бандуристъ», находящейся въ с. Сокирницахъ у Г. П. Галагана.

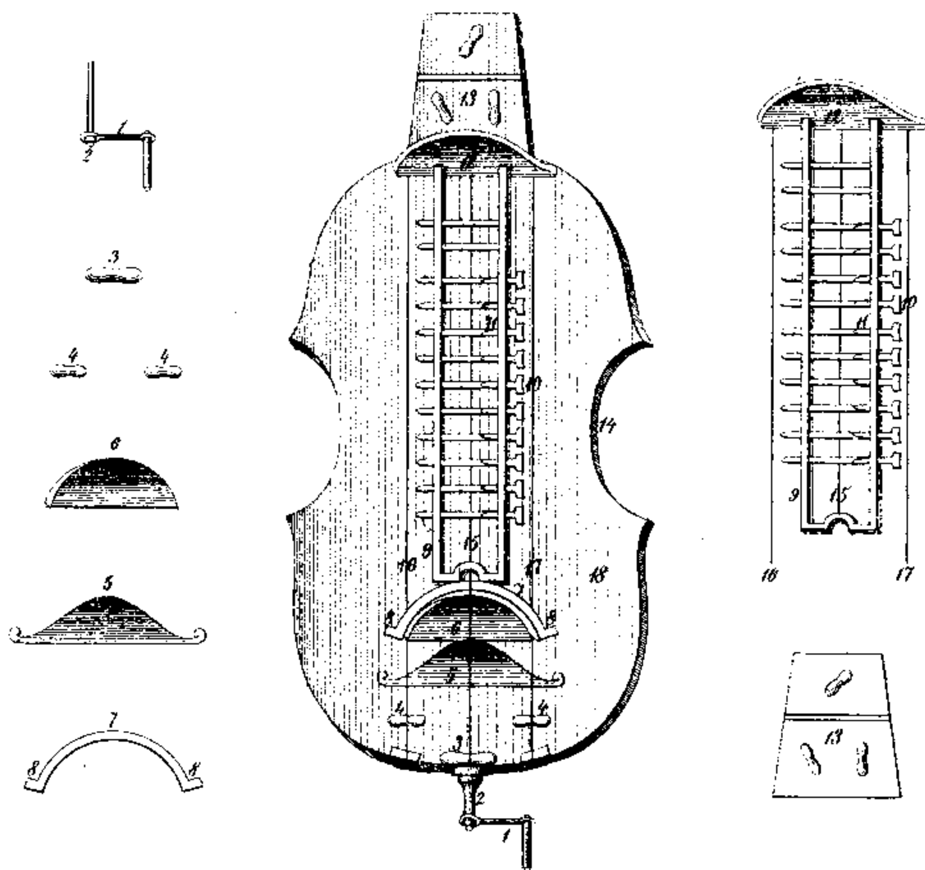
Лирники ходятъ по міру преимущественно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ, когда у людей есть хлѣбъ. Они какъ-бы избѣгаютъ раздражать просьбою о милостынѣ въ то время, когда на хлѣбъ скупо, ходятъ всю осень, до снѣгу, когда можно, ходятъ и зимой и, по стаяніи снѣга, раннею весною. Поводырями бываютъ

или свои дѣти, если есть, или безпріютные сироты. Если бывають взрослые поводыри, то развѣ только калѣки. По домамъ, на свои мѣста, возвращаются къ большимъ праздникамъ, Рождеству, Пасхѣ и обязательно къ храму своей церкви. Лѣто, самое удобное для странствованій время, они проводятъ дома. Тутъ они занимаются преимущественно издѣліями изъ конопли: витьемъ веревокъ и веревочной упряжи. Заработокъ на этомъ бываетъ такой: за работу веревки средней величины изъ матерьяла заказчика—20 копѣекъ, на его харчахъ—15. Работа занимаетъ больше дня. Но и эти заказы были бы очень желанными, если-бъ были постоянны. Что касается «науки», то ее кончаютъ въ отрочествѣ. Въ прежнее время выучивались всѣмъ тѣмъ пѣснямъ, которыя зналъ учитель. Цифра ихъ доходила до шестидесяти. Въ этомъ числѣ было 5—6 думъ. Таковы познанія старыхъ кобзарей и лирниковъ, лѣтъ по 60, которыхъ я знаю. Болѣе молодые,—лѣтъ по сорока, знаютъ только по двѣ-три думы. Молодые лирники думъ уже не знаютъ. Въ послѣдніе два десятка лѣтъ ихъ перестали заучивать совсѣмъ.

В. Горленко.

Приложеніе къ статьѣ „Кобзари и Лирники".

Лира, ея составныя части и ихъ народныя названія.

1. **Корба.**
2. **Воюкъ** або троникъ.
3. **Затвиъ** (на ёму килочки подставци).
4. **Коники.**
5. **Кобылка.**
6. **Колесо.**
7. **Лубникъ** —крышка.
8. **Пордсики.**
9. **Кливитура.**
10. **Кливиши** (зубчики, внизу ихъ ноты).
11. **Ноты.**
12. **Блумирь.**
13. **Накильникъ** (Досточка, возлѣ него застáвка одъ накильника).
14. **Обручи** (боковыя стѣнки лиры).
15. **Ринка** (або перва).
16. **Басъ** (большая струна).
17. **Пидбасокъ** (тоньшая струна).

(15–17: Всѣ три по тальлиски.)

18. **Дейка** (верхн. и нижняя стѣнки лиры)

Вырѣзки въ верхней дейкѣ —голосняки.

ВОПЛЬ МАЗЕПЫ.

Лѣтъ десять—пятнадцать назадъ за литургіей въ 1-ю недѣлю великаго поста въ любомъ каѳедральномъ соборѣ можно было еще слышать протодьякона, громовымъ голосомъ возглашавшаго между прочимъ слѣдующія слова: «Глаголющимъ, яко цари возводятся на престолъ не по особому благоволенію Божію и тако дерзающимъ на бунтъ и измѣну, аки Гришкѣ Отрепьеву и Ивану Мазепѣ и прочимъ подобнымъ—анаѳема!» Обрядъ проклятія Мазепы и другихъ виновныхъ въ измѣнѣ получилъ свое начало при Петрѣ В. и внесенъ, по его повелѣнію, въ церковный «чинъ православія», направленный, какъ извѣстно, противъ иконоборцевъ и другихъ еретиковъ. Нечего и объяснять, что поводомъ къ сему послужила измѣна Мазепы Петру въ войнѣ съ Карломъ XII и переходъ его на сторону этого послѣдняго. Получивъ объ этомъ вѣсть въ лагерѣ надъ Десной, Петръ посредствомъ нарочитыхъ манифестовъ и грамотъ [1]) стянулъ къ себѣ сюда всю козачую старшину и знатнѣйшее духовенство и передвинувшись въ Глуховъ, приказалъ избрать здѣсь гетманомъ Скоропадскаго, а Мазепу предать всенародному проклятію. Сюда былъ привезенъ къ тому времени кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ кіевскихъ монастырей, и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ, чрезъ нарочно посланнаго въ Кіевъ князя Б. И. Куракина [2]). На

---

[1]) См. грамоту о семъ на имя черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича въ августовск. книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ.

[2]) См. въ этой-же книжкѣ въ «Запискахъ кн. Куракина» на стр. 624.

митрополита успѣли уже набросить подозрѣніе въ соучастіи въ измѣнѣ Мазепы и онъ долженъ былъ доказать свою преданность Государю торжественнымъ анаѳематствованіемъ Мазепы по особо придуманному неизвѣстно кѣмъ обряду. Вотъ какъ описываетъ этотъ мрачный обрядъ неизвѣстный авторъ «Исторіи Руссовъ», писавшій по свѣжему преданію.

«По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія гетманскаго, открылось тамъ-же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малороссіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адъ. Многочисленное духовенство малороссійское и ближайшее къ границамъ здѣшнимъ великороссійское, нарочито собранное въ Глуховъ и составившее изъ себя такъ названный помѣстный соборъ, въ 9-й день того-же ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анаѳемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленномъ собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣяніи и всѣ со свѣчами чернаго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втянутъ внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ священнаго писанія, потомъ провозгласивъ и нѣсколько разъ повторивъ: «да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!» оборотило на портретъ его возженныя свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніемъ, оборачивали и они свои свѣчи ничкомъ. Начальствующій епископъ ударилъ притомъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, съ изрѣченіемъ: «анаѳема!» И тогда повлекли обратно портретъ изъ церкви и пѣли сей стихъ церковный: «Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола», и тѣмъ обрядъ тотъ кончился»[1]).

Въ тотъ-же день, по повелѣнію Петра, грозная анаѳема Мазепѣ возглашена была Стефаномъ Яворскимъ въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, а затѣмъ и во всѣхъ церквяхъ русскаго государства. Впослѣдствіи проклятіе Мазепы внесено было въ церковный

---

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго. Москва. 1846 г. стр. 211 и 212.—Упоминаніе о присутствіи здѣсь Ѳеофана Прокоповича есть анахронизмъ; онъ не былъ тогда не только епископомъ, но даже архимандритомъ и вовсе не былъ извѣстенъ Петру.

«чинъ православія», составлена сверхъ того особая служба церковная на день полтавской викторіи 27 іюня, съ примѣненіемъ къ Мазепѣ и Петру той пѣсни: *Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола*, которая заимствована изъ службы Страстямъ Христовымъ и пѣта была при первоначальномъ анаѳемствованіи Мазепы.

Обрядъ именнаго проклятія Мазепы удерживался до нашихъ дней и лишь въ недавнее время отмѣненъ св. синодомъ, какъ дѣйствіе, утратившее даже исторической свой смыслъ, никому и ни для чего уже не нужное. Въ немъ рѣзко бросалось въ глаза это несогласимое противорѣчіе изрекаемаго устами церкви проклятія и возвѣщаемаго ею мира и любви, ученія ея о загробной жизни, судѣ Божіемъ, воздаяніи въ послѣдній день и это предвосхищеніе суда у Того, кто самъ сказалъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ.* Являлось кромѣ того новое, еще болѣе поражающее противорѣчіе: ежедневно, въ теченіи всего года, въ многочисленныхъ, Мазепою построенныхъ церквахъ, поминалось имя Мазепы, какъ создателя и благодѣтеля, и однажды въ годъ это-же имя предавалось вѣчному проклятію.

На это послѣднее противорѣчіе натолкнулся случайно императоръ Николай Павловичъ въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ. Посѣтивъ военный соборъ, онъ уже предъ выходомъ изъ церкви, окинувъ взоромъ ея своды и всю внутренность и любуясь ея архитектурой, спросилъ настоятеля собора:

— Кѣмъ построена церковь?

— Мазепою, робко отвѣтилъ настоятель, и—слово замерло на его устахъ.

— Что-же, вы молитесь объ немъ? спросилъ вновь Государь.

— Молимся, когда по уставу церкви возглашаемъ: о создателяхъ и благотворителяхъ святаго храма сего, отвѣтилъ настоятель, ободренный ласковымъ видомъ Государя.

— Молитесь, молитесь! съ легкимъ вздохомъ произнесъ Государь и быстро вышелъ изъ церкви.

Это-то противорѣчіе повторявшееся изъ году въ годъ, людей вѣрующихъ, людей съ живымъ христіанскимъ чувствомъ наводило на мысль о неестественности анаѳемы, съ точки зрѣнія чистой идеи церкви, прежде окончательнаго суда Божія.

Такая именно мысль положена въ основу помѣщаемаго здѣсь рукописнаго произведенія, подъ заглавіемъ: *Вопль Мазепы.* По почерку, бумагѣ, языку и другимъ признакамъ оно принадлежитъ несомнѣнно началу нынѣшняго столѣтія. Неизвѣстный авторъ онаго безспорно малороссъ, но не мѣстный патріотизмъ его одолѣваетъ; его произведеніе чуждо всякой политической тенденціи, но его смущаетъ эта несообразность одной изъ торжественнѣйшихъ службъ церкви съ ея основнымъ духомъ и характеромъ, это противорѣчіе между возвѣщаемымъ ею ученіемъ мира и любви и изрекаемымъ ея-же устами проклятіемъ, подчиненіе высшаго авторитета церкви цѣлямъ земнымъ, предвосхищеніе вѣчнаго суда Божія. Не оправдать Мазепу въ его политической винѣ, но снять съ него тяготѣющее надъ нимъ проклятіе во имя высшей идеи христіанства, показать, что право окончательнаго суда надъ всѣми дѣяніями людей принадлежитъ одному лишь Богу и что судъ этотъ будетъ произнесенъ имъ лишь въ послѣдній день міра—такова цѣль автора и его основная мысль.

Но, выражая эту мысль прямо въ отвлеченной формѣ, нельзя было заинтересовать ею и убѣдить въ ней, а высказывая ее публично, можно было навлечь на себя серьезную опасность. И вотъ авторъ избираетъ для нея оригинальную форму всеподданнѣйшаго отъ лица Мазепы прошенія на высочайшее императора Александра I имя въ 7-ми пунктахъ; но это лишь рамка для другой, распространенной въ то время литературной формы «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Соединивъ обѣ эти формы, авторъ изображаетъ различныя состоянія души Мазепы, ищущей освободиться отъ тяготѣющаго надъ ней проклятія,—начиная съ перехода ея въ адъ по смерти и оканчивая воплемъ, обращеннымъ къ императору Александру о прекращеніи ежегоднаго публичнаго анаѳемствованія.

Слѣдя за развитіемъ основной мысли помѣщаемаго произведенія, нельзя не примѣтить въ авторѣ онаго наклонности къ мистицизму и сосредоточенія его вниманія на идеѣ безконечнаго величія, всемогущества и милосердія Божія, а это даетъ намъ поводъ къ предположенію, не принадлежалъ-ли авторъ къ разряду нашихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, группировавшихся въ значительно распространенномъ у насъ тогда обществѣ франкъ-масоновъ. На это указываютъ и мистическія названія для означенія

времени написанія, разгадать которыя мы не беремся. Филантропическимъ идеямъ и тенденціямъ этихъ мистиковъ въ особенности должны были претить не только мрачная обстановка, но и самая идея всенароднаго проклинанія Мазепы. Какъ-бы ни было, помѣщаемое произведеніе представляетъ характерное для того времени явленіе и значительный интересъ какъ по замыслу, такъ по оригинальности формы и художественности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ. Къ сожалѣнію, списокъ, въ какомъ оно намъ досталось [1]), въ такой степени неисправенъ и поврежденъ безграмотностію переписчика, что мы съ трудомъ могли возстановить смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а иныя, правда, весьма не многія оставляютъ мѣсто для догадокъ. «Вопль Мазепы» по языку мало обработанъ, но мысль его вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, хотя и очень смѣлая для того времени. Читая его, невольно задумываешься надъ тѣмъ, какъ много соблазна и смущенія производилъ отмѣненный такъ недавно страшный обрядъ проклятія Мазепы и какъ много нужно было времени для того, чтобы онъ не омрачалъ болѣе свѣтлаго лика нашей церкви, никогда не посягавшей на то, яже суть Кесарева.

Пресловутый старѣйшина скиѳовъ, вожделѣнный повелитель славянъ, могущественный обладатель сарматъ, знаменитый монархъ варягъ и различныхъ языкъ, веледѣнный царь, въ подсолнечной великой вождь, святѣйшей картины зодчій, щастіе многихъ племенъ и народовъ, владыка россовъ и чадо неба, Александръ Павловичъ, скромнѣйшій вседержавнаго Бога рабъ!

Божіею милостію мы Іоанъ Мазепа, значный козакъ запорожескаго Коша, малороссійскихъ войскъ и обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ, приносимъ наше прискорбнѣйшее слово о проклятіи-анаѳемѣ.

1-е.

Бурный вѣкъ предпріимчиваго монарха Петра I-го, примѣрнаго предка вашего священѣйшаго великодушія,—сей вѣкъ, гремѣвшій ве-

---

[1]) Списокъ этотъ найденъ въ бумагахъ моего дѣда, служившаго безсмѣннымъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Гудовича.—*С. Н. И.*

ликолѣпными трофеями, славный премудростію и коловратами, былъ страшнымъ каменемъ претыканія для тѣхъ сановитыхъ мужей, кои гордый духъ неустрашимаго Скиѳа, надменное невѣжество блаженныхъ предковъ, по грубымъ обычаямъ всечтимой древности, дерзнули побороть своею важною упругостью: зане презрѣніе вводимыхъ обрядовъ, купно и приверженность къ прародительскимъ, тяжки были для того мощнаго Волхва, который все напредки по новому чаровалъ. Да будетъ Сынъ Единородный доводомъ сея истины!

2-е.

Обязанъ остаюсь моимъ достоинствамъ, что на высокую степень гетманства возведенъ. Народъ вольный, избранный, принуждавшій нѣкогда трепетать саму столицу эллинъ, наипаче во времена славныхъ князей Аскольда и Олега, наконецъ самъ своею силою исторгшійся изъ власти полякъ, какъ славный гетманъ Хмельницкій подвизался,—сей народъ избралъ меня своимъ домовладыкою, почтилъ блюстителемъ его вольности и вождемъ. Зри чадо неба, Александръ! яко гетманъ знаменитѣе былъ искони, нежели конечные булавы пріемники. Однакожъ чары готовились для отравы уставовъ націи; уже три грозніе мечи висѣли надъ нещастною Палестиною, угрожая трескомъ и бурею все опрокинуть. Дѣйствительно, невовремень учинился гетманомъ, по крайней мѣрѣ совѣсть меня не угрызаетъ—возненщевалъ соблюсть мой долгъ къ отечеству! О любезное отечество! ты еще не погибло. Въ это смутное время роковой опалы право сильнѣйшаго доказано лезвіемъ меча, и жизнь моя, всѣхъ бѣдствій наполненная, влачилась, какъ жизнь самого неключимаго смертнаго. Уже въ нѣдрахъ смерти и въ хладномъ гробѣ чая найти свое спасеніе, приблизился я къ непостижимому гнѣву. Но какой ужасный призракъ возмутилъ мою душу! Увы; се демонъ геенны, поражаяй гремящею анаѳемою, низвергъ меня мгновенно въ преисподнюю бездну тартара. Обрушиваясь, подобно камню, съ вершины крутой горы въ пропасть низверженному, и какъ-бы непомѣрною силою бросаемый и ударяемый, низринулся я наконецъ въ ту страшную пучину ада, гдѣ чорныхъ тѣней смутный шорохъ, гдѣ рѣзкій свистъ кромѣшныхъ духовъ, гдѣ мракъ густой, гдѣ звукъ глухой раздавался... Дрожащая моя душа оцѣпенѣла, повергаясь изъ трепета въ ужасъ.

3-е.

Но не должно представлять тартара въ такомъ состояніи, какъ преданіе черноризцовъ корануловъ завѣщаетъ. Точно,—путь труденъ; наипаче-же то вѣрно, что быть не можетъ иначе, какъ только такъ, какъ оно есть;—князь тьмы, вельзевулъ, преугрюмое и звѣрообразное чудовище есть; однакожъ самый разсудительнѣйшій духъ, какова только желать можно въ преисподней. Принявши меня съ княжескою гордостію, какъ я къ нему представленъ былъ, тотъ часъ просмотрѣлъ бумаги моего дѣла, проникъ во все дѣйствіе и причины моральнаго и политическаго вкуса, наконецъ-все рѣшилъ безъ всякаго пристрастія, даже безъ волокитъ и убытковъ.—Почтеннѣйшіе государи, мудрѣйшіе философы, знатнѣйшія особы, всѣ проклятіемъ анаѳемы сюда низверженные токмо за несоблюденіе правилъ сухояденія, на коихъ будтобы всѣ грѣхи глупой черни висятъ, въ минуту, по моемъ оправданіи, окружили меня; тѣни самыхъ лучшихъ людей, предлагая мнѣ свою дружбу, свои свѣтлые сѣни и мѣсто на мой собственно выборъ.

«Пребудьте съ нами, говорили они мнѣ, вамъ тутъ не случится ни малѣйшаго неудовольствія,—въ учрежденіи здѣшняго предѣла царствуетъ преудивительный порядокъ и свѣтъ, кои должны-бы служить спасительными средствами для всѣхъ страждущихъ болѣзнію законорожденія; вы съ нами будете веселиться вѣрнѣйшими наблюденіями, восхищаться красотою истины, для препровожденія времени смѣяться надъ худымъ вкусомъ духовныхъ.

Потомъ спросили: что слышно въ большомъ кругѣ? нѣтъ-ли чего новаго? Есть-ли прибыль въ людяхъ? Есть-ли хорошіе вожди, министры, судіи, словомъ: сыны отечества, или только слѣпіе рабы распутныхъ женщинъ, безмѣрнаго корыстолюбія и роскоши?

Нѣтъ, отвѣчалъ я; нынѣ все течетъ по правиламъ самаго новѣйшаго просвѣщенія: министръ, напримѣръ, самую малость дѣлаетъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ и—промахъ дастъ, а кто всего желаетъ и ничего не дѣлаетъ, кто много получаетъ и недоволенъ, тотъ есть всеученнѣйшій мудрецъ и членъ всѣхъ факультетовъ, и тотъ слыветъ преблагополучнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, кто, бывъ отъ кого кругомъ облагодѣтельствованъ, содѣлается первымъ злодѣемъ своему бла-

годѣтелю, какъ и я на своихъ ближнихъ испыталъ.—Вообще должно говорить о порокахъ всѣхъ и каждаго порознь, превозносить свои достоинства, хотя-бы ихъ совсѣмъ и не было, притомъ дойти къ искуству безъ языка продолжать рѣчь, не слушать разумныхъ.

Сей часъ спросили меня къ его темнѣйшей свѣтлости. Князь вельзевулъ, который, препоруча мнѣ дѣло вольности прокладныя (?), понадѣясь на замѣченныя имъ во мнѣ способности, требовалъ представить ему изъ многихъ бумажныхъ книгъ одинъ краткій экстрактъ. Не нужно писать здѣсь причинъ, почему дѣло сіе не досталось другимъ дѣльцамъ; довольно напомянуть и объ однихъ его предметахъ, коя заключали: взялъ откупы, подряды и таможни, гдѣ тьма тѣней замѣшаны. . Мытарь треблаженный не закроетъ ни кучами золота, высосаннаго изъ жилъ народа, и тѣхъ улыбкою сопровождаемыхъ ужимокъ, которые никакъ несносны! Но при семъ случаѣ толикое показалъ я безпристрастіе, что его темнѣйшая свѣтлость князь вельзевулъ не могъ не отдать мнѣ всей справедливости, ко удивленію всего ада и духовъ, смякнувши въ мигъ важности моей услуги. Я тотъ часъ палъ на колѣни предъ княземъ тьмы, вопія:

— Всесильный тартара духъ! воззри на мою сердечную горесть и виждь, съ коликимъ пононеніемъ влачатъ мое имя по стогнамъ градскимъ и божницамъ! Подай мнѣ жезлъ твоей непреоборимой помощи, да моя унылая душа потечетъ къ вседержавному Богу боговъ, дабы пролить предъ нимъ свое теплое моленіе, да никто не поучится во адѣ тщетнымъ!

— Егоже силы трепещутъ! возгласилъ князь тьмы вельзевулъ —Стремись къ нему со страхомъ и любовію, понеже онъ есть общій Богъ и Зиждитель. Се ввѣрено тебѣ носить тайну непостижимыхъ судебъ, могущую тебя на самомъ небѣ спасти. Шествуй ужъ, когда рокъ твой тебя влечетъ.

Рекъ и двинулъ отъ запада къ востоку, гдѣ лазуревая денница златымъ свѣтомъ возблистала.

4-е.

— Разруши крѣпкіе заклепы суемудрія, Богъ боговъ! Къ тебѣ весь душею моею стремлюся, подобно орлу, на высотѣ въ полной свободѣ

парящему. Распростри мысленныя крылья моего смятеннаго разсудка!

Мню зрѣть самую средоточность, однакожъ въ тускломъ свѣтѣ; но предпринимая противъ буйнаго недоумѣнія брань, облекшись въ доспѣхи моего разженнаго воображенія, спѣшу подвизаться на открытое поприще, явиться предъ небомъ, тамъ въ жертву воскурить чувства благочестія, отсель превыше небеснаго круга вознесшися, превыше висящаго надъ самымъ небомъ океана, стремлюсь въ тѣ превыспреннія страны міра, паря въ тѣхъ солнечныхъ предѣлахъ немерцаемаго свѣта, гряду въ тѣ самые чертоги лучезарніи, гдѣ свѣта тьма не объемлетъ, гдѣ живетъ всевышній Богъ...

— Стой, дерзновенный духъ! претя, грозно кликнулъ Архистратигъ вышнихъ силъ въ багропернатомъ шлемѣ, блестящей бронѣ, съ пламеннымъ мечемъ бдящій: здѣсь со страхомъ благоговѣй, или тебя огнь поястъ!

— Страшусь и трепещу, возгласилъ я предъ нимъ, воззвать къ ветхому деньми Владыкѣ: Отче, разсуди боги въ ихъ суетномъ сонмѣ! се мятутся о твоемъ бытіи, се тварь на тварь посягается, прейдя уставы святыя вѣчности,—ужель въ самой урнѣ смертной тѣнь и прахъ не почіетъ? Суди строго и наказуй, но предѣлы въ вѣрѣ положи...

Вдругъ пламенные врата горняго града разверзлись, куда мнѣ звѣздный путь открылся.

— Богъ есть сей, возлюбленный пришлецъ, вѣщалъ мнѣ единъ отъ старецъ, во свѣтоносную ризу облеченный; почто всуе мятешься? Богъ есть существо непостижимое, невещественное, все объемлетъ, все живитъ, духъ никѣмъ невидимъ, неудобь созерцаемъ свѣтъ, умъ, Онъ былъ и будетъ вѣчно, въ небесахъ ли пребывая, въ дѣяніяхъ ли видимаго міра пресмыкаясь, или паче въ нѣдрахъ ада водворяясь, есть единъ и тожъ, зане адскій огнь Его не опалитъ, ни въ единой клѣтѣ не можетъ заключиться, сюже вы умудряетесь,—занеже отъ мнѣнія все зависитъ,—святость не отъ мѣста почерпаетъ, ни мѣсту оную сообщаетъ, вси-же предѣли Его суть, не можетъ Онъ покориться вашимъ желаніямъ и чувствамъ. Не Онъ-ли низложилъ жертвы, навѣтами обуреваемые? Не можетъ убо взирать и на лживія блага; но ни гнѣву непричастенъ, ниже въ тѣхъ завѣтахъ обитаетъ, кои зловоніемъ курятся; о

неотметающихъ Его бытія столь-же много сѣтуеть, сколь много ихъ вѣрами гнушается. Не можетъ онъ изъ Бога боговъ учиниться рабомъ пристрастныхъ душъ, нижайшія должности на Него возлагающихъ? Онъ всемѣрно мужъ, пребываетъ много выше всего, чтобъ мѣлочей не презирать. Почто вы праваго сердца чувства отметаете? Почто умерщвляете совѣсть? Гласъ разумнѣйшей твари—гласъ природы и истины, дарованніе вамъ свыше, виждь въ умѣ.

— Свѣтъ во тьмѣ свѣтящійся, егоже зря не вижу, возвалъ я къ свѣтоносному собесѣднику; но небесный старецъ, златымъ перстомъ помавая, скрылся въ свѣтло-огненныхъ облакахъ, а духъ буренъ промчался, разливая блескъ молненосныхъ лучей. Вдругъ съ ужаснымъ трескомъ громы грянули, то вселенная вышнему Богу, мню, *Осанна* рекла.

5-е.

Гроза престала, молнія утишилась, буря утихла, возсіялъ новый свѣтъ въ возобновившемся естествѣ. Вотъ гдѣ воля сильнаго не могла никакъ доказать своего права! Духъ движетъ, промыслъ распоряжаетъ. О, душа мудраго, чувствительнаго душа! продолжай смятеніемъ и ужасомъ при видѣ сихъ страшныхъ перемѣнъ и явленій. Пускай ихъ возчувствуютъ свою бренность, свое ничтожество!

По семъ простиралъ я взоръ мой по водамъ превыше небесъ разливающимся. Зрю нечаянно новую красоту естества: уже всѣ брежи морскихъ зыбей суть гладкіе, отъ сіянія лучей сребристо блестящіе; весь погружаюсь въ сію прозрачную матерію; повергаюсь въ самую пучину сей жидкой стихіи; протекаю глубину всей бездны волнъ, тщусь предолѣвать невозможности и препоны, чтобъ, сошедъ въ средній небесный ярусъ, устремить на ту область вождедѣнную свое око, съ коей малымъ лишь клубомъ представляется кичливая земля,—гдѣ святую жизнь въ садахъ имѣть всѣ чаютъ, гдѣ процвѣтаетъ прекрасный рай! Я шествовалъ по пути уже, къ райскимъ святилищамъ ведущему, которой усаженъ былъ ароматными деревьями, уже готовился шагнуть чрезъ прагъ, какъ стражъ сихъ мѣстъ воззвалъ ко мнѣ.

— Печать судебъ, на пересѣхъ твоихъ зримая, являетъ въ тебѣ дивнаго пришельца и странника; но гдѣ едины блаженны водворяются,

кои точію гряды гредятъ въ вертоградахъ, въ чаяніи будущихъ благъ, грядущаго никто не вѣдаетъ. Когда земля огнемъ или вдругъ вся вселенная обрушится для блаженныхъ возмездія, что послѣ и какъ сбудется, никто того или ничего не знаетъ, ни стихотворцы, ни философы, ни богословы, ниже политики, Ангелъ только велика совѣта съ возлюбленнымъ своимъ наперстникомъ разсуждаетъ о началѣ и концѣ...

— Персть мнитъ быть тѣнію, продолжалъ старецъ, тѣнь чистымъ духомъ, духъ пріятнѣйшимъ ангеломъ, ангелу остается Богомъ быть: никто своею частію не доволенъ, всеобщое зрится посягательство на законъ вещей. Содѣтель міра! самый порядокъ насилуется смятеніемъ: яко хлѣба недородъ, зима и лѣто не во время, весна осенью, а осень весною случается...

Еще по нѣкоторой бесѣдѣ съ симъ древностью лѣтъ согбеннимъ мужемъ о величіи зла и безсиліи добра, наконецъ предприимялъ я въ крайнее небо продолжать путь, ступая уже по хребтамъ вѣтровъ и облакамъ.

6-е.

Ряды длинные шатровъ, украшенныхъ развѣвающимися хоругвями, множество превысокихъ ледяныхъ обелисковъ и колоссовъ мгновенно представилися моему взору на томъ небесномъ сводѣ, который праведнымъ небомъ смертными нарицается, который съ небреженіемъ разбросанными по немъ звѣздами самихъ умнѣйшихъ въ безуміе повергаетъ пышнымъ великолѣпіемъ. Но, прошедъ стражу сего стана, по вопросѣ и отвѣтѣ, какъ уставъ рыцарей гласитъ, спѣшилъ я въ отличный, узорочными цвѣтами и знаменами наметъ, на косогорѣ сѣдыхъ облаковъ гордившійся. Внутри онъ украшенъ былъ дивно составленными изъ дождевыхъ капель колоннами, въ коихъ свѣтились искры, никакому примѣру не подобны. Въ шатрѣ Владиміръ съ Борисомъ-Переяславомъ смѣялся надъ печенѣгами, Мономахъ разсуждалъ съ угрожаемымъ совѣстію Юріемъ, Грозный думалъ, оперщись на долбню, Мининъ обличалъ Пожарскаго въ притворной болѣзни, Годуновъ нѣчто разсказывалъ Андрею, пріятно Алексѣй съ Хмельницкимъ разговаривалъ, Федоръ окруженъ былъ многими слушавшими его съ почтеніемъ, Петръ держалъ въ рукѣ чертежъ, бесѣдуя съ Ярославомъ и другими, какъ я

могъ замѣтить, о бывшей власти еллинскихъ патріарховъ надъ Великою Скифою. Во истину въ такомъ состояніи было все собраніе, когда вошелъ я въ сей большой шатеръ, въ коемъ были на многихъ мѣстахъ поставленны софы, изъ самого мягкого инея здѣланніе, на которыхъ Матвѣевъ и протчіе сидѣли и разговаривали каждый въ своемъ кругу! Петръ, увидя меня, удивился и громко захохоталъ.

— Мазепа! какими судьбами? сказалъ и—съ распростертыми руками приближался, охотно желая меня обнять.

Я также спѣшилъ къ нему подойти ближе, однакожъ мое проклятіе соединиться въ семъ препятствовало. Мы тутъ болѣе напрягаемъ свои силы, но тѣмъ только всѣхъ привели во удивленіе. Я горько возрыдалъ; самъ Петръ прослезился.

— О, ты мой сильный побѣдитель и герой! съ плачемъ и слезами молвилъ я; вижды слѣдствія твоего жестокаго мщенія. Ужели тотъ вѣчнымъ врагомъ почитаться долженъ, кто не успѣлъ тебѣ зла произвесть? Не долженъ-ли Карлъ сугубо быть проклинаемъ, когда разсѣялъ твои силы горстію своихъ воевъ? Или одинъ только слабый долженъ всякую гибель влачить? О, Петръ! подлинно буди такъ великодушевъ, какъ ты великъ! Ежели мало хилились вѣсы нещастныхъ обитателей моихъ мѣстъ? Ежели мало проклинали меня сіи злополучныи семейства, которыя долго терпѣли саміе убійственніе издѣвки?

— Какъ? прервалъ Петръ мою рѣчь; неужели и самое просвѣщеніе, въ новую эпоху разлившееся, не расторгло веригъ бывшаго заблужденія?

— Заблужденіе дѣйствуетъ въ умахъ равно, какъ и прежде,—со вздохомъ продолжалъ я.—Увы! куда-бы духъ мой не обратился, вездѣ преслѣдуетъ его проклятіе и адъ: тѣнь-ли моя пренесется въ тѣ мѣста, въ которыхъ я свою злополучную жизнь провождалъ, вездѣ видитъ пустыню, развалины и печаль; душа-ли моя проникаетъ въ храмы, обители и олтари, моимъ собственнымъ попеченіемъ, моимъ иждивеніемъ сооруженніе, по любви къ вѣрѣ и Богу, вездѣ моя имя находитъ въ мрачномъ закоснѣніи,—вездѣ по немъ молитъ іерей *о создателѣ храма* въ приносимыхъ Богу жертвахъ и служеніяхъ, но потомъ ругательствомъ и поношеніемъ уже въ самомъ ничтожествѣ убиваетъ; воспаритъ-ли мой умъ къ своей силѣ бытія въ мірѣ, тутъ

узы меня связующія не позволяютъ предстать и приближиться... ахъ! къ источнику моего начала приближиться не позволяютъ. Глухая, мрачная могила трясется, самый хладный гробъ трепещетъ, самая бездушная персть дрожитъ и цѣпенѣетъ при тяжкомъ гласѣ безчеловѣчной анафемы. Уже и время своею желѣзною рукою все изгладило; только сія безбожная месть существуетъ. О, Богъ боговъ ..

Весь станъ поколебался при воззваніи сего имени, всѣ вздрогнули и смутились, многіе воздыхали и плакали.

Прокоповичъ, проливающій слезы, Петръ! воззвалъ, зри укоризцу отъ дѣйствія, въ первомъ движеніи гнѣва исторгшагося! Какъ политика моя, на правотѣ моей души основаная, и слава великихъ дѣлъ съ совѣстью о гнѣвѣ и мщеніи пойдутъ неразлучно. Боже, твое всевидящее око зрѣло мое сердце, что я никогда не простиралъ моего права на преставльшіяся души! Какой свѣтъ о семъ здѣластъ заключеніе! Какая польза для монарха въ раболѣпныхъ восклицаніяхъ безъ разума истины! Такъ единая черта справедливости столь-же разительна, сколь убѣдительна капля слезъ чувствительностію изліянная. О, сколь драгоцѣнна любовь къ ближнему! Но сіе не удивительно, ибо любовь къ недругамъ есть милліонъ разъ величественнѣе. Вотъ что рѣдко!

— О, нещастный Мазепа! продолжалъ Петръ, съ видомъ, свое прискорбіе изъявляющимъ, я хотѣлъ, всею душею желалъ тебѣ нынѣ пособить, однакожъ никакой возможности не имѣю. О, сколь раскаяніе справедливо быть можетъ, яко единъ Богъ есть судія умершихъ! Но, заклинаю тебя святѣйшою истиною, предстань ты къ младому вѣнценосцу въ моемъ градѣ, предайся во всемъ на его волю! Онъ такъ здравымъ разсудкомъ старъ и своимъ благоразуміемъ удивляетъ, что безъ сомнѣнія приметъ и сіе дѣло безъ всякаго предубѣжденія.

По семъ бросился Петръ на софу и погрузился въ глубокое размышленіе, а прочіе объяты были волненіемъ, сокрушеніемъ и печалью. Константинъ мудрый, видя мое изнеможеніе, подошелъ и вспомоществовалъ моему выходу изъ шатра, ибо сила отражательно не дѣйствуетъ между не имѣвшими вражды существами.

— Рыдая, знаменитый потомокъ пресловутого монарха! вѣщалъ я ему: жизнь твоя на земли угасла, какъ свѣча, среди рыданія и слезъ

самыхъ почтеннѣйшихъ мужей и старѣйшихъ всѣхъ градовъ, тобою предъ кончиною для наставленія и увѣщанія созванныхъ; и ты на семъ почитаешъ свое повелѣніе взять изъ дому при своихъ глазахъ все то, что было кому назначено тобою, дабы между ими и послѣ твоей смерти никакихъ споровъ не произошло.

— О, другъ мой! ты глубокомысліемъ своимъ простерся очень...

. Мгновенно громогласнія трубы возтрубили, кимвалы, тимпаны, литавры, свирѣли, рожки, флейты, барабанный бой—все вдругъ возгремѣло, и славные легіоны съ Сѣвера двигнулись, хоругви радужнія, взводы страшныхъ вой, шагъ разомъ сдѣланный воздухъ колеблетъ, небо въ удивленіи, тристаты, грозно повелѣвающія, цвѣтъ мужества и юности составляютъ; предшествуетъ имъ Павелъ на рьяномъ конѣ, конь гордо выступающій, главою крутить, бряждами звучить, бразды бурно опеняя, ржетъ и гарцуетъ. Тотъ часъ предсталъ на рыцарскую площадь Румянцевъ, приглашая Павла въ предъреченный шатеръ на вечерь. Онъ, узря меня, спросилъ: кто и за чѣмъ? Я началъ рѣчь о томъ свѣтѣ и прошелъ къ героямъ въ сонмъ. Тутъ жаднымъ окомъ обозря легіоны, направилъ мой путь къ одному предмету, который горняя небесъ и преисподняя вмѣстѣ соединяетъ, отколь зрится сводъ небесный, важно долу нависящій, гдѣ нерѣдко сѣверное сіяніе блещетъ, гдѣ столпы огненные рдѣлись, разливая на полѣ неба яркій свѣтъ. О, великая дщерь Вышняго, непостижимаго—природа! днесь видя сіе величественное знаменіе, дабы сниити на кругъ земный, помоги мнѣ въ твои таинства углубиться, на лоно вселенныя возлегши.

7-е.

Рокъ гетманства нашего болѣе влечетъ къ себѣ соболѣзнованіе, нежели мщеніе, проклятіемъ сопровождаемое; производимое симъ дѣйствіемъ политики впечатлѣніе, оскорбляющее Бога и гетманство, волнующее чувства и предосуждающее просвѣщеннія монархіи, равно было не совсѣмъ убѣдительно для буихъ, какъ-то время показало. Провидѣніе въ свою чреду повергается въ затрудненіе: карать-ли проклинаемыхъ торжественнымъ восклицаніемъ, или миловать ихъ, внимая мольбамъ тѣхъ-же устъ. Единой только слѣпоты потребно, чтобъ не видѣть соблазна и дерзновенія предъ всего святѣйшимъ предметомъ. Блаженъ, кто не-

возгордится въ семъ мірѣ; но тотъ сто кратъ счастливѣе, кто можетъ сдѣлать добро и дѣлаетъ! *(Пропускъ)*... и дабы всечтимаго вашего святѣйшаго великодушія мгновеніемъ, пройдя выше сего слабо изображенные сильные доводы, повелѣно было храмы и олтари изъ вертепа и казни обратить въ домъ молитвы и жертвы. *(Пропускъ)*... Яко тайное повелѣлъ содѣлать явное, яко уже и тоосты (sic) скорописаніе благоволилъ всѣмъ великодушно разрѣшить, дабы безъ ужаса каждый открылъ предъ тобою своихъ талантовъ кивотъ, яко стыдъ и укоризну наносящую, притворяую гидру указалъ изгладить изъ памяти человѣческой, яко древніе грѣхи завѣщалъ омыть въ новой купелѣ избраннаго Силоама, дабы всѣ вновь погрузились въ святость неличепріятную, дабы вновь явились, омывшись, въ твой вѣкъ. О, жрецъ Бога вышняго! О, ты защита мужественная человѣчества! молю тебя всѣми святѣйшими обѣтами, такъ мнѣ вдохни своими свѣтлыми и непомраченными, вдохни своими зрѣлыми мыслями, яко вдохнулъ въ изгнаніи забвенному человѣчеству добрый духъ. Духъ горящей любви тебя великимъ нарицаетъ: воскреси, мню, Лазаря столѣтняго! Охъ, да сей убѣдительный вздохъ, сей вздохъ человѣчества, да проникнетъ въ глубину твоей души, да сія слава сострадательная канетъ на твое нѣжное сердце. Воззри на судъ прозорливымъ окомъ; прорцы глаголъ и гласъ твой будетъ услышанъ въ вѣчности, подобно шуму водъ многихъ.

Велелѣпнѣйшій царь! просимъ вашего святѣйшаго великодушія наше сіе гетманское слово судить, какъ пастырю подобаетъ. Разсуди убо его, какъ монархъ; разсуди, какъ чувствительнѣйшій человѣкъ; разсуди, какъ благословенный сынъ отечества; суди еще, какъ ангелъ благодатный, коего въ изступленіи обожающій міръ, щитомъ твое имя восиріемля, славу, яко рогъ, вознесетъ!

Къ подачѣ надлежитъ въ неличепріятный синклитъ, соглядающій образъ мыслей давно прошедшаго времени, основанный на святѣйшихъ правилахъ добродѣтели и благоразумія. Вѣка девятаго, въ лѣто третое надесять отъ возстановленія свѣта послѣ потопа, подъ небеснымъ знакомъ Полкана, въ день луны.

Сообщ. **С. Н. И.**

ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ.

(1817—1820).

Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» письма гр. Аракчеева найдены нами въ семейныхъ бумагахъ Н. И. Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александрійскаго уѣзда херсонской губерніи. Григорій Ивановичъ Лисаневичъ, на имя коего адресованы всѣ 23 письма, находился въ какомъ-то родствѣ съ Хорватами, чѣмъ и объясняется настоящая находка. Лисаневичъ, впослѣдствіи одинъ изъ помощниковъ графа Аракчеева въ дѣлѣ заведенія и поддержанія военныхъ поселеній на югѣ Россіи, происходилъ (род. 1758 г.) изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ Польши, принявшаго православіе и поступившаго въ русское подданство. Служебную карьеру свою началъ онъ въ елисаветградскомъ пикинерномъ полку, въ 1808 г. назначенъ шефомъ чугуевскаго уланскаго полка, а въ 1814 г. командиромъ 3-ей (послѣ 2-й) уланской дивизіи, которая въ 1817 году водворена въ районѣ бывшей слободской Украины. За разныя военныя дѣла Лисаневичъ неоднократно жалованъ былъ знаками Высочайшей милости, также арендами и имѣніями. Земельныя владѣнія его находились въ александрійскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи; но въ 1820 году въ нихъ считалось всего 38 душъ крестьянъ, хотя одно елисаветградское имѣніе на р. Сугаклеи Камышеватой, при оврагѣ Вербовомъ, было мѣрою въ 760 десятинъ. Въ 1820 году, января 21-го, Лисаневичъ получилъ по прошенію отставку съ мундиромъ, пенсіей въ 2,160 р. въ годъ и наградою въ 10,000 р.

В. Я.

I.

С.-Петербургъ, 18 декабря 1817 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Я долго не отвѣчалъ вашему превосходительству на письмо ваше отъ 25 октября, потому что былъ боленъ и все хотѣлъ послать къ вамъ по дѣламъ службы особаго фельдъ-егеря, коего при семъ къ вамъ и посылаю. Я никогда не лгу никому, слѣдовательно и вашему превосходительству: буду писать истинную правду;—честность ваша, доброе сердце и почтенные лѣта ваши всякаго обязываютъ васъ почитать, а кольми паче меня, который имѣлъ честь служить съ вами, милостивый государь, то будте спокойны, что естли и надобно будетъ вамъ перемена изъ нынешняго вашего места, то конечно всемилостивѣйшій вашъ государь уважитъ вашу службу и вы будетѣ уволены смилостью, которую вы заслуживаетѣ, но теперь я ничего еще вамъ по оному не могу сказать.

Съ истиннымъ почитаніемъ, дружбою и чистосердечною привязанностью пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга.

Гр. Аракчеевъ.

II.

Москва, 4 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Ваше превосходительство согрешитѣ объ насъ съ государемъ, естли вы будетѣ недовольны посылаемымъ особымъ следователемъ отъ государя г. майора Ильина и подполковника Кочубея, ибо государю угодно вывести присланные кнему прозьбы формальнымъ образомъ, и послѣ уже положить навсегда преграду пустымъ прозьбамъ. Государь императоръ приказалъ мнѣ написать къ вашему превосходительству, дабы вы изволили и сами, естли вамъ угодно, находится при разборѣ сего дела, и что отъ васъ ничего не можетъ быть скрыто. Но государю хочется уверится въ сихъ делахъ, что точно ли онѣ идутъ надлежащимъ порядкомъ и ему непременно желательно, дабы новые военные поселянѣ не были ни откого телесно наказываемы. Потомъ уведомляю васъ, милостивый государь, что я располагаю послѣ 25 марта выехать изъ Москвы, и

ехать чрезъ Харьковъ прямо къ вамъ; почему и прошу уже ваши дела съ 1 марта остановить присылкою ко мнѣ до моего въ вамъ пріезда. Двухъ-недельные-же государю рапорты извольтѣ послѣ 20 февраля надписывать въ Варшаву и надобно на оныхъ конвертахъ надписывать во первыхъ *въ собственные руки*, а во вторыхъ *по поселенію войскъ*, что и наблюдать при всякомъ отправленіи къ государю конвертовъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

III.

Москва, 15 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Его императорское величество изволилъ также проговариваться объ отпускѣ вами полкового командира борисоглебскаго уланскаго полка полковника кн. Абамелика, что сіе такъ-же кажется зделано не во время, потому что при новомъ устройствѣ полковъ и по возникшимъ безпорядкамъ полковымъ командирамъ не по отпускамъ и столицамъ следуетъ разъезжать, а занимается более въ своемъ округѣ поселенія распорядкомъ, а господинъ кн. Абамеликъ, уехавъ въ отпускъ, доказываетъ, что онъ очень мало думаетъ о устройствѣ полка, а таковыхъ командировъ и терпеть вашему превосходительству не следуетъ, да еще онъ госп. кн. Абамеликъ и въ проездъ свой чрезъ Москву не явился ко мнѣ. За отпускомъ-же кн. Абамелика остался въ полку старшимъ полковникомъ Бистромъ [1]), о коемъ вы известны отъ его высочества цесаревича, что онъ такъ-же служить не охотникъ, следовательно все оные соображенія и даютъ дурной видъ управленію нашего поселенія. Я надеюсь, что къ моему пріезду все господа штабъ и оберъ офицеры будутъ уже при полкахъ. Да прошу ваше превосходительство надписывать на всехъ вашихъ пакетахъ какъ къ государю императору, такъ даже и ко мнѣ *по поселенію войскъ*, ибо ваша канцелярія сего не наблюдаетъ и государь онымъ недоволенъ. Какъ вы нынѣ будетѣ

---

[1]) Не разборчиво.

полумесячные свои рапорты отправлять къ государю въ Варшаву, то въ оное-же время прошу присылать ко мнѣ копіи, дабы я могъ знать въ одно-же время, что у васъ происходитъ. Я вамъ откровенно скажу, что государь недоволенъ, что у васъ начались такіе беспорядки и вамъ и гг. бригаднымъ командирамъ надобно старатся скорее оные прекратить.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ

IV.

Москва, 25 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письма вашего превосходительства отъ 9, 15 и 20 февраля мною получены, изъ коихъ первые два представлены были въ оригиналѣ государю императору, изъ коихъ его величество усмотревъ ваше опасеніе въ спокойствіи жителей, приказалъ мнѣ отвечать вамъ, милостивый государь, что имея четырѣ вооруженные регулярные полка и двѣ роты артиллеріи, лехко можно удерживать порядокъ между крестьянами не вооруженными, а потому и не находитъ надобности располагать пехоту, а должно старатся не допускать до первоначальныхъ причинъ къ беспокойствамъ и не приступать ни къ какимъ переменамъ и учрежденіямъ, не принявъ прежде предостерегательныхъ меръ, а въ противномъ случае лутчѣ оное предоставлять времени, нежели делать оное на удачу, какъ и самое возмущеніе жителей таганрогскаго полка последовало отъ привода ко вторичной присяги выбранныхъ членовъ ескадронныхъ комитетовъ, что-бы самое могло быть еще отложено впредь до удобнаго времени, чрезъ что самое бы и не последовало сихъ беспорядковъ. Все-же перемены и распорядки должно въ водить не въ другъ во всехъ полкахъ, а исподволь въ одномъ полку или еще въ одномъ эскадронѣ, а потомъ въ другомъ и далее, тогда, при производствѣ онаго, всегда можно иметь въ близи и готовые эскадроны на случай какого либо беспорядка, чемъ самымъ и самой беспорядокъ предупредится. Я надеюсь быть у вашего превосходительства въ первыхъ числахъ апреля и все затрудненія объяснить общимъ нашимъ съ вами разсужденіемъ

на месте. До этаго-же времени я надеюсь, что вы изволите принять такие меры, чтобы было покойно въ округахъ военнаго поселенія и дабы жители занимались своими домашними работами, имея строгой присмотръ за теми людьми, кои-бы вздумали подстрекать жителей къ какимъ либо возмущеніямъ, коихъ следуетъ брать подъ караулъ и содержать въ г. Зміевѣ, или даже и въ г. Харьковѣ. Его императорское величество очень занимается положеніемъ нашихъ делъ, то и прошу покорно 13 числа марта отправить нарочнымъ курьеромъ донесеніе ваше о состояніи военныхъ округовъ на имя государя, а равно и меня подробно обо всемъ уведомить, что будетъ происходить съ дня отъезда г. м. Ильина до отправленія курьера, коего прислать ко мнѣ непременно къ 20 марту въ село мое Грузино (Далѣе гр. Аракчеевъ проситъ выслать на встрѣчу себѣ въ г. Орелъ генералъ-майора Александрова и заготовить квартиры въ Зміевѣ и прочихъ мѣстахъ, въ каждомъ округѣ поселенія. Слѣдуетъ подпись)

V.

Станція Бронницы. 26 марта 1818 г.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Донесеніе ваше отъ 14 марта я сего числа на дорогѣ изъ Нова-города въ Москву чрезъ курьера, присланнаго отъ гражданскаго харьковскаго губернатора, получилъ, и рапорты вашъ и его губернатора, на высочайшее имя ко мнѣ присланные, отправилъ къ государю императору въ Варшаву, самъ-же я продолжаю дорогу въ Москву, гдѣ не остановлюсь нисколько, а поеду далее къ вамъ въ Харьковъ. На счотъ случившагося непослушанія въ економической волости савинской, то ето дело обыкновенное и часто случающееся въ другихъ местахъ, но только я прошу покорно вашего превосходительства иметь у себя въ виду округи военнаго поселенія, дабы изъ оныхъ не вывести много действующихъ ескадроновъ и темъ самымъ не дать способа и нашимъ военнымъ поселянамъ присоединится къ симъ савинскимъ бунтовщикамъ, ибо легко статся можетъ, что нарочно сіе постороннее беспокойство начато, дабы разделить военные силы и потомъ вездѣ произвесть беспорядокъ;—гражданскій-же губернаторъ можетъ требовать войска особые отъ по-

селенныхъ въ сію волость, почему и прошу васъ сію бумагу мою дать прочитать господину гражданскому губернатору, потому что я особо кнему не имею способа писать по нахожденію моему въ дорогѣ. Самую же мою бумагу по протченіи прошу въ канцелярію вашу не оддавать а убрать ее у себя, дабы она никому не была известна.

Г. Аракчеевъ.

VI.

Вознесенскъ, 6 мая 1818 г.

(Послѣ обычныхъ словъ обращенія, благодаритъ Лисаневича за ласковый пріемъ, упоминаетъ о вновь купленной лошади).

Здѣсь у графа Витта государь императоръ отмѣнно былъ доволенъ, что вамъ на словахъ раскажетъ вашъ адъютантъ, надобно и вамъ до онаго доходить непременно, ибо теперь государь, видя здесь, что все идетъ хорошо, будетъ у васъ еще строже требовать; прошу меня чаще уведомлять и старатся держать въ рукахъ вашихъ строже господъ командировъ и взыскивать снихъ, а кому неугодно, то могутъ итти прочь, и здесь несколько полковыхъ командировъ гр. Виттъ переменяетъ, то есть всехъ техъ, которые не любятъ поселенія, а любятъ свою економію.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

VII.

Воронежъ, 27 мая 1818 г.

Пріѣхалъ нарочно ранѣе въ Воронежъ, дабы имѣть время отвѣчать вамъ, милостивый государь, на собственноручное ваше письмо отъ 20 мая, что симъ и исполняю. Письмо ваше я представлялъ государю императору въ оригиналѣ и его императорское величество изволилъ утвердить все представленные вами перемены въ штабъ и оберъ офицерахъ, почему о гг. полковникахъ Пановѣ и Энгельгардѣ и подполковникахъ Изюмовѣ и Траскинѣ будетъ оддано въ высочайшемъ приказѣ, а о протчихъ офицерахъ прилагаю мое утвержденіе. Следовательно, ваше превосходительство, государь изволитъ все утверждать, о чемъ вы

къ нему представляетѣ, то онъ изволитъ надеятся, что и вы употребитѣ все ваше стараніе, дабы полки въ веренной вамъ дивизіи не отстали отъ протчей кавалеріи, о чемъ государь приказалъ мнѣ именно сіе поставить на видъ какъ симъ письмомъ, такъ и особымъ прилагаемымъ предписаніемъ [1]), съ дополненіемъ еще того, что ваши полки не будучи никому подчинены и вы оставаяся такъ сказать единственнымъ начальникомъ и получивъ въ полки лутчихъ людей, должны поетому и представить ихъ государю императору еще отличнее другихъ кавалерійскихъ полковъ. Я васъ прошу по дружбѣ вашей ко мнѣ обратить ваше вниманіе на полковыхъ командировъ, дабы онѣ занимали выездкою людей въ манежахъ, право будетъ стыдно, ибо вездѣ, и теперь въ Вознесенскѣ, въ Павловскѣ, въ Воронежѣ показываютъ государю учебные команды въ самомъ лутчемъ видѣ и совершенномъ знаніи всехъ правилъ выездки въ манеже. Государь повелелъ вамъ еще написать, что отъ г. подполковника Изюмова и Траскина зависетъ будетъ производство ихъ: когда онѣ вверенные имъ нынѣ полки устроютъ, то и чины получатъ. Г. полковникъ Енгельгардъ не можетъ ехать въ отпускъ до техъ поръ, пока здастъ полкъ на законномъ основаніи, а тогда и можетъ ехать, куда ему угодно будетъ. Я знаю чрезъ верное известіе, что господа ваши штабъ-офицеры недовольны мною, для чего я защищаю поселянъ и не даю ихъ грабить, и сіе государю извѣстно, но я на оное не смотрю, онѣ посердятся да такіе-же будутъ, а я уже 30 летъ служу отечеству, то знаю, что делаю, и делаю по правдѣ и совести своей, не боясь ничего того, что обо мнѣ господа сіи скажутъ. Вашему превосходительству два дела теперь: одно учить действующіе эскадроны, а другое устраивать поселеніе исподволь; право, у графа Витта очень много и скоро сдѣлано. На докладную записку вашу я зделалъ мою резолюцію и возвращаю при семъ, но надобно только еще прежде здѣлать общее положеніе о дорогахъ и представить оное ко мнѣ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

[1]) Предписанія этого въ бумагахъ не нашлось.—В. Я.

VIII.

С.-Петербургъ, 7 августа 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Рапортъ вашего превосходительства отъ 16 іюля я получилъ и признаюсь вамъ, что мнѣ очень непріятно еще получать отъ васъ подобные рапорты; пора-бы быть у васъ вездѣ порядку, тишинѣ и охотѣ, а не буянству. А при томъ вы очень глухо и коротко пишетѣ, что въ таганрогскомъ округѣ поселянѣ по прежнему вненовиновеніи, а необьясняетѣ, вчемъ именно. Касательно возвращенія ко мнѣ отправленныхъ двухъ хозяевъ, то вы имеетѣ мое отношеніе, что не только сіи два хозяина, но и вновь мною требуемые останутся здѣсь до техъ поръ, пока въ округѣ будетъ все исполнятся по вашему желанію, что я думаю должно подействовать на нихъ сильно, и очень государь желаетъ иметь отъ васъ сведеніе по сему преждѣ его отъезда за границу, которое положено 26 августа. Почему я и ожидаю непременно присылки людей и донесенія вашего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

IX [1]).

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ!

Я весьма чувствителенъ къ благодарности, которую ваше превосходительство приноситѣ мнѣ въ письмѣ отъ 10 августа, но признаюсь, что не считаю поступка моего заслуживающимъ оную, а напротивъ скажу откровенно, что непростительно-бы вамъ было, если-бы вы полагали, чтобы столь ничтожный извѣтъ, какой позволилъ себѣ адьютантъ Тирѣевъ, могъ поколебать меня въ моей къ вамъ пріязнѣ и уваженіи. Вы можете быть увѣренными, что всегда и во всякомъ случаѣ найдете меня съ такимъ-же относительно васъ расположеніемъ и готовностью быть вамъ полезнымъ, какія и теперь во мнѣ видитѣ.

[1]) Это письмо писано не извѣстно кому принадлежащимъ почеркомъ; подписано гр. Аракчеевымъ собственноручно.—В. Я.

Я совершенно согласенъ съ вами, что Тирѣеву неприлично оставаться при васъ долѣе, тѣмъ не менѣе однакоже къ переводу его нельзя приступить безъ формальнаго представленія, которое отъ васъ зависитъ прислать и оно получитъ свое дѣйствіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

X.

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Все письма ваши получилъ, за которые и приношу вамъ, милостивому государю, мою благодарность. Я и самъ сожалею, что проклятые печенеги по сю пору не очувствуются, но что делать? надобно взять терпеніе и довести непременно до настоящаго исполненія начатого дѣла. Все ваши и собственноручные письма я представлялъ государю императору, и его величество изволилъ приказать, что непремѣнно должно всехъ ихъ одеть въ мундиры, какъ должно; то я-бы и думалъ во первыхъ въ поселенные ескадроны 2 и 3 усилить постой действующихъ ескадроновъ, поставя даже и чужихъ полковъ ескадроны, освободя техъ хозяевъ, кои уже обмундироватся (sic), что должно кажется на нихъ подействовать; и по мерѣ которые будутъ одеватся, то у техъ и выводить постой, увеличивая оной у протчихъ, изъ перваго-же ескадрона поселеннаго остальныхъ 10 человекъ хозяевъ, еще не обмундированныхъ, потребовать къ себѣ въ Зміевъ и тутъ въ присутствіи своемъ обмундировать и оставить на некоторое время въ учебномъ ескадронѣ. Присланные отъ васъ люди привезены въ округъ поселенія моего полка, но отпускать изъ оныхъ я не нахожу нужнымъ, пока весь полкъ будетъ обмундированъ. Скрывшихся двухъ хозяевъ, коихъ следовало-бы отправить ко мнѣ, но нынѣ взять подъ караулъ и судить военнымъ судомъ, а по окончаніи представить оное (?) ко мнѣ на рѣшеніе. Естли кто изъ необмундированныхъ коренныхъ жителей изобличенъ будетъ въ какихъ грубостяхъ или возмущеніяхъ, таковыхъ присылать нарочнымъ въ округъ моего поселенія, приславъ вместѣ симъ и мундиръ инфалидный, что и следуетъ наблюдать въ точности. Изъ онаго полка много коренныхъ жителей не отпускать по промысламъ

изъ округа своего поселенія, пока все не будутъ обмундированы. Естли кого вы будетѣ ко мнѣ присылать, то уведомлять меня о особо замеченныхъ вами буянахъ, дабы я таковыхъ отъ себя могъ отъ сылать въ Оренбургъ, ибо на все оное я имею высочайшее разрешеніе, окромѣ наказанія телеснаго, и сіе кажется для нихъ важнее. Завтрѣ оддано будетъ въ высочайшемъ приказѣ, что полковникъ князь Абамеликъ производится въ генералъ-маіоры, и онъ назначенъ бригадпымъ вмѣсто генералъ-маіора Аргамакова, а генералъ-маіоръ Аргамаковъ поступаетъ въ бригаду вместо генералъ-маіора Александрова, а генералъ Александровъ по вашему желанію и его собственному назначается состоять при дивизіонномъ начальникѣ. Вотъ государь какъ награждаетъ усердно служащихъ ему; а господину полковнику Изюмову прошу сказать, чтобы онъ менее находилъ затрудненія въ своемъ полку, а более-бы действовалъ къ успешному окончанію проекта поселенія кавалеріи; а безъ онаго не только онъ чина не получитъ, но можетъ полкъ потерять; а охотниковъ въ оной полкъ уже много является; по я когда-то (только?) буду доволенъ, то никакъ не думаю его сменять, а еще скорее выведу въ чины.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XI.

17 сентября 1818 г. Округа поселенія гренадерскаго моего имени полка штабъ квартира.

Господину генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Расматривая присланные ко мнѣ отъ веренной вашему превосходительству 2 уланской дивизіи месячные рапорты за іюль мѣсяцъ, нахожусь въ необходимости просить васъ въ предь наблюсти следующіе: 1-е уравнять во всѣхъ полкахъ оные рапорты, дабы онѣ были писаны одинаково, ибо всякой рапортъ имеетъ въ составѣ и изьясненіяхъ разницу; 2. рапорты такъ дурно и не ясно въ полкахъ пишутъ, что съ трудомъ оные можно разобрать, а какъ рапорты пишутся для усмотренія о состояніи полковъ высшимъ начальствомъ, то и должны быть хорошо и ясно писаны; 3. въ серпуховскомъ полку худо писано квар-

тирное расписаніе и много беглыхъ изъ действующихъ ескадроновъ, о чемъ и слѣдуетъ обратить ваше вниманіе, а мнѣ донести о притчинѣ онаго; 4. какъ полки показываютъ въ своихъ рапортахъ объ отосланныхъ къ вашему превосходительству деньгахъ, собранныхъ за недоимку прежнюю, то и донести мнѣ, сколько оныхъ у васъ состоитъ; 5. въ чугуевскомъ полку по оконченной переписи показывается очень мало поступившихъ людей въ поселенные и резерфные ескадроны, что я нахожу упущеніемъ брегаднаго командира и полковаго, почему и на сіе прошу васъ обратить ваше вниманіе и донести мнѣ о притчинѣ онаго; 6. наконецъ прошу васъ занятся собрать отъ полковъ о неспособныхъ кантонистахъ списки и разсмотреть оные, которые изъ оныхъ могутъ быть одданы въ ученье мастерствамъ безъ разстройства собственнаго хозяйства и отцовъ ихъ, то о таковыхъ доставить ко мнѣ списки послѣ личнаго вашего освидетельствованія, съ показаніемъ летъ отроду, меры и неспособности (sic!), и сіе не теряя время исполнить, дабы я могъ вамъ предписать сихъ кантонистовъ отправить въ разные ученья; 7. я не сумневаюсь что ваше превосходительство послѣ уборки полей прикажитѣ зачать учить вполкахъ резерфные ескадроны, но безъ отягощенія людей, и въ порядкѣ и въ присудствіи самихъ ескадронныхъ командировъ.

Пріездъ мой къ вамъ въ будущемъ октябрѣ месяцѣ конечно мнѣ уже подастъ случай господъ полковыхъ командировъ благодарить, а не выговоры имъ дѣлать, зная вашу заботливость по службѣ.

Гр. Аракчеевъ.

XII.

Штабъ-квартира въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка, 18 сентября, 1818 года.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Вы конечно уже теперь известны чрезъ вашего адъютанта и ескадронныхъ командировъ о нашихъ здесь занятіяхъ, а господинъ Мачульской, какъ умной человѣкъ, то онъ вамъ и еще более все перескажетъ, какъ мы здѣсь трудимся, не дремлемъ и работаемъ всеми силами. Господину Мачульскому я все препоручилъ вамъ объяснить, то

и прошу васъ, милостиваго государя, ему верить, употреблять его въ делахъ и споспешествовать начальническимъ вашимъ взысканіемъ съ ленивыхъ, нерадивыхъ, или делающихъ исполненіе вяло и беспечно. Я бы просилъ вашего превосходительства строже приказывать господамъ полковымъ командирамъ и не принимать отнихъ отговорокъ; а кто не хочетъ служить, тотъ имеетъ волю нынѣ службу оставить, святое мѣсто не будетъ пусто; трудно государю найти другово Лисаневича, а полковыхъ командировъ найти не мудрено. Убеждаясь несколькими вашими отношеніями о возвращеніи одного улана изъ преждѣ присланныхъ вами ко мнѣ, я одного изъ нихъ Михайлу Руденка съ госнодиномъ Мочульскимъ отправляю на степи [1]), чтобы ваше превосходительство немедленно всехъ упрямыхъ одели въ мундиры, обстригли и выбрили въ присудствіи вашемъ, и мне бы донесли чрезъ нарочнаго, естли же заметитѣ изъ стариковъ грубіяновъ, то таковыхъ отправтѣ сюда на жительство и смундирами; я равномѣрно прошу вашего превосходительства старатся всехъ людей одеть въ мундиры, ибо донесесенія полковыхъ командировъ были совершенно пустые, онѣ одели людей въ поселенныхъ и резерфныхъ ескадронахъ не всехъ, а только половину, симъ делаютъ худое они вліяніе на ихъ умы и разсужденіе [2]). Равномерно прошу приказать, дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже во всехъ округахъ въ собственномъ старинномъ платье ни одного коренного жителя хозяина и резерфнаго и кантониста, а должно все ихъ платье перешито быть въ куртки и шинели, что я строго взыщу за невыполненіе онаго. Адьютантъ мой Кожинъ пріехалъ ко мнѣ, онъ мнѣ именно докладывалъ, что въ таганрогскомъ полку не одетые коренные жители сами говорили ему лично, что какъ одеватся не приказываютъ, то мы и не одеваемся, а если-бы насъ принудили, то мы бы немедленно оделись, а какъ теперь я объявляю объ ономъ волю нашего государя императора, то я и надеюсь, что ваше превосходительство поедетѣ сами и при собраніи действующихъ ескадроновъ немедленно всехъ

---

[1]) Не разборчиво.

[2]) На полѣ: «не обмундированные же старики должны остаться въ прежнихъ ихъ кафтанахъ».

оденетѣ и обстрижетѣ и объ ономъ мнѣ донесетѣ чрезъ нарочнаго.

Съ истинной дружбою и почтеніемъ непременнымъ пребуду вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIII.

Штабъ-квартира поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Прежде полученія донесенія вашего отъ 28 августа писалъ я уже къ вашему превосходительству отъ 8 сентября о высочайшей и непременной волѣ, дабы упрямые военные поселянѣ таганрогскаго полка второго поселеннаго и резерфнаго баталіоновъ, жительствующіе въ селеніяхъ Великихъ и Малыхъ Крынкахъ, Катречкинѣ и Песочномъ были въ присудствіи вашемъ непременно все одеты въ военные мундиры, то и не остается мнѣ нынѣ более отвѣчать на выписанный вашего превосходительства рапортъ, какъ повторить туже высочайшую волю, не находя кажется нужнымъ объяснять вамъ и то, что вы все оное конечно исполнитѣ неиначѣ, какъ въ присудствіи своемъ, изготовя преждѣ всего по числу людей шитые мундиры, которые распорядитѣ въ означенные селеніи привести въ одинъ день, вто самое время, когда будетѣ находится сами при собранныхъ вами на смотръ дѣйствующихъ ескадроновъ. Для лутчаго же выполненія сей монаршей воли я сходно съ желаніемъ вашимъ отправилъ къ вамъ обратно съ господиномъ Мачульскимъ военнаго поселянина хозяина Михайлу Руденка. О исполненіи сего высочайшаго повеленія я буду ожидать вашего донесенія, присылкою съ онымъ нарочнаго отъ васъ въ округъ поселенія моего имени полка.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIV.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

На письмо ваше отъ 17 сентября присланное съ нарочнымъ я имѣю честь ответствовать, что естли вы приметѣ деятельные меры и постоянно будетѣ строго взыскивать съ упрямыхъ, отправляя оныхъ ко мнѣ въ поселеніе, то все пойдетъ своимъ порядкомъ, чему давно пора окончится. Я надеюсь, что отъ васъ послѣ сего получу донесеніе объ окончательномъ обмундированіи таганрогскаго полка поселенныхъ и резерфныхъ ескадроновъ. При семъ случае я не могу утерпеть, чтобъ не обратится опять къ упущеніямъ полковыхъ командировъ: беглой хозяинъ Панченко живетъ въ своемъ домѣ и объономъ не знаетъ полковое начальство,—право я долженъ буду сменить господина Степанова, естли онъ не будетъ деятеленъ; напротиву же того я беспрестанно получаю жалобы отъ военнаго министра, что господа полковые командиры делаютъ провіантскому комисаріату [1]) разные притесненія, зделайтѣ одолженіе прикажитѣ перестать оное делать и уверьтѣ господъ полковыхъ командировъ, что я продовольствія, ни овса, ни муки имъ не оддамъ, пора отвыкнуть отъ расчотовъ, или оставить службу, ибо святое место не будетъ пусто. Я не понимаю, почему вы ко мнѣ опять пишетѣ о соединеніи семействъ, я объ ономъ не думалъ, а естли я приказываю истреблять бобылей и помещать ихъ или въ инфалиды, или въ богадельню, или въ семейство къ роднымъ своимъ, то я оное и теперь тоже повторяю, и обо всемь ономъ подробно истолковалъ господину Мачульскому, и сей распорядокъ я требую зделать только въ борисоглебскомъ полку, въ 1 поселенномъ и резерфномъ ескадронѣ, а более въ другихъ местахъ онаго еще не делать. Но предписываю вамъ ныне же оддать въ приказѣ, дабы послѣ окончанія работъ во всехъ полкахъ начать учить резерфные ескадроны по три дня въ неделю пешему строю, а 50 человекъ въ каждомъ ескадронѣ къ 1 маю будущаго года должны быть обучены и верховой езды непременно.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имею быть вашего превосходительства покорный слуга *Гр. Аракчеевъ.*

---

[1]) Не разборчиво.

XV.

Грузино, 22 октября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Получа ваше письмо отъ 1 октября съ поручикомъ Повалишинымъ 2-мъ, я отправляю находящихся здесь военныхъ поселянъ таганрогскаго уланскаго полка, окромѣ одного грубіяна Барабаша, коего еще надобно здесь подержать и выучить; равномерно прошу и техъ двоихъ прислать сюда, которые во время отправленія сихъ возвращаемыхъ сокрылись, дабы показать имъ примеръ, что побегъ и укрывательство ихъ отъ назначеннаго наказанія не избавляетъ, естли онѣ не состоятъ подъ судомъ. Вы, милостивый государь, ясно изволитѣ видеть, что безъ драки и телеснаго наказанія все можно зделать, но надобно только твердость въ намереніяхъ и непеременчивость въ исполненіяхъ, дабы они видели, что командиръ, единожды определивъ какое дѣло, никогда отъ онаго не отступитъ; а посему самому и прошу вашего превосходительства исполнить все предписанное съ господиномъ Мачульскимъ и мнѣ доносить, препроводивъ сюда и техъ двоихъ, кои скрылись во время отправленія сюда протчихъ. Возвращаемыхъ къ вамъ военныхъ поселянъ стариковъ, одетыхъ въ инфалидные мундиры, зачислить въ полку инфалидами, и отнюдь не позволять иначѣ ходить, какъ въ формѣ, инфалидамъ присвоенной, подъ строгою ответственностью полкового командира. Ваше превосходительство равномерно видитѣ, что возвращаемые къ вамъ люди довольно выправлены и похожи на военныхъ поселянъ, почему я и должонъ требовать, чтобы и все люди въ округахъ военныхъ поселеній отъ оныхъ не отставали. Прошу ваше превосходительство предписать во все полки, дабы платье прежнее мужицкое было все перешито и дабы я по пріездѣ моемъ не нашелъ уже онаго, окромѣ необмундированныхъ стариковъ; прогоны выданы на три пары, полагая трехъ человекъ на парѣ, ибо спешить имъ не для чего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVI.

С.-Петербургъ, 17 марта 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Соглашаясь съ распоряженіями вашего превосходительства, здѣланными къ приготовленію въ городѣ Чугуевѣ квартиры для государя императора, я прошу васъ, милостивый государь мой, по приведеніи онаго къ окончанію, доставить ко мнѣ планъ сему дому и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ о суммѣ, какая издержится.

Отвѣтствуя симъ на письмо ко мнѣ ваше превосходительства отъ 30 минувшаго генваря, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVII.

12 мая 1819 г. Военное поселеніе.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Присланный вами ундеръ-офицеръ Набережной оказался совсемъ незнающимъ верховой ездѣ, и онъ совсемъ ленивый и дурной человекъ; видно, васъ господинъ полковой командиръ обманулъ, ибо я не полагаю, чтобы вы захотели мнѣ таково прислать человека изъ целой дивизіи; по его милости я недавно едва не убился до смерти, упавъ съ верховой лошади, что все вамъ раскажетъ господинъ полковникъ Саловъ [1]), который удивился, что вы такого человека ко мнѣ прислали; окончивъ сіе, я хочу еще просить зделать мнѣ ваше одоженіе купить мнѣ выезженную лошадь верховую, естли можно англизированную, а естли не можно, то хотя и съ хвостомъ; но только хорошо выезженную и смирную, собственно для моего собственнаго седла, не дорогую, и доставить ко мнѣ въ военное поселеніе сюда вновгородъ, деньги я съ благодарностью моею вамъ заплачу, и вы мнѣ онымъ зделаетѣ большое одолженіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Не разборчиво.

XVIII.

Округъ поселенія Гр. Аракчеева. 30 мая 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ обратно присланнаго вами ундеръ-офицера Аникіева, я зделалъ вамъ на ваше представленіе все должное разрешеніе, согласно желанію вашему,—въ сентябрѣ месяцѣ я располагаю у васъ быть, и мое пребываніе будетъ въ Чугуевѣ, гдѣ и прошу приказать мой домъ отделать, а равномерно приготовить квартеру хорошую и начальнику штаба, который также со мною будетъ съ вами знакомится. При семъ прилагаю вамъ повеленіе о покупкѣ еще 20 паръ воловъ, способныхъ работать въ плугахъ, по четырѣ вола въ плугу, и оныхъ воловъ немедленно отправить въ мой полкъ къ подполковнику Фрикену [1]), оныхъ воловъ отправить гономъ . . . . . . [2]) ибо мы не умеемъ здесь оныхъ зделать, и сними прислать 4 человекъ, знающихъ пахать плугомъ землю и управлять волами; естли не можно ранее, то прошу оныхъ воловъ доставить къ 1 сентябрю на место.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIX.

Г. Валдай, 10 іюля 1819 г.

Генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Бывъ уволенъ въ отпускъ, на дорогѣ моего следованія получилъ я донесеніе ваше съ адьютантомъ Бакомъ [1]) отъ 3 іюля о непріятномъ сумасбродствѣ и беспорядкѣ въ чугуевскомъ уланскомъ полку. Оно непріятно должно быть государю императору, потому что въ семъ полку менее протчихъ должно было ожидать таковаго происшествія, по давнему въ немъ устройству военнаго поселенія. Не желая ни мало удерживать присланнаго отъ васъ адьютанта, я возвращаю его къ вамъ обратно; надеюсь, что благоразуміе ваше и опытность ваша въ службѣ

---

[1]) Не разборчиво.

[2]) Слово не разобрано.

[1]) Не разборчиво.

покажутъ вамъ на местѣ способъ, какими лутчими средствами сей беспорядокъ прекратить, наблюдая необходимо въ таковыхъ случаяхъ твердость характера въ вашихъ предпріятіяхъ, дабы неповинующіися могли оное ясно видеть и темъ самымъ бы убедились въ своемъ заблужденіи. Въ заключеніе сего я не излишнимъ считаю поставить вамъ на видъ и мое одно замечаніе, что преждѣ всего должно прекратить безпорядокъ и водворить спокойствіе, а потомъ приступить уже къ открытію зачинщиковъ, ибо отыскивая сихъ послѣднихъ во время сего беспорядка, могутъ быть въ беспрестанномъ опасеніи и боязни все протчіе жители чугуевскаго полка. Естли ваше превосходительство не отправили еще ка мнѣ донесенія вашего о последствіи сего произшествія, то предписываю отправить оное по эштафетѣ, и продолжать оные чрезъ каждые три дни эштафетами же, адресуя пакеты въ собственные руки въ С.-Петербургъ, а съ окончательнымъ донесеніемъ прислать нарочнаго съ офицеромъ чугуевскаго полка.

Гр. Аракчеевъ.

XX.

С.-Петербургъ, 23 іюля 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 13 іюля съ корнетомъ Павскимъ я получилъ и имелъ счастіе продставить оное въ оригиналѣ государю императору. Его величество приказалъ мнѣ отписать къ вашему превосходительству, что онъ ни мало не сумневается въ вашемъ усердіи къ службѣ и что сей беспорядокъ, случившейся въ городѣ Чугуевѣ, ни мало не касается до какого либо неудовольствія на васъ, ваше же дѣло будетъ усмирить, наказать примерно зачинщиковъ и виновныхъ и найтить наконецъ притчину, отчего сіе первоначально последовало и кто были учители въ семъ дѣлѣ, ибо такое глупое упрямство не можетъ быть безъ участія поскоронних въ семъ дѣлѣ. Но государь императоръ, читая ваше письмо, очень видитъ ваше беспокойство въономъ дѣлѣ, а потому и угодно ему, дабы вы, милостивый государь, не принимали такъ горестно сего дела, ибо въ светѣ семъ могутъ быть всегда разные слухи, коихъ не можно предупредить, но предвидеть сей беспорядокъ

кажется полковому командиру можно бы было, а предвидя оное, можно бы прежде советоватся съ вашимъ превосходительствомъ, чемъ наряжать людей на работу готовыхъ къ непослушанію, отчего и произошло все беспокойство. Государь повелеваетъ зачинщиковъ по всей строгости законовъ наказать для примеру другимъ, и кажется теперь имея ваше превосходительство такой знатной корпусъ пехоты, кавалеріи и артиллеріи, не можете ничего опасатся, а должно пехоту и артиллерію расположить въ одномъ чугуевскомъ округе, дабы оне почувствовали, какъ имъ невыгодно делать глупости. Я отправляюсь 2 августа къ вамъ въ Харьковъ, и по прибытіи моемъ будемъ старатся окончить сіе дело добрымъ порядкомъ, но со строгостью примерною, безъ чего никакъ обойтись нельзя, и что государь императоръ позволяетъ. Но я уверенъ, что вы, съ Божіей помощію, и до моего пріезда сіе дело окончите, ибо кажется самые глупые уже у васъ забраны, изъ коихъ зачинщиковъ и грубіяновъ прикажите судить военнымъ судомъ. Естли что нужно вамъ ка мне написать, то можете прислать на встречу нарочнаго, а дорога моя будетъ обыкновенная, то есть черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ и Белгородъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXI.

С. Грузино, 11 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ съ симъ фельдъ-егеремъ повеленіе объ отправленіи въ Оренбургъ и къ графу Витту людей; прошу и надеюсь на васъ, что все оное будетъ выполнено хорошо, тихо и смирно, и о всякомъ отправленіи уведомлять меня по почте въ тотъ же день; а съ симъ фельдъ-егеремъ прислать государю рапортъ за первую половину сентября.

Позвольте при омомъ случае благодарить васъ, милостивый государь, за ваше дружеское угощеніе и верить, что я съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXII.

Грузино, 12 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Наказанныхъ въ Чугуевѣ и бывшихъ при отьездѣ моемъ въ гошпиталѣ, всехъ, по совершенномъ выздоровленіи, отправить на почтовыхъ въ Оренбургъ къ генералу Ессену и донести мнѣ о именахъ ихъ, дабы я вто время могъ объявить генералу Ессену высочайшее объ нихъ повеленіе, съ означеніемъ, кто именно вами будутъ отправлены.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXIII.

С.-Петербургъ, 27 генваря 1820 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Мнѣ весьма больно раставатся съ вашимъ превосходительствомъ, но какъ на увольненіе ваше отъ службы было собственное ваше желаніе, то я оное и долженъ былъ исполнить, и ваше превосходительство сего генваря 24 числа [1]) уволены отъ службы съ полнымъ пансіономъ и сверхъ того государь императоръ жалуетъ вамъ благоволительный рескриптъ и единовременно 10,000 руб., что вы и изволитѣ отъ меня получить, съ одданіемъ должной моей вамъ, милостивый государь, благодарности.

Гр. Аракчеевъ.

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ Гр. И. Лисаневича, видѣнномъ нами у П. И. Хорвата, днемъ отставки показано 1 января.— В. Я.

ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА

Императрицѣ Екатеринѣ II 1781 года [1].

(О согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго правленія).

Ея Императорскому Величеству

всеподданнѣйшій докладъ.

1-е.

Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была, кромѣ, что за польскаго владѣнія присвоенъ ей законъ, называемый Статутомъ, и что, по соединеніи ея съ Россіею, оной ей былъ подтвержденъ. Но въ разсужденіи учрежденія судовъ не слѣдовано точности сего закона, а всякаго рода и состоянія люди, безъ различія степеней, имѣя совмѣстныя грунта и владѣнія, по обращенію военному, судились образомъ военнымъ и смѣшаннымъ, въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ и ратушахъ, войсковомъ генеральномъ судѣ и войсковой генеральной канцеляріи, до высочайшаго отъ вашего императорскаго величества учрежденія въ 1763 годѣ зем-

[1]) Печатается съ копіи, заимствованной изъ архива князя Н. В. Репнина и написанной на синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1807 года.--Настоящій документъ во многомъ дополняетъ тѣ свѣдѣнія объ особенностяхъ исторически сложившагося внутренняго строя Малороссіи, которыя въ большемъ числѣ проскользнули въ прошеніи малороссійской шляхты, поданномъ гетманомъ Разумовскимъ императрицѣ Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія и имѣвшемъ

скихъ, подкоморскихъ и гродскихъ судовъ. Съ сего времени, хотя производство и теченіе дѣлъ возъимѣло лучшій порядокъ, но выборъ и опредѣленіе въ земскіе чины не могъ соотвѣтствовать статутовому праву, по содержанію коего должны выбираеми быть въ тѣ чины шляхетство, ни какими должностями необязанные. А въ Малой Россіи, по давнимъ обыкновеніямъ, всѣ безъ изъятія находятся въ воинскихъ чинахъ и должностяхъ; слѣдовательно изъ тѣхъ-же служащихъ по способностямъ всегда выбирались и опредѣлялись въ чины земскіе. Въ семъ выборѣ и опредѣленіи хотя не было въ обыкновеніи участвовать козакамъ, но всегда они употреблялись въ иныя земскія дѣла, особливо при возныхъ, по статуту на нихъ возложенныя, въ мѣсто шляхты. Судились-же они козаки и судятся, по высочайшему вашего императорскаго величества 1768 года декабря 20-го указу, въ малороссійскую коллегію состоявшемусь, во всѣхъ земскихъ дѣлахъ однимъ съ шляхетствомъ правомъ книги Статута и въ однихъ судахъ; поелику, по содержанію онаго, нѣтъ разныхъ судовъ по разности состояній. И ду-

своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе гетманскаго достоинства и подчиненіе Малороссіи военному режиму Румянцева (См. Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 316—245). Въ виду скудости свѣдѣній этого рода, Румянцевскій докладъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для мѣстной исторіи. Считаемъ излишнимъ касаться частностей его содержанія, но не можемъ не отмѣтить одной его особенности. Всесильный правитель Малороссіи, управлявшій ею около 20 лѣтъ и нивеллировавшій ее по всѣмъ направленіямъ (довольно вспомнить его Опись, составлявшуюся лѣтъ пять), начинаетъ настоящій свой докладъ словами: «Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какимъ образомъ Малая Россія управляема была». Тогда-ли мало было этихъ слѣдовъ? Но екатерининскихъ вельможъ въ ихъ смѣлыхъ и широкихъ затѣяхъ всего менѣе озабочивала исторія ввѣряемыхъ ихъ попеченію областей. Довольно вспомнить грандіозные проэкты Потемкина о заселеніи новороссійскаго края, уничтоженіи Запорожья, введенія штатовъ для малороссійскаго духовенства и пр. Переписка того-же Румянцева объ украинскомъ возстаніи 1768 г., помѣщенная въ нашемъ изданіи за первые два года, до очевидности удостовѣрила, что не только онъ, но и все правительство Екатерины II о судьбѣ другой части южно-русскаго народа, стонавшей еще въ польскомъ ярмѣ, знали не болѣе того, что этотъ народъ имѣетъ «простую ревность о своемъ благочестіи» и, «по своему единовѣрію, въ пограничныхъ замѣшательствахъ можетъ быть полезенъ нашей сторонѣ». Неудивительно поэтому, что и настоящій докладъ Румянцева въ главныхъ своихъ пунктахъ направленъ къ отмѣнѣ послѣднихъ особенностей вѣковаго общественнаго строя въ управляемомъ имъ краѣ.—Ред.

ховные, монашествующіе и свѣтскіе, имѣющіе свои владѣнія, имѣли право быть при выборахъ въ земскіе чины. А за учрежденіемъ здѣсь намѣстничествъ выбирать-ли по прежнему обыкновенію изъ дѣйствительно служащихъ и по крайней мѣрѣ изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей въ земскіе чины? — потому, что здѣсь отставныхъ отъ службы или весьма мало, или почти ихъ не бывало и нѣтъ. И имѣть-ли право духовнымъ и козакамъ быть въ собраніяхъ, по случаю выборовъ въ земскіе должности и при иныхъ земскихъ распоряженіяхъ? или предоставить то шляхетству и особливо заслужившимъ офицерскія достоинства?

2-е.

Выше въ 1-мъ пунктѣ донесено, что козаки судились и нынѣ, по высочайшему вашего императорскаго величества указу, судятся въ земскихъ дѣлахъ въ однихъ судахъ и однимъ правомъ съ шляхетствомъ и имѣютъ съ онымъ грунта, большою частію совмѣстныя, и потому, что многіе изъ козачихъ дѣтей, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ; слѣдовательно, въ сходство помянутаго высочайшаго указа и статутоваго права, за учрежденіемъ здѣсь намѣстниковъ, подлежатъ и козаки въ уѣздные суды. Естьли-жъ имъ судиться въ нижнихъ расправахъ: то, кромѣ выше донесеннаго обстоятельства, что грунта казачіе то-же, что и шляхетскіе, мало останется такихъ, коимъ судимымъ быть въ уѣздныхъ судахъ. Что-жъ лежитъ до нижнихъ расправъ: то въ разсужденіи, что монастырскія владѣнія остаются и по нынѣ въ безпосредственномъ своихъ властей управленіи, ранговые-жъ владѣнія тѣхъ чиновъ, коимъ, по ихъ рангамъ, принадлежатъ, а за тѣмъ коронныхъ, называемыхъ здѣсь свободными войсковыми, за выключеніемъ въ уѣздныхъ городахъ мѣщанъ, числившихся между оными, такъ малое количество остается, что по учрежденіямъ, гдѣ установлено нижней расправѣ быть отъ десяти до тритцати тысячъ душъ, и на учрежденіе одной въ каждомъ намѣстничествѣ таковой расправы будетъ ихъ недостаточно.

3-е.

Въ теченіе прошедшихъ лѣтъ, по разнымъ случаямъ, были запрещенія козакамъ, то частями, то вовся продавать и у нихъ покупать

ихъ имѣнія. А выше во 2-мъ пунктѣ объяснено, что они происходятъ изъ чина въ чинъ до вышнихъ здѣсь степеней, да и въ разсужденіи ихъ по хозяйству домоваго и по самой службѣ положенія, запрещеніе въ томъ ни въ какую имъ пользу служить не можетъ, потому что многіе одинокіе козаки, имѣвъ достаточные грунта и не могучи ихъ, по одиночеству, обработывать, принуждены оставлять безполезными; а семянистые, но въ грунтахъ недостаточные, пріобрѣвъ оныя, могутъ ихъ обращать и для службы и для своей пользы. Право собственности козаковъ весьма утверждаетъ послѣдній вашего императорскаго величества вышепомянутый высочайшій указъ, 1768 года декабря 20-го дня состоявшійся, коимъ повелѣно: козакамъ судится во всѣхъ ихъ земскихъ дѣлахъ Статутомъ; а по содержанію онаго свободно имъ распоряжать своимъ имѣніемъ по ихъ волѣ. *Другое* обстоятельство не меньше есть важно, въ разсужденіи своевольнаго здѣшнихъ крестьянъ и въ конецъ ихъ разоряющаго съ мѣста на мѣсто перехода и искательства козачества; къ чему они, по одному малому отъ владѣльца настоянію, или мнимымъ для себя невыгодамъ, легко и безъ всякаго размышленія обращаются и подъ предлогомъ исканія козачества дѣлаютъ себя и отъ владѣльцовъ своихъ и отъ всякихъ по казачьему званію повинностей совершенно независящими бродягами, о чемъ отъ меня въ представленныхъ мнѣніяхъ обстоятельно описано. *Третіе:* что земли здѣсь не межеваны и многія потому владѣнія не только по куплямъ, замѣнамъ и инымъ законнымъ здѣлкамъ, но и по грамотамъ, въ разсужденіи разныхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, опредѣленій, подвергаются толкамъ, которые причинствуютъ множайшимъ непріятнымъ произшествіямъ, даже и смертноубійствамъ, обременяющимъ здѣшнія суда паче иныхъ всѣхъ дѣлъ. Всѣ вышеописанныя, соединенныя одно съ другимъ, обстоятельства дѣлаютъ здѣшнія владѣнія и не надежными и безполезными. Ваше императорское величество при настоящихъ благоустроеніяхъ изволите оказать всему здѣшнему краю величайшее благодѣяніе утвержденіемъ козакамъ права ихъ собственности, разрѣшающимъ козачьи скупли, утвержденіемъ здѣшнихъ крестьянъ, на основаніи статутоваго права, и отставленіемъ вовся исковъ козачества, для содѣланія и тѣхъ и другихъ государству и обществу полезнѣйшими, наконецъ утвержденіемъ такъ-же и оставленіемъ всѣхъ и каж-

даго владѣній, по примѣру иныхъ губерній, жалованныхъ, купленныхъ и иными употребительными здѣсь образы пріобрѣтенныхъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, что-бъ до будущаго здѣсь генеральнаго размежеванія никто далѣе своихъ предѣловъ, кромѣ законами позволенныхъ пріобрѣтеній, владѣній не распространяли.

4-е.

Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ магистратовъ имѣютъ польскія королевскія привиллегіи и высочайшіе грамоты, утверждающія имъ право нѣмецкаго города *Магдебурга*, съ надачею на всякія градскія потребности и на украшенія города деревень. Таковымъ магистратамъ, за учрежденіемъ намѣстничествъ, на какомъ быть основаніи? И естьли они обращены будутъ, сходственно высочайшимъ учрежденіямъ: то помянутые деревни и ихъ разныхъ статей доходы кому вѣдать? и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

5-е.

Положеніе здѣшнихъ городовъ таково, что жительствующія въ нихъ обыватели, то по пожалованіямъ, то по куплямъ, одни совсѣмъ, а иные частію вошли въ приватное владѣніе. Должны-ли они пользоваться преимуществами гражданскими и принадлежать къ обществу мѣщанъ?

6-е.

Обитающихъ въ Малой Россіи раскольниковъ, изъ коихъ, по высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи, записаны въ купечество и мѣщанство, нѣкоторыя слободы, по ихъ положенію, не инако почесться могутъ, какъ городами. Но я не призналъ ихъ назначить уѣздными, по ихъ разно—и суевѣрію и по неимѣнію господствующей вѣры церквей; а мню имъ быть посадами, и для удержанія въ нихъ порядка и ограниченія въ предѣлахъ, въ разсужденіи ихъ разномыслій, учредить въ тѣхъ слободахъ особливыхъ городничихъ и ратуши, на основаніи высочайшихъ учрежденій.

7-е.

Въ городѣ Нѣжинѣ имѣется учрежденный словесный судъ для купечества, въ которой опредѣляются выборные изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ купцовъ погодно. И какъ къ опредѣленію въ

оном никого изъ торгующаго здѣсь купечества нѣтъ желающихъ: то большею частію берутся они по городамъ на ярмонкахъ, насильно. А въ разсужденіи, что въ каждомъ городѣ учреждены будутъ магистраты и словесные суды имъ подчинены быть должны, въ семъ одномъ Нѣжинѣ въ особливомъ для великороссійскаго купечества словесномъ судѣ нужды уже не видится.

8-е.

Изъ состоящихъ въ Малой Россіи девяти казачьихъ полковъ, коихъ сотни, по положенію ихъ селеній, теперь, по новому учрежденію, подходятъ подъ розные губерніи и уѣзды, для лучшаго ихъ на первой случай урегулированія и отъ земскаго правленія, по ихъ воинскому званію и самой службѣ, отдѣленія, и поелику нынѣ и количество ихъ, какъ по полкамъ, такъ и по сотнямъ, есть не ровное,—не соблаговолите-ли, ваше императорское величество, указать учредить десять полковъ изъ настоящихъ выборныхъ козаковъ, съ уравненіемъ по эскадронамъ или ротамъ, не взирая, что они не въ одномъ намѣстничествѣ, по ихъ земскому управленію, находиться будутъ, и дать ихъ старшинамъ въ уравненіе съ регулярными войсками чины и степени, дабы симъ предъуготовленіемъ можно постановить сіе войско на такой ногѣ, чтобы оно и для службы вашего императорскаго величества способнѣе быть, и свою пользу отъ оной взаимствовать могло.

9-е.

Настоящее здѣшнее положеніе таково: что какъ при войскѣ малороссійскомъ находящіеся генеральные и полковые старшины и сотники, такъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ опредѣленные чины, въ сходство законовъ, суть непремѣнные, до повышенія или отставки; и одни по опредѣленіямъ имѣютъ на рангъ деревни и жалованье, а другіе такъ, какъ и тѣ, кои по выборамъ у дѣлъ находятся, правные свои доходы. А какъ одни изъ генеральныхъ старшинъ, при опредѣленіи къ присутствію въ малороссійскую коллегію, будучи уравнены чинами, дошли и генералитетскихъ степеней, а другіе остались по нынѣ при своихъ земскихъ, и кромѣ сихъ, у статскихъ дѣлъ находящихся, военные, такъ и нѣкоторые полковники малороссійскіе воинской службы несть уже не въ состояніи: то не соблаговолите-ли, ваше император-

ское величество, при учрежденіи намѣстничествъ, опредѣлить ихъ по подносимому списку къ мѣстамъ, по ихъ чинамъ и степенямъ, съ уравненіемъ и послѣднихъ примѣрно первымъ. А кои изъ земскихъ чиновъ, за распредѣленіемъ въ разныя должности и за выборами, въ недостаткѣ мѣстъ, останутся не у дѣлъ, должности-жъ свои исправляли съ надлежащимъ раченіемъ, и къ симъ, дабы они безъ пропитанія оставаться не могли, явить всемилостивѣйшее призрѣніе.

10-е.

При малороссійской коллегіи находятся: докторъ Паульсонъ, штабъ-лѣкаръ Риттеръ и лекарь Данилевскій, такъ-же аптека въ Глуховѣ на содержаніи малороссійскаго скарба. Первый, при учрежденіи оной коллегіи и опредѣленіи къ ней, по высочайшему имянному вашего императорскаго величества указу, за долговременную его службу и въ бывшемъ прусскомъ походѣ здоровье его изнурившую, пожалованный въ надворные совѣтники, и о награжденіи коего повышеніемъ чина, въ разсужденіи понесенныхъ имъ и за тѣмъ въ службѣ многихъ трудовъ и по моему признанію, неоднократно отъ меня въ правительствующій сенатъ представливано. А другой, такъ какъ и находящійся въ Нѣжинѣ штабъ-лѣкарь Саньковскій, по признанію государственной медицинской коллегіи, за таковые въ походахъ службы и понесенные труды, къ мѣстамъ опредѣленные,—получаютъ жалованье не по городовому окладу, но по введенному за гетмановъ обыкновенію, а Саньковскій, примѣрно служащимъ въ войскѣ, въ мѣсто пансіона; и съ нихъ штабъ-лѣкарь Риттеръ, нахоящійся въ службѣ съ 1726 года, бывшій въ четырехъ походахъ и который, за несостояніемъ его служить болѣе, по семидесятивосьми-лѣтней старости, соединенной съ слабостію и изнеможеніемъ, проситъ о увольненіи его изъ службы въ рижскую губернію, и объ опредѣленіи, въ награжденіе за долговременную и долго-трудную его службу, въ пенсіонъ получаемаго имъ нынѣ пяти сотъ рублей жалованья. Не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству, при настоящихъ въ семъ краѣ благоустроеніяхъ, оказать и симъ высочайшую милость, увольнивъ штабъ-лѣкаря Риттера изъ службы съ просимымъ имъ пансіономъ по смерть его и оставя доктора Паульсона съ повышеніемъ чина, штабъ-лекаря Саньковскаго и лекаря Данилевскаго въ тѣхъ-же городахъ на прежнемъ основаніи такъ-же по конецъ ихъ жизни, съ тѣмъ, что они, по неудобности къ отысканію желающихъ медицинскихъ чиновъ для наполненія здѣшнихъ

всѣхъ городовъ, какъ извѣстно то по инымъ губерніямъ, должны будутъ служить пользованіемъ и для иныхъ городовъ, получая настоящее свое полное жалованье изъ той суммы, которая по учрежденіямъ на медицинскихъ чиновъ опредѣлена и за не наполненіемъ ими городовъ будетъ числиться остаточною. А о глуховской аптекѣ что повелѣно будетъ?

11-е.

Въ Малой Россіи есть генеральная артиллерія съ принадлежащими ей полковыми,—изъ коей въ минувшую турецкую войну, по разборѣ, часть отправлена въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ остается, а сверхъ того снабдѣны оною многіе полевые полки. Оставшуюсь-же на лицо не благоволите-ли, ваше императорское величество, указать распредѣлить по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ? а состоящіе въ вѣдѣніи сей генеральной артиллеріи и полковыхъ деревни, съ ихъ экономіею и разныхъ статей доходами, кому вѣдать и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

12-е.

По высочайше конфирмованному отъ вашего императорскаго величества плану состроенъ въ городѣ Глуховѣ казеннымъ иждивеніемъ пространный каменный домъ для обитанія генералъ-губернатора, такъ для помѣщенія находящихся въ Глуховѣ правительствъ и принадлежащихъ къ тамошней округѣ земскихъ урядовъ. При составленіи-жъ здѣсь трехъ намѣстничествъ сей городъ назначенъ въ число уѣздныхъ. А какъ въ Малой Россіи никакихъ училищъ для наученія юношества въ воинскихъ и гражданскихъ знаніяхъ, кромѣ духовенству приличныхъ, нѣтъ, а потому здѣшнее шляхетство, желающее дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, посылаютъ ихъ въ иностранныя училища, а нѣкоторые принуждены брать пріѣзжихъ иностранныхъ, одно только названіе учителей носящихъ, съ потеряніемъ иждивенія всуе и безъ всякой пользы: то неблагоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству явить для сего края величайшее въ безсмертную память благодѣяніе, указавъ тотъ казенный глуховскій домъ, по его пространству и способности, обратить на училище, подъ титломъ коллегіи? А дабы незабвенно на само-позднѣйшія времена оставалась въ потомствѣ за таковое вашего императорскаго величества промышленіе о пользѣ и благѣ здѣшняго народа благодарность, удостоить почтить оную высочайшимъ вашего императорскаго величества именемъ; и въ которой-бы юношеству всѣхъ трехъ здѣшнихъ намѣстничествъ разныя по способностямъ науки пре-

подаваемы были, и часть точно по чину воинскихъ академій. А для содержанія сей коллегіи, оной учителей и учениковъ, кои отъ своихъ домовъ, по бѣдности, снабдѣны быть не могутъ, кромѣ положенной въ высочайшихъ учрежденіяхъ главы XXV статьи 378-й на подобныя установленія суммы, опредѣлить извѣстную изъ артиллерійскихъ доходовъ по высочайшему благоусмотрѣнію.

13-е.

При малороссійской коллегіи находится фузилерная рота, изъ двухъ таковыхъ, за бывшихъ гетмановъ, опредѣленныхъ послѣ учрежденія оной коллегіи, формированная съ нѣкоторою противъ прежнихъ въ содержаніи и жалованьи убавкою, и компанѣйская конная команда въ числѣ 24-хъ рядовыхъ съ ихъ старшинами, изъ бывшей за гетмановъ надворной хоругвы, за отправленіемъ прочихъ къ пополненію въ легкоконные полки, для случающихся употребленій оставленная. А какъ содержаніе оныхъ нѣсколько превосходитъ опредѣленное по штату, при высочайшихъ учрежденіяхъ приложенному: то не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству оныя роту и команду до отставки, или куда индѣ помѣщенія въ нихъ служащихъ, указать оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы впредь убылыя мѣста въ нихъ наполняемы уже были въ разсужденіи сходственно приложенному при учрежденіяхъ штату.

14-е.

Въ Малой Россіи есть колонія, заведенная изъ иностранцовъ, которые съ начала ея заведенія, по неразумѣнію здѣшняго языка, никогда отъ здѣшнихъ земскихъ правительствъ не зависѣли, а для случающихся у нихъ расправъ выбирались самими ими изъ межъ себя выборные; для лучшаго ихъ управленія и утвержденія у нихъ полиціи опредѣляемы были туда коммиссары, съ жалованьемъ,—гдѣ нынѣ находится отставный маіоръ Грибелингъ. При настоящемъ учрежденіи намѣстничествъ быть-ли симъ колонистамъ вѣдомымъ судомъ и расправою, въ числѣ иныхъ обывателей, нижней расправѣ? или, по взаимному языковъ незнанію, оставаться имъ на прежнемъ основаніи подъ управленіемъ коммиссара въ безпосредственномъ вѣдѣніи экономіи директора.

15-е.

Изъ таможенъ, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: *кіевскую* васильковская, съ ея заставами: межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей по-

слѣдней застава каменская одна, въ *черниговскую*. А какъ отъ 16-го числа минувшаго февраля, при всенижайшемъ моемъ представленіи вашему императорскому величеству объясненія васильковской таможни о примѣченномъ съ 1770 года въ зборахъ умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ, по предположенію вашего императорскаго величества, необходимо потребный, долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинной сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ учреждаемы, и въ нихъ служители, не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть, многіе изъ настоящихъ таможенъ не въ сходственномъ находятся положеніи; то я за тѣмъ и за здѣланнымъ уже отъ статскаго совѣтника Даля таможнимъ осмотромъ, и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества рѣшенія.

16-е.

Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты: одна для пересылки всякаго рода писемъ въ Малороссіи и коммуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 г. мною учрежденная; другая для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ, по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію, держится отъ малороссійскаго скарба, по главному московскому тракту, отъ Глухова до Кіева въ 14-ти станціяхъ, на каждой по 12-ти лошадей, на глуховскій-же по 17, а на батуринскій по 15, по контрактамъ съ рядчиками; но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ новоучрежденныхъ губерніяхъ, при иныхъ благоустроеніяхъ, здѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые домы, съ опредѣленнымъ отъ обывателей или инаковымъ образомъ содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ по положенію оныхъ, все то устроено быть должно: то и о семъ буду ожидать высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ,

Графъ *Петръ Румянцовъ-Задунайскій*.

23 числа августа 1781 года
Черешеньки.

Сообщ. **А. Ѳ. Кистяковскій.**

Библіографія.

Французскій этюдъ о Мазепѣ.

Графъ Евг. Мельхіоръ де-Вогюе, своей статьей о Л. Толстомъ заставившій недавно говорить о себѣ русскую печать, издалъ книгу очерковъ изъ русской исторіи («Le fils de Pierre le grand.—Mazeppa.—Un Changement de regne».—Paris, 1884). Включенный въ нее этюдъ о Мазепѣ появился раньше въ «Revue des deux mondes». Популярность этого журнала и общая распространенность французскихъ книгъ обращаютъ вниманіе на эту небольшую работу.

Автору знакомы близко труды русскихъ ученыхъ. Во вступленіи къ очерку онъ ссылается на историковъ Малороссіи: Костомарова, Соловьева и Бантышъ-Каменскаго. Имена эти названы не всуе. Въ своей исторической части очеркъ гр. Вогюе является, собственно говоря, миніатюрнымъ осколкомъ монографіи Н. И. Костомарова. Въ этомъ случаѣ авторъ послѣдовалъ примѣру Мериме, давшаго въ книгѣ «Les Cosaques d'autrefois» сокращенное изложеніе «Богдана Хмельницкаго». Мериме въ своей компиляціи не обошелся безъ оригинальныхъ «добавленій». Онъ замѣчалъ, напримѣръ, что Хмельницкому для европейской славы не доставало только «менѣе труднаго къ произношенію имени» (un nom moins difficile a prononcer). Отъ подобныхъ словечекъ французскаго журнализма не свободенъ и очеркъ гр. Вогюе.

Сообразно своей задачѣ—разсмотрѣть «легенду и исторію» Мазепы, авторъ и дѣлитъ разсказъ: онъ говоритъ сперва о Мазепѣ легендарномъ, Мазепѣ поэтовъ, потомъ, переходя къ историческому лицу, въ нѣсколькихъ чертахъ рисуетъ исторію края, гдѣ ему пришлось жить и дѣйствовать, даетъ очеркъ личности гетмана, разсказываетъ его романъ

съ Матреной Кочубей, переходъ на сторону Карла, полтавскую битву и бѣгство.

Еслибъ въ началѣ нашего вѣка, говоритъ гр. Вогюе, спросили объ этомъ имени въ собраніи сорока французскихъ академиковъ, то весьма вѣроятно поставили-бы «безсмертныхъ» въ большое затрудненіе. Популярность дала ему поэма Байрона. Однажды поэту попалась на глаза страница Вольтера. Нѣсколько бѣглыхъ строкъ о Мазенѣ въ стихахъ англійскаго генія облеклись въ образы и краски. Въ поэмѣ не было исторической правды, но была правда душевной жизни и мощь пламеннаго воображенія. Современное поколѣніе французскихъ читателей, замѣчаетъ авторъ, не знаетъ Байрона. Знаютъ-ли его читатели русскіе? Напрасно стали-бы они судить, напримѣръ, о байроновскомъ «Мазенѣ» по виршамъ г. Михаловскаго. Большая часть русскихъ переводовъ европейскихъ классиковъ заставляетъ людей незнакомыхъ съ подлинниками недоумѣвать, отчего этихъ писателей считаютъ великими.

Мазена Виктора Гюго—не болѣе какъ маріонетка, посаженная на пресловутую дикую лошадь. Вся поэма изображаетъ изъ себя географическій кошмаръ. Неукротимый конь, уносящій въ степь Мазену, «вскормленъ морскими травами» (nourri d'herbes marines). Онъ несется по «движущимся пескамъ» и, какъ въ хаосѣ, мелькаютъ передъ всадникомъ «города съ башнями и длинныя цѣпи мрачныхъ горъ» (villes et tours, monts noirs, liés en longues chaînes).. Излюбленному французскому поэту, какъ вообще его соотечественникамъ, не мѣшаетъ помнить слова Вольтера: «Изъ всѣхъ наукъ географія нуждается всего болѣе въ обработкѣ. А до сихъ поръ въ людяхъ замѣтно болѣе склонности опустошать землю, чѣмъ изслѣдовать» [1]).

Послѣднимъ является Мазена Пушкина. Гр. Вогюе подробно пересказываетъ содержаніе «Полтавы» и прекрасно передаетъ прозой выдержки изъ нея.

Историческій Мазена, по мнѣнію автора, интересенъ не менѣе, чѣмъ Мазена легендарный. Но изображеніе этого сложнаго характера, скажемъ мы, прочитавши очеркъ гр. Вогюе, очевидно труднѣе. Писатель останавливается преимущественно на анекдотической сторонѣ жизни Мазены и для уразумѣнія его личности даетъ слишкомъ мало. Для этого надо-бы нарисовать картину того времени, переполненнаго въ южномъ краѣ внутренней борьбой. Но авторъ знаетъ своихъ читателей: «они не послѣдовали-бы за мной, еслибъ я на этомъ остановился», говоритъ онъ прямо. Поэтому онъ едва затрогиваетъ политику двадцатилѣтняго

---

[1]) «Histoire de l'empire de Russie». Tome I.

періода гетманства Мазепы, для характеристики которой трудъ Н. И. Костомарова давалъ такой богатый, готовый матеріалъ. Два другіе историческіе очерка гр. Вогюе обработаны въ этомъ отношеніи гораздо больше. Въ «Сынѣ Петра Великаго» онъ группируетъ донесенія резидентовъ и искусно пользуется такимъ источникомъ, какъ «Сборникъ историческаго общества». Въ исторіи воцаренія Павла Петровича онъ черпаетъ изъ современныхъ мемуаровъ и «Архива князя Воронцова». Тамъ меньше легенды, но больше исторіи. Владѣя искусствомъ легкаго и образнаго разсказа, авторъ даетъ увлекательные въ чтеніи очерки.

Въ общихъ чертахъ характеристика дѣятельности и личности Мазепы сходна у гр. Вогюе съ наблюденіями русскихъ историковъ. Подобно имъ, онъ признаетъ эгоизмъ господствующей чертой его натуры, въ его политикѣ видитъ стремленіе къ созданію «Новой Польши», въ его образѣ дѣйствій—постоянное вѣроломство. Онъ не щадитъ словъ для порицанія этого человѣка, но, помня, что онъ изслѣдователь отдаленной старины, а не взволнованный событіями современникъ, не закрываетъ глазъ и на характеръ самой эпохи. «О глухое и ужасное время, восклицаетъ онъ. Слава Петра не должна намъ мѣшать его видѣть! Когда знакомишься съ подробностями той жизни, когда вдыхаешь этотъ отравленный насиліемъ и низостью воздухъ, спрашиваешь себя, былъ-ли человѣкъ когда нибудь болѣе свирѣпымъ и отвратительнымъ, чѣмъ въ этомъ обществѣ инквизиторовъ и шпіоновъ. Венеція въ сравненіи съ Москвой XVII вѣка кажется довѣрчивой. Чтобы встрѣтить подобные нравы, надо вернуться къ Риму временъ Сеяна».

Какъ писанный по русскимъ источникамъ, трудъ гр. Вогюе не имѣетъ конечно для насъ самостоятельнаго значенія. Не можетъ онъ также идти въ сравненіи съ такими попытками ознакомленія съ природой и исторіей юга Россіи, какъ труды Элизе Реклю и Рамбо. Но значителенъ самый фактъ внесенія въ популярную французскую литературу непосредственнаго знакомства съ русскими учеными источниками. Такой пріемъ, утвердившись въ европейскихъ литературахъ, можетъ дать благіе результаты.

Пользуясь случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ западныхъ литературъ, какъ источникахъ южно-русской исторіи. Кажется въ этомъ отношеніи исчерпано не все. Капитальныя сочиненія, какъ Боплана, Шерера, Энгель и т. п., конечно вошли въ источники этой исторіи обязательно. Но многое ускользаетъ еще отъ вниманія изслѣдователей. Просматривая, напримѣръ, французско-голландскіе антикварные

каталоги Мюллера [1]) (такъ назыв. Catalogues raisonés), встрѣчаемъ свѣдѣнія о такихъ вещахъ, о которыхъ ни словомъ не упоминается въ наиболѣе авторитетныхъ трудахъ по исторіи южной Руси.

Прежде всего газеты, обозрѣнія или «Меркуріи» той эпохи. Не забудемъ разницы, какую представляла въ то время восточная и западная Европа. Вспомнимъ, что въ то время, какъ Самойло Кошка, вырвавшись изъ турецкаго плѣна, носился по волнамъ Чернаго моря, въ то время, какъ за густыми днѣпровскими лозами цвѣло Запорожье, въ западной Европѣ уже существовали формы цивилизаціи, свойственныя нашему времени. Газетный отчетъ голландскаго «Меркурія» разсказывалъ о битвѣ Хмельницкаго подъ Збаражемъ.

Сорокъ томовъ «Mercurius Hollantze» обнимаютъ время съ 1650 по 1690 г. Уже въ первые годы встрѣчаются свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Такъ въ 1651 году есть описаніе битвы поляковъ съ козаками и т. д.

Сборникъ Вассенера (Wassenaer, Historich Verlacl. 1621—32), говоритъ Мюллеръ, былъ историческимъ обозрѣніемъ, выходившимъ два раза въ годъ. Какъ большая часть газетъ того времени, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на страны отдаленныя. Много мѣста удѣлено восточной Европѣ. По южно-русской исторіи встрѣчаются свѣдѣнія въ т. IV, за 1622 г.—«Отступленіе козаковъ отъ польскихъ границъ» подъ 1625 г —«Козаки покидаютъ службу германскаго императора» и т. под. Изъ отдѣльныхъ трудовъ должна представлять интересъ книга нѣкоего Іостена Толька (Ioosten Tolck), озаглавленная въ французскомъ указателѣ такъ: «Origines et continuation des la guerre des cosaques, des Polonais, des Russes et des Suedois, depuis 1650 jusqu'en mai 1656, avec des descriptions des villes, des pays, des peuples e ct., par un amateur, temoin oculaire des evenements principaux». Amsterdam. 1657. По отмѣткѣ указателя, авторъ былъ очевидцемъ большинства описываемыхъ событій. Онъ былъ вѣроятно еврей и, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ какого нибудь голландскаго дипломата, одного изъ тѣхъ, которые старались водворить вездѣ миръ, выгодный для ихъ торговой страны. Въ «Исторіи Яна Собѣскаго» Ванъ-деръ-Линде (Amsterd. 1685) есть очеркъ исторіи козачества. Слѣдующихъ книгъ указатели Мюллера даютъ только названія:

Lasitzki Ioz. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificis, nuptiarum et funerarum ritu. Lipsiae. 1572.

---

[1]) *Friderie Muller.* Essai d'une bibliographie neerlando-russe. Amsterdam. 1859.—Catalogue de livres, atlas, portraits et planches sur la Russie. Amsterdam. 1870.

Herbinii Religiosae Kyovienses Cryptae sive Kyovia subteranea et in eo mortua a 600 annis, Divorum atque Herouin Graeco-Ruthenorum et nec dum corrupta corpora. Ienae. 1657.

Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie, depuis la fondation de la monarchie jusqu'a present. Amsterd. 1698.

Neuville Relation curieuse de Moscovie, contenant l'etat present de cet empire, *les expeditions des Moscovites en Crimeé en 1689* cet. La Haye 1699.

Relation exacte de la bataille entre l'armée de Czar et celle de roi de Suede a l'heureuse journée de Poltava le 27 juin 1709.

De la Motraye Voyage en Europe, Asie, Afrique avec des relations fideles des evenements... *Des affaire et de la conduite du feu roi de Suede a Bender.* La Haye. 1727. Противъ этого сочиненія, гдѣ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Мазепы, предостерегаетъ впрочемъ Вольтеръ въ своей «Histoire de l'empire de Russie».

Lesur. Histoire des Cosaques. Paris, 1814.

Kohe I. De Ukraine en Kleine-Russland, Groon. 1844.

Neumann K. F. Die Fölker d. sudl. Russlands in ihrer geschichtlische Entwickelung. Leipzig. 1847.

Pissot. Precis historique sur les Cosaques. Paris. 1812.

Нѣсколько иныхъ названій относятся къ книгамъ меньшаго значенія. Встрѣчаются и курьезы. Такъ существуетъ голландско-козацкій словарь и историческій романъ Чинскаго «Козакъ», вышедшій въ 1837 г. на голландскомъ языкѣ въ Гагѣ. Богатое собраніе старо-голландскихъ картъ и атласовъ возбуждаетъ особенно любопытство въ изданіяхъ Янсоніуса (1639 г.) и Блау (1649—64), гдѣ находятся отдѣльныя карты Украины, Покутья, Подоліи и т. д. У Блау, кромѣ того, есть четыре отдѣльныхъ карты Днѣпра, изъ которыхъ одна снята съ образца древняго. При этихъ картахъ находится описаніе Запорожья, мѣстности, нравовъ и обычаевъ запорожцевъ, которое сопровождается *рѣзанными на деревѣ изображеніями типовъ, одеждъ* и т. п.

Въ испанскомъ изданіи этого атласа, заманчиво прибавляетъ указатель, фигуры эти рѣзаны на мѣди. Атласъ Блау считался классическимъ, и кто знаетъ, до какого совершенства картографія и гравюра доведены были въ Голландіи въ старое время, у того еще болѣе явится желаніе съ нимъ познакомиться. Но для провинціальнаго любителя такія рѣдкости недостижимы! Не обратятъ-ли вниманіе на указанныя изданія и книги тѣ изъ нашихъ ученыхъ, кому доступны книжныя сокровищницы европейскихъ центровъ?

В. Горленко.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883.

Не болѣе мѣсяца назадъ выпущено въ свѣтъ это изданіе кіевской Коммиссіи, помѣченное на обложкѣ 1883 годомъ. Коммиссія не объясняетъ ни этого страннаго на посторонній взглядъ, хотя и не значительнаго обстоятельства, ни того, почему столь долгое время, около пяти лѣтъ, не являлись ея изданія, при наличности рабочихъ силъ и достаткѣ денежныхъ средствъ. Оставляя отвѣтъ на это самой Коммиссіи, мы тѣмъ не менѣе съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ это новое изданіе, какъ новый цѣнный вкладъ въ науку южно-русской исторіи. Редакція вышедшаго теперь тома актовъ принадлежитъ г. Оресту Левицкому, заявившему уже себя нѣсколькими прекрасными изслѣдованіями по наиболѣе важнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Изданный томъ актовъ представляетъ собою весьма объемистую книгу, въ которой 182 страницы составляютъ самостоятельный трудъ почтеннаго редактора подъ скромнымъ заглавіемъ «Предисловія», а 938 страницъ заняты самыми актами, личнымъ и географическимъ указателями и оглавленіемъ.

Настоящій томъ служитъ связующимъ звеномъ между двумя другими томами, изъ которыхъ одинъ вышелъ въ 1859 году подъ редакціей Н. Д. Иванишева и заключаетъ въ себѣ собраніе актовъ, объясняющихъ состояніе западно-русской церкви въ періодъ предшествовавшій уніи 1596 года, а второй изданъ въ 1868 году подъ редакціей В. Б. Антоновича, собравшаго акты относящіеся къ исторіи уніи отъ 1648 по 1798 г. Но, кромѣ этихъ, коммиссіею разновременно изданы еще три тома однородныхъ актовъ и мы имѣемъ такое огромное собраніе матеріаловъ по исторіи уніи въ юго-западномъ краѣ, что для людей знакомыхъ съ общимъ планомъ работъ коммиссіи является самъ собою вопросъ о томъ, отъ чего коммиссія такъ много удѣлила мѣста для матеріаловъ по южно-русской церковной исторіи сравнительно съ исторіей политической и бытовой. Г. Левицкій, говоря отъ имени коммиссіи, начинаетъ свое «Предисловіе» именно отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотъ сущность его объясненія.

«Исторія юго-западной Россіи въ періодъ съ XVI по XVIII вѣкъ, есть попреимуществу исторія религіозныхъ волненій; борьба религій составляетъ главное содержаніе ея общественной, политической и культурной жизни». «Трудно найти, въ тогдашней жизни такое явленіе, которое не стояло-бы ни въ какой связи съ религіознымъ вопросомъ; напротивъ

можно сказать, что все, что случалось въ данный періодъ великаго и малаго, славнаго и позорнаго, полезнаго и гибельнаго—все это находится въ той или другой зависимости отъ религіозныхъ отношеній времени. Этимъ отношеніямъ южная Русь обязана, съ одной стороны, такими свѣтлыми явленіями, каковы: умственное и просвѣтительное движеніе XVI и XVII вв., дѣятельность церковныхъ братствъ, а съ другой такими крупными потерями, какъ денаціонализація ея высшихъ сословій и, наконецъ, такими тяжкими общественными катастрофами, какъ войны козацкія и гайдамацкое возстаніе. Отсюда понятно, почему вопросъ о религіозныхъ отношеніяхъ въ южной Руси ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ спеціальной области церковной исторіи, но по всей справедливости долженъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ общей исторіи края, ибо безъ предварительнаго всесторонняго изученія этого вопроса невозможно, строго говоря, ни общее уразумѣніе характера изучаемой эпохи, ни ясное и цѣлостное пониманіе отдѣльныхъ явленій и событій изъ различныхъ сферъ тогдашней политической и общественной жизни».

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку изъ объясненія г. Левицкаго; она можетъ пригодиться и для читателей «Кіевской Старины», встрѣчающихъ въ нашемъ журналѣ не мало страницъ, посвященныхъ церковно-историческимъ изслѣдованіямъ и характеристикѣ дѣятелей «духовного стану».

Обратимся теперь къ самому изслѣдованію г. Левицкаго, которое онъ предпосылаетъ обработанному имъ тому актовъ. Оно слагается изъ двухъ частей: первая посвящена разъясненію вопроса о происхожденіи уніи, вторая трактуетъ о появленіи и распространеніи въ юго-западной Руси социніанскаго ученія. По видимому эти части ничѣмъ не соединены между собою; но существенная связь изслѣдуемыхъ авторомъ явленій заключается въ томъ, что социніанство, поражая боровшійся съ православіемъ католицизмъ и нанося ущербъ самому православію, тѣмъ самымъ облегчило введеніе уніи, обезсиливъ ряды защитниковъ православія.

Въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи уніи авторъ выступаетъ изъ той мысли, что перевороты, подобные уніи, не совершаются одною волею правительствъ, въ особенности столь безсильныхъ, какими на дѣлѣ всегда были правительства Польши и Литвы, а являются обыкновенно результатомъ какихъ-нибудь внутреннихъ, органическихъ поврежденій, нарушающихъ нормальный ходъ жизни даннаго общества. Указавъ за симъ на неудачныя попытки польскихъ королей Казимира и Александра ввести унію, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ,

сдѣлавшихъ введеніе ея возможнымъ въ правленіе Сигизмунда III и притомъ въ то время, когда латиняне были заняты борьбой съ протестанствомъ, сильно поколебавшимъ положеніе католицизма въ Польшѣ. Съ этой цѣлью онъ изслѣдуетъ церковно-общественныя отношенія въ предшествующіе уніи вѣка и изъ изслѣдованія этихъ отношеній дѣлаетъ выводъ, что основными чертами внутренняго строя западно-русской православной церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI вѣка должно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви.

Это счастливое единеніе церковно-общественныхъ силъ было источникомъ той внутренней крѣпости, какую обнаружила Русь въ тяжкую годину своей исторіи: благодаря ему, послѣ татарскаго разгрома, она оказалась въ состояніи подчинить даже своему вліянію литовское государство, а затѣмъ въ немъ-же она нашла силы для борьбы въ XV вѣкѣ противъ попытокъ польскихъ королей навязать ей флорентинскую унію. Но единеніе это подъ вліяніемъ польско-литовскаго государства рано или поздно должно было слабѣть, не смотря на полную вѣротерпимость польскихъ королей, оказывавшихъ покровительство даже православію: въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, это—право «подаванья столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», т. е. право пожалованія архіерейскихъ каѳедръ, монастырей и церквей. «Подаванье» не было собственно раздачей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ новоизбранному кандидату права распоряженія церковными имѣніями, съ которыхъ отбывались въ пользу государства военная служба и другія повинности. По мѣрѣ безпрестанной передачи польско-литовскими государями служилымъ людямъ земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность право «подаванья» (jus patronatus) раздробилось впослѣдствіи между огромнымъ множествомъ лицъ. Нечего и говорить, что это право противорѣчило выработанному исторіей выборному началу въ русской церкви и необходимо должно было привести къ злоупотребленію имъ. Какъ извѣстно, избирательное начало было чуждо римско-католической церкви, основанной на строгомъ единовластіи; духовныя лица часто обращались къ римскому двору съ подкупами и искательствами для пріобрѣтенія духовныхъ сановъ, бенефицій и проч. Польскіе короли, подобно другимъ западно-европейскимъ государямъ, вели борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній. Этотъ порядокъ они примѣнили и къ русской церкви и въ результатѣ получилось то, что замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей путемъ избранія почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія; среди православнаго

высшаго духовенства началась погоня за «духовными хлѣбами» и развилась въ сложную систему подкуповъ, происковъ и выпрашиванія епископій и архимандрій. Понятно само собой, что при такомъ способѣ раздачи высшихъ церковныхъ должностей не было вовсе обращаемо вниманіе на нравственныя качества претендента, слѣдствіемъ чего явилась нравственная распущенность и паденіе высшаго духовенства. Что касается до сельскаго населенія, то оно находилось въ полной зависимости отъ помѣщика, и потому ряды его пополнялись, по словамъ современника, «сметьемъ людскимъ, голодными и неуками». Въ лучшихъ сравнительно условіяхъ находились города, гдѣ мѣщане, пользуясь самоуправленіемъ удержали за собой право завѣдыванія церквями и выбора къ нимъ священниковъ. Поэтому-то, съ умноженіемъ злоупотребленій въ іерархической средѣ, когда въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ, когда мысль о церковной реформѣ сдѣлалась общею, мѣщане, соединяясь въ братства съ лицами другихъ сословій, приняли на себя почипъ въ дѣлѣ обновленія православной церкви. Авторъ не ставитъ своей задачей разрѣшеніе вопроса о происхожденіи южно-русскихъ братствъ и только мимоходомъ касается ихъ первоначальной исторіи; онъ обращаетъ на нихъ вниманіе, главнымъ образомъ, съ того времени, когда они вступаютъ въ борьбу съ іерархіей за цѣлость древнихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ. При этомъ г. Левицкій, вопреки общепринятому мнѣнію, будто именно борьба противъ католичества была главною причиною, вызвавшею быстрое размноженіе братствъ въ концѣ XVI вѣка, предполагаетъ, что и это явленіе, подобно многимъ другимъ, было вызвано къ жизни не внѣшними, а внутренними условіями тогдашняго состоянія западно-русской церкви. Въ виду требованій времени, напримѣръ, львовскимъ братствомъ былъ выработанъ уставъ, утвержденный антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го января 1586 года; въ силу этого устава братство получило право суда надъ своими свѣтскими и духовными членами и даже право церковнаго отлученія, братчики могли участвовать въ епископскомъ судѣ и сдерживать произволъ своего владыки; въ случаѣ злоупотребленій послѣдняго они освобождались отъ подчиненія ему. Немного позже, константинопольскій патріархъ совершенно освободилъ львовское и виленское братство отъ власти архіереевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства могли непосредственно приносить жалобы на епископовъ самому патріарху. Слѣдствіемъ этого было то, что братства постепенно и настойчиво стараются простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами всей западно-русской церкви, входятъ поэтому въ столкновеніе

съ іерархіей, стремившейся къ самовластію, по образцу католической іерархіи, вызываютъ въ русскомъ духовенствѣ вражду къ себѣ и ведутъ съ нимъ борьбу, окончившуюся расколомъ и отпаденіемъ высшей іерархіи отъ православія. Въ борьбѣ своей съ братствами, епископы находили себѣ поддержку въ католическомъ духовенствѣ и іезуитахъ; между тѣми и другими существовали дружескія отношенія, приведшія русскихъ іерарховъ къ подчиненію Риму, которое и было объявлено на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году. На Брестскій соборъ г. Левицкій смотритъ поэтому, какъ на актъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначавшимися внутри западно-русской церкви: клерикально іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ несогласное съ духомъ православія, выдѣлилось теперь изъ него и примкнуло къ своему естественному союзнику—латинству, разсчитывая при его помощи рано или поздно достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ этому разрыву, повторяетъ въ заключеніи авторъ, послужило церковно-преобразовательное движеніе, предпринятое по иниціативѣ братствъ и, вообще міранъ, а далѣе борьба, возникшая вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія такому движенію со стороны высшей іерархіи.

Таково мнѣніе г. Левицкаго по вопросу о происхожденіи уніи. Онъ иллюстрируетъ свои положенія многочисленными историческими примѣрами и такимъ образомъ рисуетъ живую картину церковно-общественныхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую уніи, когда для послѣдней подготовлялась только почва. Это мнѣніе, основанное на всестороннемъ изученіи государственной, общественной и частной жизни того времени, обнаруживаетъ односторонность и несостоятельность господствовавшаго до сихъ поръ взгляда на унію, какъ на политическую мѣру, принятую правительствомъ съ цѣлью ассимиляціи русскаго населенія съ польскимъ. Мы въ свою очередь готовы были-бы назвать мнѣніе г. Левицкаго одностороннимъ, если-бы онъ и за прежнимъ взглядомъ не признавалъ извѣстной доли истины; намъ кажется однако, что авторъ умаляетъ его значеніе, допуская лишь, что польскіе короли впослѣдствіи уже воспользовались уніей, какъ средствомъ для ополяченія края и введенія въ немъ католичества. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ возникновенія уніи существовали два теченія—внѣшнее и внутреннее и оба вели къ одному и тому-же результату. Тѣмъ не менѣе г. Левицкій представленнымъ имъ теперь рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи уніи оказываетъ существенную услугу наукѣ: своимъ изслѣдованіемъ онъ какъ-бы приподнялъ завѣсу, за которой скрывались главныя дѣйствующія пружины, самый механизмъ тогдашней жизни и мы увидѣли, какъ все было просто, естественно и послѣдовательно.

Вторая часть «предисловія» г. Левицкаго касается другаго, не менѣе важнаго для исторіи возникновенія уніи вопроса—судьбы одной изъ протестантскихъ сектъ, именно социніанства, въ южной Россіи, судьбы, ни разу до селѣ не подвергавшейся научной разработкѣ. Изслѣдованіе о социніанахъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что оно основано на документахъ, впервые появляющихся въ свѣтъ, и на такихъ, хотя и печатныхъ, сочиненіяхъ, которыя въ настоящее время составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Однимъ словомъ, мы смотримъ на эту часть работы г. Левицкаго, какъ на цѣльную новую главу въ общей исторіи религіознаго и умственнаго движенія въ юго-западной Россіи; въ этой части авторъ наблюдаетъ сначала зарожденіе социніанства въ Швейцаріи, слѣдитъ за его распространеніемъ въ Западной Европѣ и переходомъ въ Польшу, Литву и Южную Россію, анализируетъ социніанскую доктрину, указываетъ на труды социніанъ по организаціи своихъ общинъ, увеличенію ихъ числа и заведенію академій и школъ, обращаетъ вниманіе на сочувствіе и поддержку секты многими знатными южнорусскими родами, на принятіе послѣдними социніанскаго вѣроученія и на борьбу соединенными силами социніанства и православія противъ гоненій господствующей католической церкви, борьбу, окончившуюся наконецъ гибельно для сектантовъ во время казацкихъ войнъ. Мы не будемъ останавливаться долѣе на содержаніи исторіи южно-русскихъ социніанъ, такъ какъ изслѣдованіе объ этомъ было помѣщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. и извѣстно постояннымъ читателямъ нашего журнала; пожелаемъ лишь, чтобы авторъ продолжалъ такъ удачно начатыя имъ розысканія матеріаловъ по исторіи протестанства и чтобы съ его легкой руки было предпринято изданіе такихъ-же матеріаловъ сѣверо-западными археографическими коммисіями, потому что протестантское движеніе шло съ сѣвера на югъ, а не обратно.

Въ разсматриваемомъ нами VI томѣ «Архива юго-западной Руси» заключается 326 актовъ, изъ коихъ $^{9}/_{10}$ заимствованы изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива, этого богатаго древлехранилища нашего края. Изданные акты сообщаютъ данныя о мѣрахъ польскаго правительства къ проведенію въ южной и западной Россіи церковной уніи и о противодѣйствіи этимъ мѣрамъ со стороны православныхъ; о церковной іерархіи, какъ православной, такъ и уніатской, о положеніи южно-русскихъ православныхъ монастырей, ихъ матеріальномъ обезпеченіи и внутреннемъ бытѣ; о православныхъ церковныхъ братствахъ и преимущественно о судьбѣ братства луцкаго; о церковныхъ школахъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси въ данное время; объ успѣхахъ уніи и религіозныхъ преслѣдованіяхъ православныхъ

со стороны представителей уніатской партіи; о сношенія южно-русскаго духовенства и въ частности кіевскаго братства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, о состояніи религіозности въ южно-русскомъ обществѣ въ данное время, о распространеніи въ юго-западной Руси антитринитарской или социніанской секты, возникновеніи социніанскихъ училищъ и вообще объ ея успѣхахъ и тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подверглись послѣдователи этой секты со стороны католическаго духовенства и правительства, и наконецъ — документы, характеризующіе внутренній бытъ, общественныя отношенія и нравы южно-русскаго духовенства, какъ низшаго, такъ и особенно высшаго. Сюда-же относятся акты, заключающіе въ себѣ біографическія черты изъ жизни и дѣятельности выдававшихся южно-русскихъ архіереевъ данной эпохи, преимущественно тѣхъ, которые принимали главное участіе въ проведеніи церковной уніи, какъ Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй. И этотъ разнообразный и важный матеріалъ изслѣдованъ г. редакторомъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ (вопросъ о происхожденіи уніи, исторія социніанства и біографія Кирилла Терлецкаго). Съ интересомъ будемъ ждать и надѣяться, что г. Левицкій не остановится на сдѣланномъ имъ теперь изслѣдованіи и доведетъ разработку изданныхъ актовъ до конца съ такимъ-же успѣхомъ и искусствомъ, какое мы привыкли до сихъ поръ встрѣчать въ его трудахъ.

Что касается до самыхъ актовъ, то мы находимъ, что одно чтеніе ихъ можетъ доставить любителю старины нѣсколько пріятныхъ часовъ, вызывая въ немъ самыя разнообразныя чувства. Акты переносятъ насъ въ то отдаленное время, когда происходили описываемыя событія; въ нихъ мы не только читаемъ полный образности, полурусскій, полупольскій языкъ того времени, но будто слышимъ разговаривающихъ; мы какъ-бы присутствуемъ «на уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости» и готовы, пожалуй, считать себя намѣстникомъ подстаросты «ad hunc solum actum ужитымъ», передъ которымъ «постановляются очевисто ку записованю до книгъ» князья и земяне, бояре и крестьяне, епископы и бискупы, игумены и пріоры, священники и каноники и проч., и проч., «оскаржаючисе велико обтяжливе и вельми плачливе» и со словъ этихъ «протестуючихъ се» въ нашемъ воображеніи воскресаютъ картины наѣздовъ, разбоевъ и всякаго рода насилій «надъ людьми спокойными, никому ничого невинными и правомъ посполитымъ обвароваными»; въ этой сумятицѣ, въ этой борьбѣ «племенъ, нарѣчій, состояній» передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходятъ всѣ сословія того времени: духовныя и свѣтскія, высшія, среднія и низшія, даже дѣти и убогіе; мы живо видимъ разоренные монастыри и храмы, раз-

грабленные и сожженные укрѣпленные замки и дома и беззащитныя жалкія халупы; мы слышимъ стоны раненыхъ и плачъ перепуганныхъ женщинъ и дѣтей...... И все это творилось во имя религіи, требующей любви къ ближнему! Да, тяжелое то было время, и, читая изданные г. Левицкимъ акты, мы какъ-бы переживаемъ это самое время.

Многое можно было-бы сказать еще по поводу изданныхъ теперь матеріаловъ для нашей исторіи; но мы и безъ того не въ мѣру удлинили наше сообщеніе. Для обозначенія ихъ интереса въ самыхъ мелочахъ, укажемъ лишь два-три примѣра.—Кому неизвѣстна горькая доля возныхъ (въ родѣ судебныхъ приставовъ нашего времени), которые обязаны были развозить обвиняемымъ позвы къ суду и совершать вводы во владѣніе? Въ тотъ вѣкъ всеобщаго самоуправства и насилія ихъ гнали и били, надъ ними всячески ругались, чтобы только отбить у нихъ охоту исполнять судебныя рѣшенія и приговоры. И вотъ жалостное заявленіе одного изъ нихъ по такому случаю. Люблинскій воевода поручилъ вручить, кому слѣдуетъ, позвы къ суду по дѣлу объ отравленіи луцкимъ архіереемъ Кирилломъ Терлецкимъ жидичинскаго архимандрита Гедеона Балабана; изъ всѣхъ позвовъ остался не врученнымъ одинъ, и возный пишетъ на немъ... не извиненіе, не объясненіе должностнымъ лицемъ причинъ, почему возложенное на него порученіе не могло быть исполнено имъ, а униженную мольбу: «радъ-бы давалъ (неврученный позовъ), да лихо: у Гуляникахъ есть жолнѣрс; боюся, штобъ мя не шарпнено. Прошу, милый пане, не рачъ мѣти за зле на мене, але рачъ, яко панъ мой милостивый, выбачити на мене убогого служебника» (точно вотъ говоритъ Даніилъ Заточникъ).—А то вотъ картина: жидичинскій архимандритъ сидитъ на церковной крышѣ пять дней въ плѣну у своего противника Кирилла Терлецкаго и оттуда намѣревается сдѣлать вооруженное нападеніе на послѣдняго. Или: житомирскіе мѣщане заявляютъ на судѣ, что они видѣли у священника Федора Безежа книги въ сундукѣ и что съ одной изъ нихъ онъ проходилъ по базару. Ну что, кажется, страннаго въ томъ, что православный священникъ имѣетъ книги? А между тѣмъ объ этомъ доносятъ въ судъ. Ужъ не заподозрили-ли мѣщане въ о. Федорѣ социніана, человѣка образованнаго, тогда какъ ихъ священники были, по большей части, «неукове?»

Въ ряду актовъ настоящаго тома стоитъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь изъ остальныхъ, одинъ документъ, попавшій сюда какъ нельзя болѣе кстати, это апокрифическое сказаніе о нарожденіи въ 1634 году въ Вавилонской землѣ антихриста («Исторія, албо новина о антихристѣ»). Не пускаясь въ подробное изслѣдованіе его, скажемъ только,

что наблюденія надъ исторіей христіанскихъ народовъ показываютъ, что всѣ важные переломы въ общественной жизни сопровождаются толками суевѣрныхъ людей о пришествіи антихриста; эти толки записываются потомъ, или же просто сочиняются начетчиками Апокалипсиса и составляютъ довольно обширную литературу. Таково-же, конечно, происхожденіе и настоящей «новины», явившейся вслѣдъ за церковной реформой 1596 года. Она родилась, можно думать, въ протестантской средѣ, въ которой Вавилономъ считался Римъ и антихристомъ—самъ папа; впослѣдствіи уже сказаніе стало обращаться и между православнымъ населеніемъ Руси. Въ сѣверо-русской апокрифической литературѣ существовала около этого-же времени «Книга о правой вѣрѣ», въ которой появленіе антихриста приводилось въ связь съ этими эпохами: раздѣленіемъ церквей и брестской уніей. Отсюда понятно, почему владимірскій епископъ Ипатій Потѣй вооружался противъ отождествленія папы съ антихристомъ и старался доказать, что между папой и апокалипсическимъ антихристомъ нѣтъ ничего общаго.

Въ заключеніе не можемъ не выразить своего удовольствія, вызваннаго въ насъ приличною внѣшностью книги, и не посѣтовать на нѣсколько высокую цѣну послѣдней, въ виду ея интереса и желанія ей большей распространенности и большаго круга читателей.

И. Каманинъ.

А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Акты греческаго нѣжинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.

Подъ этимъ заглавіемъ почтенный профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій издалъ сборникъ грамотъ и документовъ, подлинники которыхъ хранились до недавняго времени при греческой церкви въ г. Нѣжинѣ. Въ сборникѣ помѣщено 58 документовъ, которые издатель распредѣлилъ на два отдѣла: 1) грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ и 2) универсалы гетмановъ. Документы перваго отдѣла относятся къ исторіи греческой церкви въ Нѣжинѣ и существовавшаго при ней церковнаго греческаго братства, во второмъ-же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ документы, относящіеся къ самоуправленію и опредѣляющіе льготы и привиллегіи греческой нѣжинской торговой общины.

Древнѣйшій по времени документъ относится къ 1657 году; это универсалъ Богдана Хмельницкаго, изданный 2 мая, въ которомъ гетманъ «приохочуючи грековъ купцовъ, абы въ сторону нашу зъ разными товарами пріѣзжаючи, выгодою людемъ были», освобождаетъ греческихъ

пріѣзжихъ торговцевъ отъ мѣстныхъ полковыхъ и магистратскихъ судовъ и разрѣшаетъ имъ въ дѣлахъ торговыхъ судиться «самимъ межи собою». Мѣсяцъ спустя Хмельницкій издалъ другой универсалъ, которымъ предоставилъ греческимъ пріѣзжимъ купцамъ право безпошлинной торговли во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Украины. Эти двѣ льготы: право самосуда и освобожденіе отъ пошлинъ подтвердили одинадцатью универсалами преемники Хмельницкаго, гетманы: Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Иванъ Брюховецкій, Павелъ Тетеря и Иванъ Самойловичъ. Изъ нихъ только Тетеря попытался наложить пошлину на нѣкоторые товары: мѣха, шелковыя ткани и драгоцѣнные камни и металлы, привозимые купцами греческими, турецкими и армянскими; но попытка эта очевидно не утвердилась, потому что позднѣйшіе универсалы не повторяютъ распоряженія Тетери. Впрочемъ всѣ эти льготы относились только къ грекамъ пріѣзжимъ. Первое свѣдѣніе о поселеніи въ Нѣжинѣ греческой купеческой общины мы встрѣчаемъ въ универсалѣ гетмана Самойловича отъ 28 ноября 1675 года; документъ этотъ обезпечиваетъ право самосуда «купцамъ чужеземскимъ, грекамъ и волохамъ, на сей часъ въ Украинѣ мешкаючимъ» и запрещаетъ мѣстнымъ магистратамъ, «особливе майстратови нѣжинскому», привлекать ихъ къ своему суду. Въ 1687 году гетманъ Мазепа подтвердилъ греческимъ купцамъ, «въ Нѣжинѣ найдуючимся», право самосуда, за исключеніемъ «справъ трудныхъ и криминаловъ», которые должны были разсматриваться въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Затѣмъ встрѣчаемъ семь универсаловъ, изданныхъ гетманами: Мазепою и Апостоломъ, генеральною канцеляріею во время между-гетманства, фельдмаршаломъ Минихомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, которые подтверждаютъ старыя льготы нѣжинской греческой общины и прибавляютъ къ нимъ новыя: освобожденіе грековъ отъ военнаго постоя, отъ обязанности доставлять подводы и уплачивать подворную подать.

Поселившись въ Нѣжинѣ, греческая община немедленно озаботилась постройкою своей церкви; уже въ 1680 году существовалъ греческій храмъ во имя св. Михаила и Гавріила и константинопольскій патріархъ Іаковъ утвердилъ при этой церкви приходскаго священника Христофора. Въ томъ-же году Христофоръ былъ утвержденъ въ должности приходскаго священника и Лазаремъ Барановичемъ, изъявившимъ въ своей грамотѣ согласіе на то, чтобы служба церковная въ нѣжинской церкви отправлялась на греческомъ языкѣ. Въ 1696 году нѣжинскіе греки устроили при церкви церковное братство и получили на то благословительную грамоту отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, въ которой митрополитъ передаетъ братчикамъ попеченіе о церкви,

завѣдываніе церковными доходами, разрѣшаетъ братству выбирать и смѣнять священниковъ съ своего благословенія, подчиняетъ нѣжинское братство исключительно своей духовной власти, устраняя всякую его зависимость отъ мѣстныхъ церковныхъ властей и разрѣшаетъ братчикамъ устроить школу «ради ученія отроковъ письмени греческого» и «шпиталь ради пристанища и пропитанія убогихъ и недужихъ». Изъ грамоты митрополита мы узнаемъ, что въ вѣдѣніи братства въ то время, кромѣ первоначальной церкви деревянной во имя св. Михаила и Гавріила, находилась другая каменная церковь «Всѣхъ Святыхъ».

Нѣжинское церковное братство пользовалось постояннымъ покровительствомъ кіевскихъ митрополитовъ; мы встрѣчаемъ въ сборникѣ г. Ѳедотова-Чеховскаго цѣлый рядъ грамотъ митрополитовъ: Іасафа Кроковскаго, Варлаама Ванатовича, Рафаила Заборовскаго, Тимофея Щербацкаго, Арсенія Могилянскаго, Гавріила Кременецкаго и Самуила Миславскаго. Въ грамотахъ этихъ митрополиты подтверждаютъ первоначальныя льготы и привиллегіи братства, прибавляютъ къ нимъ новыя согласно просьбамъ братчиковъ, охраняютъ самоуправленіе братства отъ вмѣшательства нѣжинскихъ протопоповъ и т. п. Наравнѣ съ митрополитами свѣтскія власти также оказываютъ покровительство нѣжинскому церковному братству; гетманы: Мазепа, Скоропадскій, Апостолъ и Разумовскій издаютъ десять универсаловъ подтверждающихъ существованіе братства, а также освобождаютъ братскіе дома, постройки и вообще всякое братское имущество отъ всѣхъ общественныхъ податей и повинностей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія актовъ, изданныхъ г. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, видно все историческое значеніе его сборника. Документы эти даютъ возможность прослѣдить образованіе и постепенный ростъ греческой нѣжинской колоніи въ теченіи полутораста лѣтъ и могутъ послужить весьма цѣльнымъ и существеннымъ матеріаломъ для составленія монографіи объ исторіи этой колоніи. Конечно, мы считаемъ долгомъ признать, что почтенный издатель оказалъ цѣнную услугу для разработки отечественной исторіи, издавъ весьма тщательно и вполнѣ научно открытые имъ и собранные документы, которые въ противномъ случаѣ вѣроятно-бы разсѣялись и исчезли для исторической науки, такъ какъ послѣ упраздненія самостоятельнаго греческаго магистрата въ Нѣжинѣ, отдѣльный архивъ его перестàлъ также существовать и, пока мы не знаемъ, гдѣ нашла пріютъ его цѣнная коллекція грамотъ, копіи которыхъ изданы г. Ѳедотовымъ Чеховскимъ.

В. А.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й. Сост. редакторъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.

Надо имѣть не просто любовь, но нѣкоторую даже страсть къ архивнымъ изысканіямъ и наукѣ исторической, чтобы вести столь мало привлекательный и матеріально неблагодарный, но весьма полезный для мѣстной исторіи трудъ, какой вотъ уже третій годъ неутомимо ведетъ редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій. Въ три года 7-мъ выпусковъ—трудъ для одного лица не маловажный, а если принять во вниманіе, что въ этихъ выпускахъ не цѣльныя дѣла, способныя увлечь богатствомъ своего содержанія, но обрывки дѣлъ, давно обреченныхъ на гніеніе и совершенное уничтоженіе, то цѣна труда г. Андріевскаго еще болѣе возвышается. Будущій историкъ Кіева и края въ изданіяхъ г. Андріевскаго найдетъ много, правда, мелкаго, раздробленнаго, но тѣмъ не менѣе весьма цѣннаго и пригоднаго для общихъ работъ матеріала.

Такимъ матеріаломъ не скуденъ и настоящій 7-й выпускъ. Передадимъ вкратцѣ его содержаніе.

Всѣ свѣдѣнія его относятся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Два отрывка изъ дѣлъ о привилегіяхъ кіевскаго магистрата дополняютъ свѣдѣнія 3-го выпуска о борьбѣ, которую велъ магистратъ въ предшествовавшіе вѣка и въ это время за принадлежавшіе ему издавна пригороды Куреневку и Пріорку. При польскомъ владычествѣ земельныя угодья этихъ пригородовъ и смежнаго съ ними Оболонья захватывали латинскіе бискупы и ксендзы, армяне и жиды, теперь-же магистрату приходилось отстаивать ихъ отъ войсковой генеральной канцеляріи, которая притягивала жителей этихъ пригородовъ къ отбыванію общенародныхъ податей и повинностей. Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ грамотъ польскихъ королей, гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ магистрату удается отстоять свое давнее право на владѣніе всѣми землями названныхъ предмѣстій и полученіе доходовъ отъ тамошнихъ обывателей.

Тянувшееся 40 лѣтъ дѣло о вознагражденіи кіево-печерской лавры за взятыя отъ нея подъ крѣпость земли, какъ видно изъ помѣщенной здѣсь переписки, закончено въ 1744 г. пожалованіемъ лаврѣ во владѣніе въ лубенскомъ полку села Хоружевки съ слободками Гамалѣевкою и Антоновкою, принадлежавшими нѣкогда канцлеру Головкину. Отъ лавры, какъ оказывается по выведеннымъ теперь справкамъ, взято подъ крѣпость 70 десятинъ земли, но какой земли? На ней находились лаврскіе сады, виноградники и огороды, помѣщалось чиншевыхъ мѣ-

щанъ 500 дворовъ, крестьянъ черной работы 390 и монастырскихъ слугъ 65, всего 955 дворовъ, торговыхъ лавокъ 121, склады для товаровъ, базарная и ярмарочная площадь и наконецъ такъ называемая Неводницкая пристань съ перевозомъ чрезъ Днѣпръ. Словомъ: тутъ было обширное, многолюдное помѣстье, тянувшее къ лаврѣ и платившее ей богатую дань деньгами и натурою, простиравшуюся и по тогдашнему счету до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Тщетно добивалась лавра при Петрѣ и его пріемникахъ какого либо вознагражденія за отобранную у нея недвижимость и поступавшіе отъ нея доходы, а когда наконецъ явилась надежда на это вознагражденіе, сама добровольно отказалась отъ возмещенія ея убытковъ за всѣ 40 лѣтъ, что составило-бы громадную по тому времени сумму.

Дѣло о перенесеніи печерскаго рынка съ одной стороны лавры на другую представляетъ образчикъ давняго хозяйничанья инженеровъ и артиллеристовъ въ печерской части Кіева, носившей тогда названіе Печерской слободы. Послѣ сорока лѣтъ отъ заложенія крѣпости инженеры открыли, что печерскій рынокъ находится не въ узаконенномъ разстояніи отъ гласиса оной, и потребовали сломки всѣхъ торговыхъ и жилыхъ помѣщеній и перенесенія ихъ на такое мѣсто, съ котораго рынокъ не закрывалъ-бы вида на крѣпость. Захваченные въ расплохъ торговцы и прочіе поселенцы очутились въ большемъ затрудненіи, такъ какъ, кромѣ расходовъ по переноскѣ домовъ и лавокъ, за новыя избранныя ими на лаврской землѣ мѣста, кіево-печерская лавра потребовала непомѣрно высокую арендную плату. Инженеры напирали, лавра не уступала. Выручилъ изъ бѣды архимандритъ сосѣдняго пустынно-николаевскаго монастыря Назарій Солонина, предложившій на болѣе льготныхъ условіяхъ свободныя мѣста, принадлежавшія его монастырю на главной проѣзжей отъ него улицѣ въ крѣпость и лавру. Перенесеніе рынка состоялось, дома, лавки и лари устроены на новомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Вдругъ артиллерійскому генералу Беренсу пришла мысль на этой самой землѣ строить цейхгаузъ и онъ потребовалъ сломки только что возведенныхъ строеній и перенесенія рынка на другое отдаленное мѣсто. Возникла жаркая переписка. Генералъ-губернаторъ не желалъ допускать «толь народнаго отягощенія», Беренсъ признавалъ указанное ему новое для цейхгауза мѣсто «за весьма не способное» и грозилъ представить по своей командѣ. Подобная же съ пререканіями переписка загорѣлась и изъ-за лавокъ построенныхъ на лаврской землѣ: съ разрѣшенія генералъ-губернатора онѣ отнесены были на 114 саженъ отъ гласиса, инженеры-жъ добивались отнести на 130 саженъ, «по силѣ указу». Чѣмъ кончилась та и другая, за неполностью дѣлъ осталось неизвѣстнымъ.

Пререканія властей и безплодность переписки выступаютъ въ дѣлахъ слѣдующаго 1745 г. о постройкѣ лавокъ въ старокіевской крѣпости и починкѣ моста на Днѣпрѣ на средства кіевскаго полка, самыя же дѣла даютъ нѣкоторыя данныя для топографіи Кіева

Значительный интересъ для бытовой исторіи Кіева и края даетъ рядъ дѣлъ о пожарахъ въ Кіевѣ 1769—1774 г. и мѣрахъ противъ нихъ предпринимавшихся. Тогдашній Кіевъ представляетъ собою массу деревянныхъ лачугъ, скученныхъ въ особенности на Подолѣ, а среди нихъ во множествѣ разбросаны кузницы и винокурни. Не мудрено, что при тогдашнемъ безшабашномъ пьянствѣ и небрежномъ обращеніи съ огнемъ пожары то и дѣло возникали. Но искали поджигателей, устраивали караулы, ловили подозрительныхъ людей... Являлись подметныя письма; атаманъ заграничнаго с. Василевщины Кислицкій письменно извѣщалъ вахмистра въ м. Обуховѣ Сороколѣтова, что «изъ Бѣлой Церкви ляхи подослали 20 палѣевъ, чтобы весь Кіевъ спалить, и просилъ о томъ донести кіево-губернской канцеляріи, чтобы не запропастить Кіева». Охранили отъ пожаровъ перестройка кузницъ по новому способу, установка лѣстницъ и бочекъ съ водою на домахъ, а главное—большая осторожность въ обращеніи съ огнемъ, вызванная частыми пожарами. Единственное цѣнное въ этихъ дѣлахъ историческое извѣстіе, это то, что на Печерскѣ сгорѣла *древняя* церковь во имя св. Владиміра, которую, «пріемля во уваженіе древность ея», тогда-же велѣно было сенатскимъ указомъ возобновить.

Изъ дѣла 1754 г. о починкѣ Крещатицкаго взвоза случайно узнаемъ, что, кромѣ монастырскихъ и частныхъ виноградниковъ, на михайловской горѣ существовалъ виноградникъ, принадлежавшій казнѣ. Дѣла о продажѣ кіевскимъ грекомъ Кармалѣемъ въ Вроцлавлѣ ревеня, а также о покупкѣ запорожцемъ Чубомъ у кіевскаго мѣщанина Копубы пороху, показываютъ, какой страхъ и ужасъ производили иногда мелочные случаи нарушенія казенныхъ монополій. Послѣднее дѣло возникло по жалобѣ магистрата на запорожца Мамая, который «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» въ своей квартирѣ.

Но самый большій бытовой интересъ даютъ помѣщенныя въ концѣ «Выпуска» дѣла о корчемствѣ 1737—1763 г. Въ вопросѣ о куреніи и продажѣ водки заключался едва-ли не самый главный жизненный нервъ тогдашняго Кіева. Прежде всего тутъ царилъ царевъ кабакъ и дѣйствовалъ великороссійскій откупъ; но рядомъ съ нимъ дѣйствовали вольныя винокурни и шинки, закрѣпленные привилегіями польскихъ королей и гетманскими универсалами. Если кабакъ мирно конкуррировалъ съ шинкомъ, то владѣтели шинковъ вели жесточайшую борьбу между собою и съ лицами, не имѣющими права шинковать. Главнымъ монополистомъ по части раздробительной продажи питей былъ кіевскій магистратъ; но ему сильный подрывъ дѣлали кіевскіе монастыри, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку шинковъ, а у лавры между многими была знаменитая Самара. Магистратъ издавна оспаривалъ права монастырей и не рѣдко происходили настоящія битвы между его и монастырскими агентами и служителями. Правомъ куренія для оптовой продажи и домашней потребы пользовались козаки кіевскаго полка, а за

чертою Подола жители с. Плоскаго, поселившіеся на земляхъ Кирилловскаго монастыря. Далѣе за Днѣпромъ, въ гетманщинѣ, всюду вольное куреніе и вольная продажа. Вольное-же куреніе и вольная продажа существовали и въ пограничныхъ польскихъ владѣніяхъ. Дешевую водку проносили и провозили въ Кіевъ отовсюду; въ самомъ Кіевѣ она получалась тайкомъ изъ винокурень и складовъ козачихъ. Шинкованье, какъ и выкурка водки, при тогдашнемъ неимовѣрномъ ея потребленіи, составляло статью дохода въ хозяйствѣ каждаго обывателя. Но всякая частная продажа водки и подвозъ оной со стороны шли въ подрывъ доходовъ города. Магистратъ изыскивалъ всѣ возможныя средства къ пресѣченію корчемства: слѣдилъ за провозомъ и проносомъ, производилъ обыски въ частныхъ домахъ, испрашивалъ разрѣшеніе на осмотръ домовъ и складовъ казачей старшины, ставилъ караулы изъ собственной стражи, подкрѣплялъ ихъ солдатами изъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, писалъ жалобы, велъ процессы съ нарушителями его монополіи,—ничто не помогало. Каждый шагъ его въ этомъ направленіи вызывалъ отчаянное сопротивленіе со стороны преслѣдуемыхъ, каждая попытка накрыть корчемниковъ, заарестовать провозимое, проносимое или хранимое вино сопровождались отчаянными схватками съ обѣихъ сторонъ и оканчивалась жестокими побоями, ранами, увѣчьями, не рѣдко смертоубійствомъ. Тутъ боролись главнымъ образомъ двѣ силы: съ одной стороны магистратъ, опиравшійся на свои древнія привилегіи и располагавшій для подкрѣпленія своихъ правъ множествомъ урядниковъ и городовою стражею, съ другой козаки кіевскаго полка, разсуждавшіе, что «безъ содержанія горѣлки въ домахъ ихъ обойтиться за совѣсть противно». Соблазняясь привилегіею козаковъ имѣть въ домахъ своихъ горѣлку хотябы «барилами и куфами», только-бы не продавать вѣдерками и квартами, многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ записывались въ козаки и являлись тогда жесточайшими врагами магистрата и его слугъ. Въ настоящее время трудно даже представить себѣ господствовавшую тогда дикость нравовъ и тѣ ужасы и свирѣпства, какими сопровождались взаимныя столкновенія урядниковъ и слугъ магистратскихъ съ козаками. Помѣщенные г. Андріевскимъ въ его теперешнемъ выпускѣ отрывки дѣлъ этого рода рисуютъ намъ, иногда въ мельчайшихъ чертахъ, будничную жизнь Кіево-Подола и полны сценъ то раздирающаго душу трагизма, то высокаго, не поддѣльнаго комизма. Отсылая любопытныхъ читателей къ самой книгѣ, закончимъ обзоръ оной указаніемъ на заключающіяся въ процессѣ кіевскаго магистрата по питейному вопросу съ Кіево-Кирилловскимъ монастыремъ историческія нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ этого послѣдняго, привилегіяхъ, которыми онъ пользовался, и основаніи его «благовѣрною княгинею, Маріею, внукою св. равноапостольнаго князя Владиміра, дочерью Казиміра, короля польскаго, супругою благовѣрнаго князя кіевскаго Всеволода». **К. Цыбульскій.**

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ СЛѢДОВАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

Извѣстный въ свое время нашъ писатель, котораго имя мы сейчасъ назвали, отличался, какъ гласитъ свѣжее о немъ преданіе, большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ. Въ этомъ помогали ему, конечно, глубокое знаніе народной жизни, тонкій психическій анализъ и мягкая завлекательная рѣчь, которую мы наблюдаемъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ не былъ слѣдователемъ по профессіи, но къ его таланту обращались въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Вотъ два такихъ случая, разсказанные намъ близкимъ къ покойному Алексѣю Петровичу лицемъ и, такъ сказать, съ его словъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ посѣтивъ Кіевъ въ 1839 г., ѣхалъ однажды въ открытомъ экипажѣ по житомирскому тракту. Осматривая прилегавшую къ тракту мѣстность, государь обратилъ вниманіе на человѣка, лежавшаго у одной хаты, стоявшей особнякомъ, недалеко отъ с. Борщаговки, завернувшагося съ головой въ свитку.

— «Что это, пьяный?» спросилъ государь.—«Пойдите, посмотрите!» обратился онъ къ свитѣ, приказавъ кучеру остановиться.

Нѣсколько человѣкъ изъ свиты подошли къ лежавшему и, приподнявъ свитку, къ ужасу своему увидѣли предъ собой трупъ старика-крестьянина съ пробитой тупымъ орудіемъ головой.

Государь видимо былъ взволнованъ такой находкой и, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, произнесъ: «чтобы мнѣ было открыто это преступленіе. Назначить особаго слѣдователя и докладывать мнѣ о ходѣ слѣдствія».

Посыпались одно за другимъ предписанія полиціи принять немедленно мѣры къ поимкѣ преступниковъ. Исправникъ, становые обнаружили необычайную энергію, но всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему. Прошелъ значительный промежутокъ времени, а слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, и всѣ думали, что преступники не будутъ найдены.

Въ это время при Бибиковѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій Алексѣй Петровичъ Стороженко. Бибиковъ зналъ его слѣдовательскія способности и приказалъ ему спеціально заняться разслѣдованіемъ этого загадочнаго преступленія.

Алексѣй Петровичъ отправился въ Борщаговку, навелъ справки о личности убитаго и узналъ слѣдующее: убитый старикъ-крестьянинъ жилъ въ той самой хатѣ, около которой лежалъ его трупъ во время проѣзда государя. Онъ былъ вдовъ, дѣти поумирали, осталась одна внучка, дѣвочка лѣтъ десяти, которая и жила при немъ. Старикъ былъ трезваго поведенія, занимался успѣшно хозяйствомъ, такъ что скопилъ нѣсколько денегъ, которыя и хранилъ въ «скрынѣ» подъ холстомъ и разной одёжой.

Изъ разсказа оставшейся въ живыхъ внучки была выяснена обстановка преступленія.

Когда дѣдъ съ внукой, «повечерявши» нѣсколько позже обыкновеннаго, погасили «свитло» и собрались ложиться спать, кто-то постучался въ окно и громко крикнулъ: «одчинить! та швидче». Пока старикъ слѣзъ съ печи, стукъ повторился и стучавшій выразилъ свое нетерпѣніе словами: «чи довго мени тутъ стояти?» Старикъ опросилъ стучавшаго: кто тамъ, чого тоби треба?—«Свій; дуже треба; одчинить мерщій!»—былъ отвѣтъ съ-на-двору. Старикъ прошелъ въ сѣни, дѣвочка закуталась въ рядно и со страхомъ прислушивалась. Стукнула задвижка, дверь рыпнула, затѣмъ раздался какой-то неопредѣленный шумъ... хрипѣніе и что-то тяжело рухнуло на землю. Дѣвочка въ ужасѣ забилась въ уголокъ и не шелохнется. Изъ сѣней доносилось еще нѣсколько минутъ шуршанье, затѣмъ дверь въ хату отворилась и вошелъ какой-то чело-

вѣкъ, подошелъ къ «скрынѣ», одбилъ замокъ, выложилъ одёжу, холстъ, взялъ «гаманець» съ деньгами, положилъ въ карманъ и вышелъ. Дѣвочка въ оцѣпѣненіи просидѣла до утра и только за нѣсколько минутъ до проѣзда государя рѣшилась слѣзть съ печи, чтобы узнать, что случилось и куда дѣвался ея дѣдъ. Увидѣвши въ сѣняхъ лужу крови и лежавшій около хаты трупъ дѣда, она въ ужасѣ бросилась опрометью бѣжать къ селу.

Таковы были первыя добытыя Алексѣемъ Петровичемъ свѣдѣнія о подробностяхъ совершеннаго злодѣйства. Болѣе никто ничего не зналъ, не было ни какихъ слѣдовъ, куда скрылся преступникъ. Только нѣкоторые изъ крестьянъ высказывали подозрѣніе на солдатъ стоявшей въ с. Борщаговкѣ роты пѣхотнаго полка, основанное лишь на томъ, что нѣкоторые изъ солдатъ были замѣчены въ кражѣ сѣна, птицы и т. п.

Алексѣй Петровичъ, рѣшительно не зная, съ чего начать слѣдствіе, ухватился за слова крестьянъ, испросилъ у высшаго начальства разрѣшеніе на допросъ солдатъ и предъявивъ оное ротному командиру, добавилъ, что онъ желаетъ допросить всю роту до послѣдняго человѣка. Въ назначенный для этого день Алексѣй Петровичъ сѣлъ у дверей занимаемой имъ хаты такъ, чтобы самому находиться въ тѣни, а чтобы всякій подошедшій къ нему былъ хорошо освѣщенъ, и приказалъ солдатамъ подходить къ нему поодиночкѣ и смотрѣть ему прямо въ лицо. Алексѣй Петровичъ пристально сталъ смотрѣть на каждаго изъ проходившихъ мимо него солдатъ и ему показалось, что у шести изъ нихъ промелькнула въ глазахъ тѣнь безпокойства и что лица ихъ поблѣднѣли. Къ этимъ шести онъ приказалъ приставить караулъ, объявивъ, что вторично ихъ допроситъ.

На другой день вечеромъ, въ такую именно пору, въ какую совершено было преступленіе, Алексѣй Петровичъ велѣлъ дѣвочкѣ сѣсть въ тотъ самый уголокъ на печи, въ который она забилась въ фатальный вечеръ, самъ расположился въ хатѣ въ роли убитаго старика, арестованныхъ-же солдатъ велѣлъ по очередно подводить къ хатѣ, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ стучать въ окно и повторять своимъ обыкновеннымъ голосомъ слова, которыя по разсказу дѣвочки, произносилъ въ свое время неизвѣстный преступникъ. Солдаты подводимы были шесть разъ и всегда въ раз-

личномъ порядкѣ, но каждый разъ дѣвочка указывала на одинъ и тотъ-же знакомый голосъ. Этого было довольно для проницательнаго слѣдователя, и солдатъ, на голосъ котораго указывала дѣвочка, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу.

Алексѣй Петровичъ навелъ справки о поведеніи арестанта. Оказалось, что онъ былъ на замѣчаніи у начальства:—часто попадался въ кражахъ, пьянствовалъ, но въ тотъ вечеръ, въ который совершено преступленіе, находился подъ арестомъ за буйство въ пьяномъ видѣ и несвоевременную отлучку изъ казармы. Пойманная нить, казалось, оборвалась; но Алексѣй Петровичъ не смутился этимъ. Онъ спросилъ, кто были тогда часовыми; оказалось, что это были именно тѣ солдаты, которые теперь арестованы по подозрѣнію. Алексѣй Петровичъ потребовалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ такими словами: «вы знаете, какая кара грозитъ часовымъ, если они хотя на одну минуту отпустятъ арестанта. Если обнаружится, что вы виновны въ этомъ, вамъ не будетъ пощады. Сознайтесь лучше по чистой совѣсти, я обѣщаю ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о вашемъ помилованіи». Солдаты съ плачемъ упали къ ногамъ Алексѣя Петровича и повинились въ слѣдующемъ: было уже поздно, арестованный истрезвился и все молчалъ, потомъ вдругъ подошелъ къ нимъ и сталъ проситься: «пустите меня на минутку, я перемѣню сорочку, а то на мнѣ ужъ очень грязная». Долго они не соглашались, наконецъ уступили предъ его усиленными просьбами и, дѣйствительно, небольше какъ чрезъ полъ-часа, онъ вернулся обратно въ чистой сорочкѣ и снова погрузился въ молчаніе до самаго окончанія срока, на который былъ посаженъ подъ арестъ. Караульные также не отзывались къ нему и ничто въ немъ не обратило ихъ особеннаго вниманія.

Имѣя въ рукахъ такія явныя улики, Алексѣй Петровичъ приказалъ привести арестанта и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ: «знаю, ты убилъ старика, чтобы воспользоваться его деньгами. Сознавайся, можетъ быть, этимъ смягчишь грозящую тебѣ кару».

Арестантъ вздрогнулъ и тутъ-же повинился во всемъ.

II.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ новгородской губерніи владѣлъ нѣсколькими имѣніями извѣстный богачъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Онъ проживалъ большею частью въ Петербургѣ, но часто наѣзжалъ и въ свои деревни. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ бралъ постоянно казенные подряды, то ему нужно было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя суммы. Въ одномъ изъ его имѣній въ боровичскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ наидолѣе проживалъ, хранился большой, окованный желѣзомъ сундукъ, а въ немъ постоянно лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Зимою 1853 г., когда Мусинъ-Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, управляющій его главнаго имѣнія извѣщаетъ его, что, войдя по обыкновенію въ домъ, чтобы осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, онъ прошелъ и въ ту комнату, въ которой стоялъ сундукъ съ деньгами, и къ ужасу своему увидѣлъ, что сундукъ исчезъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что одно окно отворено и подъ окномъ истоптанъ снѣгъ, но слѣды ступней двухъ человѣкъ можно было различать дотолѣ, пока воры не вышли на дорогу. Управляющій далъ знать полиціи, немедленно наряжено было слѣдствіе и временное слѣдственное отдѣленіе пріѣхало уже въ имѣніе. Но графъ, получивъ извѣщеніе о покражѣ 250 т. и мало надѣясь на мѣстную полицію, поспѣшилъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову съ просьбой принять особыя мѣры къ отысканію преступника и похищенныхъ денегъ.

При Бибиковѣ и въ ту пору состоялъ Алексѣй Петровичъ, котораго дарованія онъ высоко цѣнилъ. Чтобы помочь графу въ случившейся бѣдѣ, Дмитрій Гавриловичъ по обстоятельствамъ дѣла не могъ найти болѣе подходящаго слѣдователя, какъ извѣстнаго ему давно Алексѣя Петровича. Онъ велѣлъ ему немедленно ѣхать въ боровичскій уѣздъ и энергично приняться за слѣдствіе.

Пріѣхавъ на мѣсто, Алексѣй Петровичъ прежде всего обстоятельно расспросилъ управляющаго о прежде бывшихъ у графа слугахъ и находившихся тогда на лицо. Оказалось, что недѣли за двѣ до совершенія преступленія былъ разсчитанъ за грубость вольнонаемный слуга Ѳедоръ Ивановъ, исполнявшій должность лакея, и что послѣ того, какъ онъ былъ разсчитанъ, никто не встрѣчалъ его болѣе въ тѣхъ мѣстахъ.

Получивъ это свѣдѣніе, Алексѣй Петровичъ какъ-бы вовсе забылъ о возложенномъ на него важномъ порученіи: равнодушно бродилъ по деревнѣ, толковалъ съ прохожими и проѣзжими, какова

земля, урожаи, чѣмъ люди занимаются и живутъ, какъ сколачиваютъ деньгу, куда ходятъ или ѣздятъ на заработки. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что земля плоха, урожаи скудные, что кормятся люди отъ рѣкъ, что по берегамъ ихъ много рабочаго люду—рыболововъ, бурлаковъ и пр., что въ сосѣднихъ уѣздахъ новгородской губерніи и другихъ, прилежащихъ къ ней, толкалась бездомовная голь изъ мѣстъ отдаленныхъ, большею частью «слѣпенькіе». Оріентировавшись этимъ путемъ въ мѣстности совершенно неизвѣстной, Алексѣй Петровичъ подобралъ десятка два мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ успѣлъ узнать, пригласилъ исправника, становыхъ и всѣ вмѣстѣ отправились въ с. Окуловку, очень населенное и въ особенности изобиловавшее всякаго рода подозрительнымъ людомъ.

Нагрянувъ нежданно сюда и подкативъ къ одному изъ кабаковъ, гдѣ наиболѣе толпилось всякаго зброду, Алексѣй Петровичъ велѣлъ быстро окружить галдѣвшую толпу и войдя въ ея средину, повелъ къ незнакомцамъ такую рѣчь:

— Ну, ребята! вынимай паспорты.

— Какіе паспорты! Гдѣ намъ ихъ взять? смущенно загудѣла толпа, видя предъ собой начальство, а вокругъ десятскихъ, понятыхъ.

— Знаю, знаю, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, всѣ вы безъ паспортовъ, съ вами расправа скорая, какъ съ бродягами; но скажите мнѣ, милые люди, не былъ-ли тутъ недавно одинъ человѣкъ, Өедоръ Ивановъ, служившій у гр. Мусина-Пушкина, и если былъ, то куда пошелъ? Говорите правду, а то я васъ всѣхъ прикажу перепороть и запроторю въ Сибирь.

Нѣсколько человѣкъ выступили изъ толпы и объявили, что видѣли этого человѣка, что онъ былъ въ Окуловкѣ недѣли три тому назадъ и хотѣлъ итти въ Вышній Волочокъ, гдѣ у него есть любовница, крестьянка Анна Петрова, живущая за городомъ у лѣса.

Три недѣли прошло и со времени совершенія кражи. Очевидно, что Өедоръ, обдѣлавши успѣшно свое дѣло, поспѣшилъ уйти куда нибудь подальше, чтобы невольно не выдать себя. Сообразивши все это, Алексѣй Петровичъ распустилъ задержанныхъ бродягъ, послалъ нѣсколькихъ вѣрныхъ людей по дорогамъ къ Вышнему Волочку и телеграфировалъ тверскому губернатору, чтобы немедленно по полученіи его телеграммы были посланы въ Вышній Волочокъ

опытные жандармы—схватить находящагося у крестьянки Анны Петровой преступника.

Люди, посланные Алексѣемъ Петровичемъ, скоро напали на слѣды вора: трактирщики проговорились, что недѣли три тому назадъ шелъ по направленію къ Вышнему Волочку какой-то человѣкъ, который за все, что ни спрашивалъ у нихъ, расплачивался серіями и, когда они выражали по этому поводу свое удивленіе, хвастался, что у него денегъ куры не клюютъ. Очевидно, это былъ Өедоръ Ивановъ.

Жандармы, прибывши въ Вышній Волочокъ, разыскали избу Петровой и въ первый-же вечеръ окружили ее. Подойдя къ избѣ, они увидѣли слѣдующую картину: у стола на лавѣ сидѣли молодые мужчина и женщина, на столѣ была разостлана поддевка, съ отпоротой подкладкой, мужчина бралъ съ лавы кипы депозитокъ и серій, женщина раскладывала ихъ подъ подкладку и постепенно зашивала. Двери были тотчасъ-же, конечно, выломаны, обое немедленно арестованы и отправлены подъ стражей въ Окуловку.

Өедоръ сознался въ совершеніи кражи, но этого было мало: при немъ денегъ найдено было всего пять тысячъ, нужно было допытаться, гдѣ спрятаны остальныя. Арестантъ упорно молчалъ, Алексѣй Петровичъ придумалъ способъ развязать ему языкъ. Онъ велѣлъ вечеромъ привести его къ себѣ и повелъ съ нимъ длинную задушевную рѣчь: съ участіемъ распрашивалъ о прежней жизни преступника, его семьи и родныхъ, разсказывалъ самъ разные подходящіе къ разговору случаи изъ жизни бѣднаго люда, толковалъ о томъ, какъ трудно пробиться въ жизни бѣдному человѣку и какъ нерѣдко попадаетъ онъ въ бѣду, въ искушеніе, самъ того не желая и не соображая. Свѣдѣній такого рода у Алексѣя Петровича былъ огромный запасъ, говорилъ онъ живо, увлекательно, сердечно. Слѣдователь въ его лицѣ на эту пору совсѣмъ закрылся, предъ Өедоромъ Ивановымъ сидѣлъ умный, рѣчистый, бывалый, душевный человѣкъ. Между тѣмъ подали самоваръ. Алексѣй Петровичъ налилъ арестанту чаю, а скоро прибавилъ ему и себѣ рому. Өедоръ заслушался, Алексѣй Петровичъ продолжалъ говорить и все больше и больше подливалъ въ стаканъ своего собесѣдника рому. Тотъ разогрѣлся, оживился и самъ заговорилъ. Видя, что онъ разблажился и готовъ идти на откровенность, Алексѣй Петровичъ вос-

воспользовался удобнымъ моментомъ и сказалъ ему прямо въ упоръ: «знаешь что, братъ, все равно ужъ попался—наказаніе будетъ одинаковое, что за кражу пяти тысячъ, что за кражу двухсотъ пятидесяти тысячъ—скажи-ка, гдѣ ты спряталъ сундукъ съ деньгами?» — «Эхъ, баринъ, баринъ, никому не сказалъ-бы, отвѣчалъ подпившій Ѳедоръ, но ужъ вы мнѣ больно по сердцу пришлись. Вотъ вамъ—подъ Окуловкой есть лѣсъ, на опушкѣ стоятъ три старыя ели, между ними закопанъ сундукъ, сверху, чтобы не было замѣтно свѣжей земли, прикрыто мхомъ. Тамъ всѣ деньги, кромѣ семи тысячъ, изъ которыхъ пять здѣсь на лицо, а двѣ протратилъ».

Дѣйствительно, все было такъ, какъ говорилъ арестантъ; деньги были найдены и доставлены Мусину-Пушкину. Анна Петрова оказалась соучастницей въ преступленіи.

Мусинъ-Пушкинъ не зналъ, какъ благодарить Алексѣя Петровича, и предложилъ ему въ вознагражденіе за понесенные труды десять тысячъ; но Алексѣй Петровичъ отказался отъ такого крупнаго гонорара, возвративъ себѣ только расходы по слѣдствію. «Раскрыть преступленіе, говорилъ онъ, доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе; этимъ я и бываю вполнѣ вознагражденъ за свои труды».

Н. Стороженко.

ИЗЪ ДѢЛЪ ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ГЕТМАНСКОЙ ЧЕСТИ.

Въ рукахъ моихъ находятся три дѣла, относящіяся къ последнимъ годамъ гетманщины, объ оскорбленіи гетманской чести «дерзновенными словами»[1]). Дѣла эти, несомнѣнно, являются характерными для своего времени. Надо думать, что эти случайно попавшіяся мнѣ три дѣла—лишь капля въ морѣ того кляузничества, которымъ отличалось новонародившееся «благородное мало-

---

[1]) 1754 г. Дѣло генеральной войсковой канцеляріи по доносу асаула полкового переяславскаго Пилипенка на асаула того полку Лукашевича о сказываніи имъ дерзновенныхъ словъ.

1757 г. Дѣло полковой кіевской канцеляріи по письму войсковаго товарища и управителя дому Адамовскаго Семена Пустоты о произнесенныхъ с. Козари жи-

россійское шляхетство». Быть можетъ и описаніе этой капли пригодится для картины нашей старины.

Въ 1754 году въ ПереяславѢ судились «за грунта» два полковые асаула: Михаилъ Лукашевичъ и Яковъ Пилипенко. Въ присутствіи полковой канцеляріи первый изъ нихъ «дерзновеннымъ словомъ» задѢлъ честь гетмана, о чемъ второй не замедлилъ донести сначала полковнику, а затѢмъ и въ войсковую генеральную канцелярію. «Дерзновеніе» состояло въ указаніи, сдѢланномъ, собственно говоря, весьма кстати, на происхожденіе гетмана изъ простыхъ и бѢдныхъ козаковъ. Когда Пилипенко, указывая на незнатность происхожденія и бѢдность Лукашевича, сказалъ, что «онъ Пилипенко вѢдалъ отца Лукашевичевого еще въ одѢяніи копверистомъ», то Лукашевичъ отвѢчалъ на это: *«спитай ясневельможного, чи давно, якъ ходилъ»*... Вотъ это и были «дерзновенныя слова». Два свидѢтеля передали эти слова Лукашевича въ такой редакціи: «не диковинка де то, что изъ убогихъ людей выслужилъ себѢ шляхетство: пойди де, спросись его ясневельможности». Самъ-же Лукашевичъ, когда подвергнутъ былъ формальному допросу, показалъ, что когда Пилипенко укорилъ его, будто онъ «получилъ чинъ асаульства полковаго «валентировавши», то онъ на это «выговорилъ сіи слова: пойди, спитай ясневельможного; и тое сказалъ не въ иномъ какомъ разумѢ, но токмо къ сему, что де пожалованъ онъ не зъ валентировъ, но за службы и по достоинству къ тому чину; сего жъ въ тѢ пори не успѢлъ объяснить за тѢмъ, что вскорѢ Пилипенко учалъ протестовать о своемъ доносѢ».

Войсковая генеральная канцелярія, «не могучи по тому дѢлу учинить рѢшенія», представила оное на усмотрѢніе самаго графа Разумовскаго: «ежели не соизволено будетъ назначить оному Лушевичу присяги, что точно въ томъ, а не въ другомъ разумѢ онъ говорилъ выше выраженныя рѢчи, то какъ инако по сему дѢлу поступить». Очевидно, генеральная канцелярія не видѢла въ сви-

телемъ Ст. Домонтовичемъ высокой ихъ высоко графскихъ сіятельствъ господъ Разумовскихъ чести рѢчахъ вредителнихъ.

1764 г. ДѢло войсковой генеральной канцеляріи по рапорту полковой кіевской канцеляріи о наказаніи носовскаго козака Буцона за продерзостніи слова противъ умершей графини Н. Д. Разумовской.

дѣтельскихъ показаніяхъ рѣшительнаго обвиненія Лукашевича; гетманъ-же эти показанія считалъ достаточными и, запретивъ давать Лукашевичу присягу, предложилъ генеральной канцеляріи «учинить окончаніе дѣла по указамъ и правамъ и представить съ мнѣніемъ, чему виновный за то подлежать долженъ».

Неизвѣстно, по какимъ «указамъ и правамъ», но генеральная канцелярія рѣшила дѣло такъ: «асаула полкового переяславского Лукашевича за произнесенные дерзновенные слова, толь еще паче, что въ судебномъ мѣстѣ, гдѣ дѣла его императорского величества отправляются, въ произнесеніи як. хъ онъ чрезъ свидѣтельство трехъ персонъ обличился, *лишить чина и чести вовся и особливо денежно оштрафовать, взыскавъ съ него сто фунтовъ чистого золота*».

Между тѣмъ Лукашевичъ, уже шестой мѣсяцъ содержавшійся подъ арестомъ въ Глуховѣ, подалъ графу Разумовскому слезное прошеніе, въ которомъ просилъ освободить его по крайней мѣрѣ «ради нынѣшняго высочайшаго торжества рожденія его императорского высочества великаго князя Павла Петровича».

Графъ Разумовскій на докладѣ войсковой генеральной канцеляріи положилъ такую резолюцію: «хотя оный Лукашевичъ за его продерзость къ наказанію и штрафу присуждается достойно, однако мы склонность больше къ отпущенію вины надлежимъ въ погрѣшность и въ повиновеніе приходящимъ имѣя, нежели ко оштрафованію, а притомъ находясь въ разсужденіи, что оный Лукашевичъ держится уже нѣсколько времени подъ карауломъ, наипаче-же, что отъ ноября 1-го дня, въ который въ Глуховѣ при молебственномъ пѣніи публикованъ экземпляръ высочайшаго именного его императорского величества указа о благополучномъ разрѣшеніи ея императорского высочества отъ именного бремени, поднесъ тамо въ Глуховѣ на имя наше прошеніе о прощеніи той его винности, ту его винность и положенный на него штрафъ оставляемъ и предлагаемъ генеральной войсковой канцеляріи оного Лукашевича, освободя изъ-подъ караулу, отпустить въ полкъ и въ домъ его, внушивъ какъ ему, *такъ и асаулу Пилипенку* впредь воздерживаться отъ непристойныхъ словъ, въ чемъ обоихъ обовязать подписками».

Въ 1757 году служившій на мельницѣ графа Разумовскаго «мѣрочникомъ» Максимъ Белмасъ, поссорившись съ односельча-

нпномъ своимъ козакомъ Домонтовичемъ, обвинилъ его въ оскорленіи чести «ихъ высокографскихъ сіятельствъ», о чемъ и подалъ доносъ «приказчику дому ея сіятельства г-жи Разумовской» графу Бѣлопольскому. Въ доносѣ этомъ Белмасъ писалъ, что когда онъ, на вопросъ Домонтовича, назвалъ себя графскимъ мѣрочникомъ, то «онъ Домонтовичъ безъ всякихъ прекословій началъ говорить при людяхъ, тамо будучихъ, тое, что были де господа Везбахъ и фелтмаршалъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сихъ поберетъ Разумовскихъ; въ то время заспорилъ я нижайшій за ихъ сіятельскую честь, сталъ говорить: брани и бій мене, а господской чести такими непотребными речами не понось».

«Управитель дому» Разумовскихъ, войсковой товарищъ Семенъ Пустота, когда представленъ былъ ему этотъ доносъ, собственною своею властію произвелъ слѣдствіе, самъ записалъ показанія свидѣтелей и отправилъ все это къ полковнику кіевскому Дарагану, прося его «поступить съ нимъ лгателемъ въ силѣ указовъ, дабы мнѣ и протчимъ за то подъ отвѣтомъ не быть».

Показанія записаны были въ одной и той-же формѣ: показалъ де такой-то «подъ совѣстію, что Домонтовичъ честь графскую ругалъ и къ черту посылалъ, въ томъ саморучно написалъ святый крестъ». Кресты, дѣйствительно, стоятъ подъ всѣми четырьмя показаніями.

Но полковая старшина не удовлетворилась такимъ «партикулярнымъ» слѣдствіемъ и произвела новое, къ которому доставленъ былъ въ полковую канцелярію обвиняемый Домонтовичъ, давно уже содержайшійся подъ карауломъ. Изъ даннаго имъ здѣсь показанія оказывалось, что ругалъ онъ не графа, а самого Белмаса, который взималъ съ козарскихъ жителей лишніе поборы за помолъ: «ты тотъ мѣрочникъ, говорилъ онъ Белмасу, что отъ всякого четверика берешь по копійки денегъ трикалю, кромѣ надлежащаго въ млинъ ковша; прежде сего тамошними козарскими мелницями владѣли господа Вейзбахъ и Минихъ, которіе нынѣ досталися во владѣніе его сіятельству; были и тогда мѣрочники такіи, какъ и ты, кои обижали, да побралъ ихъ дѣдко, то и тебе озметъ».

Не смотря на заявленный Домонтовичемъ отводъ свидѣтелей, выставленныхъ Белмасомъ, они были приведены къ присягѣ и три человѣка согласно показали, что во время ссоры Домонтовича съ

Белмасомъ, когда они «разными словами бранились за взимаемій онимъ Белмасомъ тринкалъ отъ мѣрочки по копѣйки», то Домонтовичъ дѣйствительно сказалъ такъ: «были Вейзбахъ и Минихъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сѣмъ достанется, поздоровъ Боже моего Евфима, г. полковника кіевского»... Полковая канцелярія порѣшила, «какъ самого его Домонтовича подъ карауломъ, такъ и произведенное объ немъ все подлинное дѣло подъ високое разсмотрѣніе отправить примо въ Глуховъ къ его ясновелможности високоповелителному г. гетману».

Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, какой результатъ имѣло это «разсмотрѣніе»; но надо думать, что Домонтовичъ не избѣгъ наказанія.

Весьма чувствительному наказанію подвергся напр. въ 1764 году козакъ Буцолъ за такое-же оскорбленіе чести «покойной матушки» гетмана.

Приказчикъ м. Носовки, маетности графини Разумовской, войсковой товарищъ Самойловскій донесъ сотенному правленію, что козакъ Буцолъ, когда отбирали отъ него, по рѣшенію коммисіи, грунтъ во владѣніе Разумовской, «бранилъ ея сіятельство матерно, говоря: нехай де свои забирають и отдають коморы, а не его Буцола». Это было въ 1760 году, но такъ какъ въ сотенномъ правленіи производилось «судное вожденіе съ крайнимъ медленіемъ», то дѣло это рѣшено было только въ концѣ 1763 года, благодаря присланнымъ изъ полковой канцеляріи особымъ слѣдователямъ. Приходилось въ этомъ дѣлѣ положиться лишь на присягу самого Буцола, но онъ на то время не явился, изъ чего, заключили слѣдователи, ясно доказывается, что Буцолъ, чувствуя свою винность, той присяги выконать не похотѣлъ». Войсковая генеральная канцелярія, получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ въ генварѣ 1764 г., предписала «въ страхъ другимъ учинить наказаніе безпоблажно», каковое «публичное и безпоблажное наказаніе» и было исполнено въ полковой кіевской канцеляріи, куда для присутствія при наказаніи приглашался и войтъ м. Носовки и приказчикъ Самойловскій.

Старшина малороссійская, подобнымъ образомъ оберегавшая честь гетмана отъ «дерзновенныхъ словъ», весьма строго относилась и къ словамъ противъ «пановъ» урядниковъ. Такъ имѣющійся у меня отрывокъ дѣла переяславской полковой канцеляріи

1751 года представляетъ любопытное обвиненіе одной козачки, которая, сопротивляясь исполненію указа полковой канцеляріи, присуждавшаго отобрать отъ нея винокурню, «съ сокирою» въ рукахъ стояла на дверяхъ и кричала, что «то брехня, а не указъ, *чортъ его далъ, а не паны*, и она того указу не слушаетъ, а атаманъ ежели наатамановался, то иновъ-бы въ тую вынокурню умазанныхъ тамо казановъ выкидать, ибо она хотя сама душею поляжетъ, а казановъ своихъ съ той спорной винокурни выбросать не допуститъ».

Полковникъ Сулима, предписавши содержать означенную козачку подъ карауломъ, счелъ нужнымъ донести о «непотребныхъ рѣчахъ ея» въ военную генеральную канцелярію, откуда и получилась было такая резолюція: «ежели подлинно отъ оной Стеценковой непристойніе рѣчи говорены, то оную въ страхъ другимъ наказать плетьми». Но *подлинно-ли* говорила она такія именно слова, за которыя собственно и преслѣдовалась, слѣдствіе убѣдить не могло и козачка была отпущена на «добрые поруки»; но чѣмъ дѣло кончилось и миновали-ли ее плети—неизвѣстно.

Ал. Андр.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ ВЪ ГАДЯЧѢ.

Кому неизвѣстно, что письменные памятники нашей исторіи, наполнявшіе когда-то цѣлые архивы и пригодившіеся-бы теперь для уясненія того или иного вопроса прошлой жизни, въ громадномъ числѣ давно уже исчезли, или продолжаютъ быстро исчезать, благодаря невѣжеству однихъ, равнодушію другихъ. Подобная судьба постигаетъ и частные, фамильные архивы и развѣ случайнымъ образомъ гдѣ либо въ захолустной глуши уцѣлѣла одна-другая связка старыхъ документовъ, или какой нибудь старинный сборникъ.

Въ одномъ изъ нашихъ захолустій, именно въ Гадячѣ (полтавской губерніи), пришлось мнѣ случайно найти любопытный старинный сборникъ, съ которымъ хочу познакомить читателей «Кіевской Старины». Но прежде нѣсколько словъ о прошломъ Гадяча и судьбѣ его архивныхъ памятниковъ.

Въ гетманство Богдана Хмельницкаго, гадячскій повѣтъ былъ причисленъ къ полтавскому полку, и составлялъ собою староство (волость), находившееся при гетманской булавѣ.

Но уже съ 1661 года, въ гетманство Юрія Хмельницкаго, гадячская волость дѣлается особымъ полкомъ, отдѣльнымъ отъ полтавскаго [1]). Въ теченіи всего гетманскаго періода (1648—1764 г.). Гадячъ выступаетъ то пунктомъ частыхъ военныхъ столкновеній, то пунктомъ знаменитаго федеративнаго договора Выговскаго съ Польшей, то мѣстопребываніемъ того или иного гетмана.

Былъ въ Гадячѣ и полковой архивъ, хранившійся, по уничтоженіи полка, при городской ратушѣ. О количествѣ находившихся въ немъ дѣлъ можно судить по тому, что когда въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ратуша переходила на новую квартиру, то для перевозки ея архива, какъ передавала мнѣ бывшая владѣлица новаго помѣщенія ратуши, потребовалось до 15-ти воловыхъ подводъ. Перевезенный тогда архивъ былъ помѣщенъ подъ крышами амбаровъ. Отсюда-то и началось таскание разныхъ документовъ: таскали ихъ въ лавки для завертки товаровъ, таскали на растопку печей, таскали къ переплетчикамъ. Мнѣ пришлось видѣть въ мѣстной библіотекѣ переплетъ, сдѣланный несомнѣнно изъ документовъ полковаго архива, заключавшихъ въ себѣ, насколько можно было разобрать, цифры отпускаемыхъ полковой канцеляріей въ сотни разныхъ прикасовъ: муки, крупы, пороху и пр.

Такъ и исчезъ безслѣдно огромный гадячскій полковой архивъ.

Побывавъ въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, я нашелъ здѣсь сборникъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка [2]). Сборникъ переплетенъ въ кожаный переплетъ, сильно впрочемъ попорченный. Въ началѣ сборника находится

---

[1]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 728.

[2]) Этотъ сборникъ перенесенъ въ мѣстный соборъ, по всей вѣроятности, изъ бывшей въ Гадячѣ Богоявленской церкви, выстроенной гетманомъ Брюховецкимъ и послужившей послѣ мѣстомъ для его погребенія (Соловьевъ, т. 12, стр. 36). По крайней мѣрѣ, при томъ-же соборѣ имѣется образъ Матери Божіей, колоколъ и другія вещи, перенесенныя изъ Богоявленской церкви. Сохранилось мѣстное преданіе, что, при вскрытіи могилы Брюховецкаго, для перевозки останковъ его въ м. Лютеньку, самый гробъ былъ найденъ висящимъ на толстыхъ же-

опись документовъ, первые два листа которой уничтожены. Всѣхъ документовъ около 400. Нѣкоторые изъ нихъ попорчены (проѣдены), а другіе и совсѣмъ вырваны; такихъ впрочемъ очень не много. Древнѣйшіе по времени документы относятся къ 1708 и 1709. Документы эти слѣдующіе:

1) Указы высокомонаршіе о измѣнѣ Мазепы, съ королемъ шведскимъ согласившагося.

2) Продолженіе журнала, бывшаго подъ Переволочною отъ князя Меншикова: о взятію въ полонъ шведского войска со всѣми ихъ припасами военными.

3) О измѣннику Мазенѣ и запорожскомъ кошевому, Гордѣенкѣ, измѣннику-жъ; и о протчихъ запорожскихъ измѣнникахъ.

Затѣмъ въ сборникѣ слѣдуетъ пропускъ до 1729—30 года. Изъ документовъ этихъ годовъ меня въ особенности заинтересовали тѣ, которые относятся къ характеристикѣ семейной жизни козачества лѣвобережной Украины въ первой половинѣ XVIII вѣка. Это 1) указъ изъ св. синода о прелюбодѣяхъ и прелюбодѣйцахъ (1729 года); 2) о хоружемъ нѣжинскомъ Величковскомъ, который законную жену свою оставилъ, съ другою живетъ (1729 года); 3) указъ пастырскій о Величковскомъ и Дудченкѣ, коимъ они, если не покаются, предаются проклятію (1730 года) и 4) о разрѣшеніи отъ клятвы хоружаго нѣжинскаго Величковскаго.

Названные документы, въ связи съ другими однородными, въ томъ-же сборникѣ заключающимися и мною просмотрѣнными документами, приводятъ къ заключенію, что неудачная семейная жизнь и сопряженные съ нею разрывы браковъ были явленіями заурядными въ ту пору среди козачества лѣвобережной Украины. Св. синодъ въ своемъ указѣ архіепископу кіевскому Варлааму Ванатовичу предлагаетъ ему обратить особенное вниманіе на разрывы браковъ и на незаконное сожительство служивыхъ людей Малороссіи. Въ указѣ по дѣлу Величковскаго прямо говорится: «въ епархіи вашего преосвященства много обрѣтается таковыхъ служивыхъ людей, которые дерзаютъ, оставивши первую или другую законную свою жену, другую беззаконно къ себѣ принимать». И тотъ-же указъ выясняетъ и причину, которая побуждала козаковъ

оставлять законныхъ женъ, когда говоритъ: «такожде и другіе (кромѣ Величковскаго), съ *четверолѣтняго походу* пришедши, просятъ на женъ своихъ, въ прелюбодѣяніе впавшихъ и беззаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ понять». А Величковскій въ своемъ доношеніи св. синоду писалъ: что «онъ (Величковскій) де, лѣтъ 16 тому назадъ, понялъ законнымъ бракомъ дѣвицу Ефимію Заруцковну въ жену. И за отсутствіемъ де его отъ дому, въ частые, по указамъ, войсковіе походы, оная его жена пьянствовала и жила непостоянно. И въ такомъ де пьянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство стала уклонятися».

И такъ козаки оставляли законныхъ женъ не вслѣдствіе личнаго распутства или стремленія къ разгульной жизни, но въ виду нарушенія ихъ женами супружеской вѣрности въ продолжительное отсутствіе мужей и невозможности возстановить правильное теченіе семейной жизни.

Не смотря на то, высшее духовное начальство, какъ видно изъ перечисленныхъ нами документовъ, строго относилось къ жалобамъ козаковъ, просившихъ развода. Синодъ разсуждалъ, что «ежели мужья то учинятъ (т. е. получатъ право развода), то и жена пущенница востребуетъ благословенія посягнути законнаго мужа. Также другіе, кромѣ словеси прелюбодѣйнаго, возпегодовавши законными женами, начнутъ беззаконовать. А жены, кромѣ всякой вины, возгнушавши мужами своими, тоже начнутъ дѣлать, чтобы беззаконіе ихъ было виною разлученія». А потому, писалъ онъ Варлааму Ванатовичу, «къ разрѣшенію, ваше преосвященство, да не дерзнетъ, чтобы о томъ учинить резолюцію». Въ результатѣ такого строгаго запрещенія, получались браки «по самовольной волѣ», съ участіемъ впрочемъ «совѣта мірской старшины». Но духовная власть расторгала такіе браки, а заключившихъ оные разсылала по монастырямъ, когда-же имъ удавалось ускользнуть изъ заточенія и снова сойтись, отлучала отъ церкви и предавала анафемѣ. Упомянутый уже не разъ хоружій Величковскій въ поданной имъ синоду жалобѣ такъ описываетъ постигшее его за самовольный бракъ отлученіе: «велѣно прибить къ церквамъ письменныя объявленія: дабы мене и домашнихъ моихъ нигдѣ въ церкви Божія не пускать. А уже тому пять лѣтъ, какъ мы церковнаго входа и святыхъ таинствъ со всѣмъ домомъ лишены. И люди

въ домѣ моемъ помираютъ безъ исповѣданія, и въ землю кладутъ ихъ безъ всякаго церковнаго чинопослѣдованія».

Такія данныя семейной жизни козачества XVIII в. въ лѣвобережной Украйнѣ представляютъ документы найденнаго мною сборника. Въ немъ, кромѣ того, есть еще не мало другихъ историческихъ данныхъ, какъ напр. «запрещеніе священникамъ перевязываться рушниками на свадьбахъ и упиваться»; «приказъ объ отсылкѣ дѣтей въ школы»; о бѣгствѣ монаховъ»; о бѣгствѣ солдатъ изъ Великороссіи въ Малороссію и наконецъ указъ Петра къ Малороссійскому народу о содержаніи овецъ въ Малороссіи по шленскому обыкновенію. Въ этомъ указѣ приводится обвиненіе на Полуботка и Савича за то, что они, получивъ правила, какъ слѣдуетъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію, не объявили ихъ народу малороссійскому: «яко, говоритъ Петръ, недоброжелательные своему отечеству и намъ, не хотѣли видѣть въ дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и никому тѣхъ не объявили регулъ». Сборникъ заканчивается на 1742 г. Къ этому году относится списокъ[1]) церквей, священниковъ и діаконовъ, находившихся въ гадячскомъ полку. Въ самомъ Гядячѣ было: 10 священниковъ и 3 діакона при 6-ти церквахъ (теперь 5 священниковъ, 1 діаконъ при 5 церквахъ). Въ селахъ было въ 1742 г. 43 священника при 33 церквахъ.

Изъ этого краткаго описанія сборника можно видѣть, что и въ самой захолустной провинціи уцѣлѣли еще кой-гдѣ нѣкоторыя крупицы историческаго матеріала. Подаю о нихъ во всеобщее свѣдѣніе въ той мысли, что въ дѣлѣ исторіи такъ мало разработанной, какъ наша, и такія незначительныя свѣдѣнія пригодятся кому либо въ общей работѣ и что изъ-за большаго не слѣдуетъ пренебрегать малымъ.

Николай Бакай.

---

[1]) Списокъ составленъ по случаю присяги императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИМУЩЕСТВѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО.

Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ помѣщена была мною краткая замѣтка объ оставшемся послѣ смерти коадъютора кіевской митрополіи, преосвященнаго Иринея Фальковскаго имуществѣ, наслѣдникомъ котораго были три племянника его, братья Бодянскіе, въ томъ числѣ священникъ Максимъ Бодянскій, сынъ извѣстнаго московскаго профессора О. М. Бодянскаго. Въ этой замѣткѣ переданы были мною свѣдѣнія о самомъ имуществѣ и о томъ, какъ производилась и во что обошлась опись онаго. Чѣмъ и когда кончилось дѣло объ этомъ наслѣдствѣ и кому оно досталось, оставалось неизвѣстнымъ.

Нынѣшнею осенью мнѣ случайно пришлось купить въ Москвѣ ворохъ разныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ нашлись и такія, изъ коихъ видна дальнѣйшая судьба оставшагося по смерти преосвященнаго Иринея имущества.—Какъ извѣстно, преосвященныйИриней скончался въ 1823 г., дѣло-же объ оставшемся послѣ него имуществѣ закончено лишь въ 1841 г., слѣдовательно тянулось цѣлыхъ 18 лѣтъ. Когда одинъ изъ наслѣдниковъ, всего менѣе интересовавшійся полученіемъ наслѣдства, именно отецъ профессора Бодянскаго, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло объ имуществѣ его дяди, то получилъ (вѣроятно въ 40-мъ году) отъ своего повѣреннаго, нѣкоего Павла Кондзеровскаго такой отвѣтъ: «Вмѣсто того, что вы изволили считать оное въ производствѣ по губернскому правленію, едва удалось найти и вытащить изъ съѣзжей 3-й части города. Губернское правленіе передало дѣло сіе въ уѣздный судъ, для рѣшительнаго опредѣленія о вызовѣ родственниковъ и передачѣ имъ всего имущества и денегъ послѣ умершаго чигиринскаго епископа Иринея; но какъ уѣздный судъ встрѣтилъ препятствіе по не назначенію вещамъ и деньгамъ цѣны, то дѣло съ описями отослалъ отъ себя въ кіевскую полицію, съ требованіемъ сдѣлать посредствомъ оцѣнщиковъ оцѣнку тѣмъ вещамъ и книгамъ и потомъ обратить въ уѣздный судъ. Для исполненія сего, полиція отправила все дѣло въ часть, гдѣ оное также около году пролежало, и ничего не дѣлано, кромѣ того, что часть принялась было

нанимать, на счетъ суммы покойнаго-же, описателя книгъ и каталога, составляющихъ самое важное имущество изъ всѣхъ нажитковъ.

По сему предмету епископъ Кириллъ (Куницкій) отозвался, что найдутся у него способные люди безъ всякой заплаты сдѣлать переводы книгамъ заглавнымъ. За всѣмъ тѣмъ и къ продажѣ вещей полиція еще не приступала по несдѣланной оцѣнкѣ. Вещи сіи, говорятъ, многіе уже приходятъ отъ ветхости въ порчу, и по описѣ значутся не весьма завидными. Сколько могу припомнить, то оные состоятъ: изъ двухъ образовъ безъ оклада, паначія серебряной матеріи съ образомъ Спасителя на финифтѣ, двое серебряныхъ часовъ, 3-хъ паръ старыхъ ножей, двухъ подсвѣчниковъ, мѣднаго таза, трехъ или четырехъ рясъ старыхъ, старой енотовой рясы, плисомъ покрытой и другихъ весьма мелкихъ вещей,—далѣе: изъ 1000 экземпляровъ книгъ дорогой цѣны, въ числѣ коихъ 411 разныхъ священныхъ и вообще россійскихъ, 389-ть латинскихъ и 200 французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ, наконецъ денегъ:

Ассигнаціями и мѣдью	1094	54¾ к.
Серебромъ цѣлковыхъ.	404	80 к.
Голандскихъ червонцовъ	7	
И полуимперіаловъ.	2.	

Вещи и книги хранятся въ Михайловскомъ монастырѣ, а деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, о сихъ послѣднихъ я найвѣрнѣе справился, что они существуютъ въ цѣлости, что съ 1830-го года полагается еще на нихъ и процентъ по 3% со ста. Мнѣ кажется, естли ожидать, покудова продадутся съ аукціона вещи и книги, то на это много времени понадобится; тогда вещи придутъ въ совершенную негодность, а книги могутъ быть лучшіе обмѣнены, а другіе и вовсе растрачены, когда только не станетъ нынѣшняго епископа Кирилла; слѣдовательно вамъ-бы поступить такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ, чтобы собраться всѣмъ тремъ братамъ вмѣстѣ, имѣя при семъ каждому удостовѣреніе о ближайшемъ родствѣ покойнику, выведя происхожденіе по линіи, да и раздѣлить между собою все, что есть на лицо»[1]).

[1]) Заключеніе уѣзднаго суда есть уже одно, что какъ по опубликованіи чрезъ газеты по узаконенному сроку никто не явился, то родственники или наслѣдники, буде явятся, непремѣнно имѣли-бы выше поясненныя документы; иначе

Въ іюлѣ 1841 г. дѣло о наслѣдствѣ было наконецъ окончено. Рѣшеніемъ кіевскаго уѣзднаго суда наслѣдниками признаны протоіереи Павелъ и Илья Бодянскіе и священникъ Максимъ Бодянскій. Вызовы для явки въ судъ посланы всѣмъ 3-мъ братьямъ чрезъ мѣстныя полиціи, но до о. Максима, какъ жившаго въ деревнѣ, извѣщеніе дошло весьма не скоро, и когда братъ Илья извѣстилъ его о послѣдовавшемъ рѣшеніи, онъ отказывался отъ поѣздки въ Кіевъ и отъ самаго наслѣдства и писалъ между прочимъ слѣдующее.

«Скажу вамъ и совѣтую избрать благую часть и запѣчатлѣть твердо душевнымъ усердіемъ таковую; вы и братъ будучи покойнаго Ирицея воспитанниками и наставниками въ извѣстное время, а что вы благодаря Всевышняго, нынѣ имѣете полность во всемъ сей жизни и не нуждаетесь въ тѣхъ частяхъ, что по смерти покойнаго осталось, а опредѣливъ всю свою и мою часть, какъ въ деньгахъ, такъ равно и въ вещахъ и книгахъ, оныя въ кіевскую академію, а деньги и вещи въ монастыри кіевскіе, тѣ, гдѣ онъ при жизни находился, кои вамъ не безъизвѣстны; вотъ какое мое мнѣніе и желаніе, и тѣмъ-бы можно для его покойника души и для вашего вѣчнаго блаженства приготовить. Сего я душевно и истинно желаю.

Твердо васъ увѣряю о непоѣздѣ своемъ въ Кіевъ безъ извѣщенія законнымъ порядкомъ отъ суда, чрезъ кого слѣдуетъ, и что буди и сынъ мой старшій не возвратится съ посланныхъ чежеземныхъ мѣстъ сего года въ домъ и Москву, то все я могу иными средствами получить и на богоугодное дѣло опредѣлить, а не такъ, какъ вы съ братомъ первоначально и теперь мыслите. Совѣтую не прилѣпляться таковой временной части и тяжести».

Къ сему отецъ славнаго нашего профессора добавляетъ слѣдующія строки, рисующія его полное безкорыстіе въ дѣлѣ наслѣдства:

«Давно мое желаніе есть у васъ побувать, но не на чѣмъ и не съ кѣмъ пріѣхать, лошади 3 отобраны тому уже третій годъ, все пѣшкомъ по приходу ѣзжу, и одѣться не чѣмъ по приличнѣе: сему вы вѣрьте».

продажа съ публичнаго торгу и въ 5-ть лѣтъ едва-ли состоится. Да и самыя книги если оныхъ дѣлать въ переводѣ каталогъ, то потребуется не менѣе полугода времени».

Это достойное отца нашего историка письмо писано 3 сентября 1841 г., а при немъ находится снятая имъ 24 сентября копія съ рѣшенія кіевскаго уѣзднаго суда о наслѣдствѣ и въ концѣ оной такой общій разсчетъ: «Всѣхъ денегъ 1,661 руб. 52 коп., употреблено въ расходъ 309 руб. 92 коп., остается 1,351 руб. 60 к. На три части—каждая по 450 руб. 53 коп.». Какое употребленіе сдѣлано братьями Бодянскими изъ доставшихся имъ частей, о томъ свѣдѣній не имѣемъ. Не сомнѣваемся впрочемъ, что почтенный батюшка Осипа Максимовича употребилъ свою часть такъ, какъ писалъ брату своему Ильѣ Гавриловичу въ письмѣ отъ 3-го сентября.

А. Титовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АВТОРСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Сорокъ лѣтъ назадъ, когда у насъ существовало всего двѣ газеты и два-три журнала, а отдѣльныя книги появлялись лишь изрѣдка и въ маломъ числѣ, увидѣть свое имя въ печати казалось чѣмъ-то необычайнымъ и людямъ наивнымъ доставляло дѣтское наслажденіе. На эту слабость людскую разсчитывали авторы и издатели, помѣщая при своихъ изданіяхъ печатные списки своихъ подписчиковъ и объявляя объ этомъ заранѣе, предъ выходомъ изданія. Выводились титулы подписчиковъ, обозначались мѣста ихъ жительства; сами они выставлялись чрезъ то какъ-бы по преимуществу людьми образованными и любознательными. Само собою разумѣется, что это вліяло на подписку, а числомъ подписавшихся измѣрялись успѣхъ изданія и честь автора.

Существовавшему обычаю подчинился и нашъ поэтъ предъ изданіемъ его перваго произведенія: «Гайдамаки». Гдѣ-то и когда-то онъ пообѣщалъ припечатать такой списокъ; но при самомъ изданіи раздумалъ, потому-ли, что вдумался въ смыслъ обычая, или потому, что подписчиковъ оказалось мало. И вотъ на обложкѣ доставленнаго ему печатнаго экземпляра «Гайдамакъ» онъ пишетъ слѣдующее шуточное объясненіе къ подписчикамъ.

Панове субскрибенты!

«Бачимо, бачимо, що одуривъ, та ще хоче и одбрехацця! Оттакъ вы вслухъ подумаете, якъ прочитаете мои Гайдамаки. Панове громада! далеби не брешу. Ось бачите що. Я думавъ, и дуже хотилось мини надрюковать ваши козацьки имена рядочкомъ гарненько; уже було й найшлось ихъ десяткивъ зо два, чи зо три; слухаю—выходить розномова: одинъ каже треба, другій каже не треба, третій ничого не каже. Я думавъ: «що тутъ робить на свити?» взявъ та й процындривъ гарненько ти гроши, що треба було заплатить за аркушъ надрюкованого паперу, а до васъ и ну писать оцю цыдулу. Все-бъ то це ничого: чого не трапляецця на вику? все бувае, якъ на довгій ныви; та ось лыхо мини на безголовья. Есть ще и таки паничи, що соромились свою благородну фамилію (Кырпа—Гнучкошыенко-*въ*) и надрюковать въ мужицькій книзци. Далеби, правда!»

Т. Шевченко.

Не можемъ положительно утверждать, но помнится намъ, будто именно такое объясненіе въ свое время мы читали въ первомъ изданіи «Гайдамакъ». Не разрѣшитъ-ли этого вопроса нашъ извѣстный библіографъ С. И. Пономаревъ?—Теперь это объясненіе сообщено намъ на вырванномъ изъ какой-то записной книжки листочкѣ, писанномъ, очевидно, рукою П. А. Кулиша. Поэтъ не открываетъ прямо причины, почему не исполнено данное имъ обѣщаніе; но добродушно шутитъ съ своими подписчиками, подсмѣивается надъ самимъ собою и не упускаетъ случая посмѣяться надъ тѣми, которые старались закрыть простое свое происхожденіе прибавленіемъ къ выдающимъ ихъ фамиліямъ окончанія *въ*. Выраженіе: «въ мужицькій книзци» характерно для того времени, когда въ диковину были книги съ сюжетами изъ народнаго быта и не употреблялось самое слово «народный».

ПАМЯТНИКЪ ПРЕЖНИХЪ ОТНОШЕНІЙ ПАСОМЫХЪ КЪ СВОЕМУ АРХИПАСТЫРЮ.

(Жалоба, поданная кіевскому митрополиту крестьянами с. Свинюдъ на злоупотребленія державцы Ивана Быковскаго).

Встрѣтившійся намъ документъ, текстъ котораго приводимъ ниже, представляетъ весьма характеристическій образчикъ отношеній народа къ архипастырю въ XVII ст. Жалуясь на претерпѣваемыя обиды, крестьяне глубоко убѣждены въ томъ, что митрополитъ сочувственно отнесется къ ихъ нуждамъ и что ихъ точка зрѣнія совершенно для него понятна. Они высказываются съ полною дѣтскою откровенностью и убѣждены, что откровенность эта будетъ принята съ отеческою снисходительностью; они поручаютъ къ подачѣ свое прошеніе своимъ атаманамъ и просятъ митрополита, чтобы онъ вполнѣ вѣрилъ словеснымъ объясненіямъ посланныхъ, такъ какъ они «мужи старожитные, вѣры годные»;—крестьяне глубоко убѣждены, что такая аттестація вполнѣ достаточна для того, чтобы митрополитъ отнесся съ вниманіемъ къ ихъ уполномоченнымъ. Мы отмѣчаемъ эти бытовыя подробности, какъ черты свидѣтельствующія о той интимной, патріархальной, глубоко коренившейся въ жизни и далеко не формальной связи, которая соединяла представителей высшей церковной іерархіи съ народомъ въ южной Руси.

Документъ списанъ съ подлинника, который представляетъ полулистъ сѣрой бумаги, исписанный весьма четкимъ почеркомъ половины XVII столѣтія. Къ несчастію, въ документѣ не названо имя митрополита, ни помѣченъ годъ составленія прошенія. Можемъ только предполагать, что онъ относится къ 1678 году, на томъ основаніи, что онъ встрѣтился намъ въ связкѣ документовъ, помѣченныхъ этимъ годомъ. Если принять во вниманіе эту догадку, то можетъ быть окажется не слишкомъ рискованнымъ предположеніе, что «державца» свиноѣдскій было тоже лице, которое въ 1687—1699 упоминается въ различныхъ документахъ въ качествѣ кіевскаго войта, подъ именемъ Ивана Демидовича Быкова, Быковича или Быковскаго (смотря по обстоятельствамъ). Войтъ этотъ, очевидно знакомъ былъ съ бытомъ монастырскихъ имѣній, потому что въ 1687 указывалъ гетману Мазепѣ на возможность привлечь монастыр-

скихъ крестьянъ къ «городовой сторожѣ на башняхъ и отправованю онихъ послугъ городови належачихъ» и выхлопоталъ гетманскій универсалъ, согласный съ его заявленіемъ. Въ 1693 онъ, по просьбѣ игумена и ректора братскаго монастыря, описывалъ недвижимое имущество этого монастыря, а въ 1699 скончался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, принявъ передъ смертью монашество [1]). Село Свиноѣды, жители котораго составили прилагаемое прошеніе, нынѣ деревня остерскаго уѣзда черниговской губерніи, уже въ началѣ XVII столѣтія принадлежало михайловскому выдубицкому монастырю [2]).

В. А.

Въ Бозе велебный а милостивый пане, отче митрополите, пане а пане нашъ милостивый.

Мы убогие подданные церкви Божое митрополии киевское, монастыра святого Михаила выдубицкого, также села свиноедского, всѣ сполне отъ мала и до велика ускаржаемося Вамъ, нашему милостивому пану, на пана Ивана Быковского, державцю отъ Вашей милости намъ даного, ижъ намъ, милостивый пане, надъ права и волности наши, отъ предковъ святыхъ и славныхъ памети, митрополитовъ бывшихъ и отъ Вашей милости самого даныхъ, великіе и незносные кривды, драпежства въ браню такъ готовыхъ грошей, яко тежъ въ браню невинныхъ куницъ, также насъ самыхъ, мужей вже въ лѣтехъ зошлыхъ, бъетъ, и нехрестянски мордуетъ; ово, милостивый пане, не зышлобы ся то не хрестиянинови, але карацинови чинить, што онъ надъ нами, убогими подданными вашой милости чинитъ. Згола, милостивый пане, волялъ бысь, ваша милость, турчинови насъ въ неволю продати, а нижъ ему насъ врядникови дати, снадней бысьмо отъ Вашей милости то терпѣти мели, а нижъ отъ него терпѣмо. На остатокъ, милостивый пане.. же и въ халупахъ своихъ предъ нимъ зъ жонами, зъ детками не можемъ въ покою пробыти: приходечи до халупъ нашихъ, а звлаща подпивши,

---

[1]) Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. V, стр. 213, Памятники изд. кіевск. археографич. коммисіею, томъ II, отд. I, стр. 300. Лѣтопись Величка, т. III, стр. 544.

[2]) Кіевлянинъ на 1841 годъ, стр. 21--22.

якожъ то часто у него есть, же трезвый никогды не живетъ, насъ самыхъ невинне бьетъ, за жонами и детми гонитъ, росказуючи себе циловати, до везеня насъ сажаючи, мордуетъ, детей—сыновъ нашихъ поневоли до послугъ своихъ примушаетъ, на сторожу незвыклую намъ всѣмъ, зъ пулчаками стеречи примушаетъ, сусѣда нашего Максима Панковича въ Свиноѣдахъ, приежчуючи, килка разъ киемъ немилостиве збилъ, змордовалъ при добрыхъ и зацныхъ людехъ: при пану Хмаре и при пану Масловскомъ, который естъ и теперъ на смертелной постели и ни отъ чиихъ рукъ не зыдетъ, тылко отъ пана Быковского. Всѣхъ кривдъ: у браню пенезей, даней невинныхъ, куницъ, повышенье даней медовыхъ—реестръ по достатку списавши, всѣхъ кривдъ черезъ атамана нашего выдубицкого, старожитного мужа, а атамана свѣноедского—Окулу и Исаю, старожитнихъ мужей, которымъ рачъ Ваша милость милостивый панъ, вѣру во всемъ, яко мужемъ старожитнимъ, вѣры годнымъ додать, насъ зъ неволи и работы египетское отъ пана Быковского выслободити, а намъ, убогимъ подданнымъ своимъ, съ пана Быковского у невинныхъ грабежахъ, у браню незвыклыхъ даней, въ подвышеню куницъ, ведлугъ реестру, яко панъ хрестиянский, справедливость съ пана Быковского учинить, за что Вашу милость, нашого милостивого пана, Господь Богъ у пребываню живота дочасного и въ будущемъ вѣку благословить будетъ рачилъ.

ЗАГОВОРЫ НА ПРОСО И ПШЕНИЦУ.

Не смотря на совокупныя стремленія въ послѣдніе годы правительства, церкви и общества распространить въ народѣ просвѣщеніе, народъ во многомъ продолжаетъ жить прежнею своею жизнію, полною всякаго рода суевѣрій. Въ ряду ихъ заговоры пользуются полнымъ правомъ гражданства и живутъ, благодаря, кажется, своему практическому назначенію.

Заговоры проса и пшеницы, какъ на корню, такъ и въ зернѣ передъ посѣвомъ, до настоящаго времени общеупотребительны въ южной части переяславскаго уѣзда. Въ самомъ Переяславѣ живетъ мѣщанинъ Пиндюръ, который производитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: рано утромъ беретъ онъ изъ колодца «непочату» воду,

сыплетъ туда съ таинственными нашептываньями какой-то порошокъ, напоминающій цвѣтомъ обыкновенную печную золу, и кропитъ на четырехъ углахъ нивки этой чудодѣйственной жидкостью. Насколько бываютъ дѣйствительны заговоры, это другое дѣло; но всѣ, чье просо или пшеница посѣяны около селъ, обращаются къ помощи заговорщика.

Вѣру въ заговоръ поддерживаютъ сами-же воробьи: облюбовавъ какую нибудь одну нивку, они громадными стаями собираются на ней и не слетаютъ съ нея, пока все зерно не будетъ выпито; а въ это время просо на сосѣднихъ нивахъ поспѣваетъ и скашивается.

Слава заговорщика у владѣльцевъ не пострадавшихъ упрочена; пострадавшіе-же ниспосылаютъ кары небесныя на голову шарлатана, причемъ иногда не обходится и безъ потасовки. Разсказывали мнѣ слѣдующее: «У одного чоловика було просо посіяне. Посылае винъ по заговорщика, той заговоривъ. Тильки що почало просо наливатись, горобци якъ напали, дакъ тильки цурупье й покинули. Отъ той чоловикъ и проха людей: перекажить, каже, тому бисовому сыну, що у мене сей годъ таке просо уродило, якого я й не зазнаю; дакъ нехай прыйде,—я ему скилькись мирокъ дамъ. Той прыиздить. Пишли на ниву. Чоловикъ той узявъ заговорщика за чуба, дай повивъ по всій ныви показувать, що подіяли просу горобци».—А то вотъ другой разсказъ, показывающій, какую силу, по мнѣнію крестьянъ, имѣетъ заговоренное зерно. «Не стало у мене пшона, пишовъ я позычать. Позычивъ у одного чоловика. Стовкъ. Жинка наварила каши. Посидали обидать, тильки до каши, вси якъ заплачемо,—ймо кашу да плачемо. Диты собаци грудку кинули и у тій слёзы зъ очей такъ и закапотили. Що за бисъ? Пишовъ до того чоловика, той сміется. То я, каже, помилився, давъ вамъ заговореного». Впрочемъ воробьи не пьютъ зерна и въ томъ случаѣ, когда знать, въ какое время его посѣять: если посѣять въ субботу, когда евреи молятся въ школѣ, то «горобци» пить зерна не будутъ; «бо тоди вони (горобци) тежъ збираются до купы, цвиринчать, ажъ плачуть, такъ имъ йсти хочеться, а не займуть, поки жиды зъ школы не выйдуть,—бо вони, бачите, однеей виры, шанують одни одныхъ. Вже зерна, котре посіяне о ту пору, що имъ йсти не може, не займуть».

Сообщ. **Н. И.**

УРА БЕЗЪ ДВУХЪ БУКВЪ.

(Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго).

Во время послѣдняго польскаго мятежа, польская шляхта, братаясь съ русскими хлопами, старалась всѣми силами внушить имъ ненависть и презрѣніе ко всему русскому. Насмѣшкѣ подвергалось и слышанное крестьянами отъ русскихъ войскъ «ура». Шляхта толковала мужикамъ, что слово это не полное, что въ немъ не достаетъ двухъ литеръ или буквъ: *д* въ началѣ и *к* въ концѣ. Вотъ вамъ москаль! самъ кричитъ о себѣ, что онъ дуракъ.

Извѣстно, что наши мужички по своему понимали всѣ шляхетскія наставленія и когда наконецъ повстанье началось, съумѣли какъ нельзя лучше расплатиться съ своими учителями. При этомъ и урокъ о русскомъ: *ура* не остался безъ слѣда. Въ селѣ Соловьевкѣ, радомысльскаго уѣзда, которое, лежитъ на проѣзжей дорогѣ и въ которомъ не мало было грамотныхъ ребятишекъ и подростковъ, понимавшихъ всю соль этой насмѣшки, она направлена была противъ проѣзжавшихъ чрезъ село пановъ, но уже въ измѣненномъ видѣ: не *ура* безъ двухъ буквъ, но *ура* съ двумя буквами. Соберутся близъ дороги подростки и завидя пана, кричатъ ему на встрѣчу и въ слѣдъ: *ура зъ двома буквами!* Особенно этимъ забавлялись въ вокресенье и праздничные дни, когда возлѣ корчемъ гурьбою собирается крестьянская молодежь. Скоро истинный смыслъ такихъ возгласовъ сталъ извѣстемъ во всемъ околоткѣ и кто изъ проѣзжавшихъ чрезъ Соловьевку зналъ объ этомъ, тотъ при видѣ толпы мальчишекъ приказывалъ кучеру ѣхать шибче, чтобы скорѣе миновать насмѣшниковъ; но были и такіе, которые, услыхавъ ура! то проѣзжали въ недоумѣніи, то даже воображали, что такими возгласами оказывается имъ честь и благодарили толпу.

Случилось на ту пору проѣзжать чрезъ Соловьевку недавно умершему графу Владиславу Владиславовичу Браницкому. День былъ воскресный; невдалекѣ церкви, возлѣ каменной корчмы, стояла группа подростковъ. Завидя карету графа, она начала по обыкновенію горланить.

— Ура! зъ двома буквами! ура!...

Поровнявшись съ кричавшею толпою, графъ велѣлъ остановить лошадей и сталъ выходить изъ кареты. При видѣ важнаго пана

толпа притихла и даже испугалась. Слышались возгласы, произносимые въ полголоса.

— Ой, буде бида! Ну, якъ ще мировый.

Но графъ ласково поздоровался. Его интересовало не столько самое привѣтствіе, сколько полная его неожиданность. Онъ любилъ своихъ хлоповъ, любилъ иной разъ съ ними потолковать и даже одарить ихъ. Ничего не подозрѣвая въ возгласахъ молодежи и принимая ихъ за простодушное привѣтствіе себѣ, онъ ласково спросилъ.

— А что это *виватъ* мнѣ кричите?

— А такъ, просимо пана, отозвался кто-то изъ толпы. По своему, по руському, ура! кричимо.

— Дзенькуе, дзенькуе, отвѣчалъ графъ; но я слышалъ еще что-то, не одно *ура*.

— Ато бачите пане: *зъ двома буквами*, бойко отвѣтилъ одинъ подростокъ и показалъ рукой на дверцы графской кареты, на которыхъ красовались подъ короной двѣ золоченныя готическія литеры *H.* и *B.*

— А! такъ ты письменный? сказалъ графъ, ласково потрепавъ мальчика по щекѣ, и самъ объяснилъ, что эти двѣ буквы означаютъ *Hrabia Branicki* и что самъ онъ и есть *графъ Браницкій*. Молодежь смутилась; первый страхъ снова прошелъ на толпѣ, но она скоро успокоилась, завидѣвъ, что графъ достаетъ изъ кармана кошелекъ. Графъ еще разъ поблагодарилъ повеселѣвшую компанію и далъ каждому изъ привѣтствовавшихъ его по червонцу.

Обѣ стороны остались довольны. Но золото взяло свое и молодежь почувствовавъ червонцы въ рукахъ, почтительно подсадила графа въ карету и бѣжа за нею далеко въ поле, кричала графу уже по польски:

— Vivat, Hrabia Branicki! Vivat!...

Долго въ Соловьевкѣ помнили про забавный случай *уры съ двумя буквами*.

— Думали, буде лаять, або бить, звичайно, якъ посредникъ; ажъ то самъ Браницькій... и по червиньцю давъ, говорили очевидцы этого казуса, хвалясь предъ другими подаркомъ Браницкаго.

— Бачишь, якій свитлый? Оцежъ отъ самого свитлишого грапа гостинець... толковалъ одинъ хлопецъ другому, показывая червонецъ, полученный отъ графа Браницкаго...

Очевидецъ **Иванъ П. Савченко.**

БОЛЕСЛАВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ ВЪ РОЛИ СЕЛЬСКАГО ПЕДАГОГА.

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что недавно умершій нашъ романистъ, составившій себѣ извѣстность романами изъ большаго свѣта, служилъ одно время, правда, весьма недолгое, по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи чиновника особыхъ порученій по народнымъ школамъ въ Царствѣ Польскомъ. Ни прежде, ни послѣ его должность эта не существовала и учреждена была собственно для него, по одному очень высокому ходатайству, съ жалованьемъ въ 4 тысячи рублей и на разъѣзды, сколько выѣздитъ. Назначенъ онъ былъ на эту должность въ концѣ 1867 или началѣ 1868 года и въ февралѣ этого послѣдняго прибылъ обозрѣвать свою далекую и совсѣмъ неизвѣстную епархію. Хотя въ офиціальномъ извѣщеніи о его прибытіи было сказано, что онъ имѣетъ обозрѣвать одни лишь начальныя училища, но Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ смотрѣлъ заурядъ и всѣ среднія учебныя заведенія. Уже въ мартѣ, по объѣздѣ нѣскольких губерній, Болеславъ Михайловичъ достигъ того пункта въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ пишущему эти строки пришлось служить также по учебному вѣдомству. Въ Маркевичѣ нельзя было подмѣтить ничего ревизорскаго; все въ немъ было изящно просто, или изысканно изящно. Въ учебные часы онъ посѣщалъ уроки, слушалъ, спрашивалъ, иногда пускался въ объясненія по исторіи и литературѣ, говорилъ плавно, изящно, но казался для всѣхъ скорѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, нежели ревизоромъ. Въ образцовой школѣ, бывшей при педагогическихъ курсахъ, онъ уже не говорилъ, а только слушалъ и приходилъ въ неописанный восторгъ отъ входившаго тогда въ моду нагляднаго обученія или предметныхъ бесѣдъ, въ существѣ бывшихъ пустою болтовнею или толченіемъ воды въ ступѣ. Учитель дѣйствительно мастерски велъ эту нѣмецкую игру если не съ обезьяной, то съ кошкой, и очарованный ревизоръ то и дѣло носилъ фунтами конфекты ученикамъ-оборвышамъ, которые рады были куску хлѣба. По вечерамъ Болеславъ Михайловичъ въ свою очередь восхищалъ насъ своими мастерскими разсказами, заимствованными не изъ нашихъ сферъ. Разсказчикъ онъ былъ удивительный, передавалъ массу забавныхъ и всякихъ иныхъ случаевъ,

зналъ огромное количество стиховъ и декламировалъ ихъ безподобно. Когда истощался разговоръ и переваливало далеко за полночь, онъ напѣвалъ камаринскую и также весьма успѣшно. По всему видно было, что онъ не тянулъ служебной лямки, не заразился начальственными пріемами, виталъ въ иныхъ сферахъ, словомъ: предъ нами былъ не ревизоръ, а камергеръ, или просто Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ.

Дошла очередь до его спеціальности—сельскихъ школъ, и мы отправились въ ближайшія деревушки.

Первая, лежавшая по пути, школа была открыта не болѣе полутора мѣсяца назадъ. Школы росли тогда, какъ грибы, открывались, какъ только получалось согласіе общества, находилось какое нибудь помѣщеніе и являлся хоть подержанный или совсѣмъ неѣзженный учитель. Устройство, обзаведеніе школъ, подготовка учителей, самое снабженіе учебными принадлежностями и пособіями велись постепенно. Въ мѣстности такъ называемой уніатской, гдѣ все пожиралось ненасытнымъ латинствомъ и польщизной, надо было спѣшить,—ставить русскую школу, какъ вѣху при желѣзнодорожныхъ изысканіяхъ. Препятствія были на каждомъ шагу, русская книжка, русскій языкъ служили пугаломъ. Въ школѣ, лежавшей предъ нами, нечего было ни слушать, ни смотрѣть. Я предупреждалъ объ этомъ своего спутника, но онъ пожелалъ и ее осмотрѣть.

Пріѣзжаемъ въ деревню. Съ трудомъ пробрались къ школѣ по кочкамъ замерзшаго классическаго болота. Вся деревня была разбросана на топкомъ торфяникѣ, пресѣкаемомъ то просачивающеюся лужайками и озерцами, то текущею извилистыми ручейками водою. Школа стояла на маленькомъ пригоркѣ; передъ нею точно днѣпровскія плавни въ миньятюрѣ. Мы вошли въ сѣни; кормившаяся тутъ изъ лохани свинья стремительно шмыгнула между нами и чуть не сшибла съ ногъ столичнаго гостя. Я отворилъ дверь въ классъ; высокій стройный камергеръ долженъ былъ согнуться, чтобы просунуться сквозь узкую и низкую дверь. Классною комнатою и вмѣстѣ квартирою учителя была простая крестьянская халупа съ варистою печью направо отъ входа. Полъ былъ земляной; обмазанныя зимой стѣны не столько просохли, сколько промерзли. По двумъ стѣнамъ тянулись въ два ряда некрашенныя скамьи, сходясь подъ прямымъ угломъ. Въ углу висѣла икона,

между оконъ портретъ Государя, а противъ него на неровномъ земляномъ полу не твердо стояла водруженная на треножникѣ класная доска. Болеславъ Михайловичъ привѣтливо раскланялся съ учителемъ и дѣтьми, которыхъ было на лице не свыше 20. Сидѣть не представлялось удобства, и мы все время стояли предъ дѣтьми. По разспросамъ оказалось, что азбука уже пройдена и дѣти безъ особаго затрудненія читали отдѣльныя слова. Прежній урокъ раньше былъ спрошенъ, ученики читали *надальше*, и учитель не приступалъ еще къ выслушиванію и объясненію читаемаго, будучи занятъ съ младшею группою практическимъ уясненіемъ перваго десятка чиселъ. Прослушавъ нѣсколько утомительное пересчитываніе пальцевъ, картофелинъ и бобовъ и воображаемое съѣденіе яблокъ, грушъ и сливъ, Болеславъ Михайловичъ полюбопытствовалъ послушать чтеніе. Спрошенный ученикъ монотонно читалъ двусложныя слова, отбивая на послѣднемъ слогѣ и подъ часъ спотыкаясь и какъ-бы перегрызая слово.

— А понимаешь-ли ты, что читаешь? спросилъ его ревизоръ.

Хлопецъ въ отцовскомъ кожухѣ вскинулъ на него глазами и произнесъ: *га?*

— Понимаешь-ли, говорю, мой милый, что читаешь? послѣдовалъ опять вопросъ.

— А исти! былъ отвѣтъ.

Маркевичъ глядѣлъ въ недоумѣніи. Я пояснилъ ему, что это польское простонародное слово, вошедшее въ мѣстное малорусское нарѣчіе, и означаетъ утвержденіе, въ родѣ: *а какъ-же.*

— Ну, такъ что-же ты читаешь? обратился опять къ мальчику Маркевичъ.

— Руську ксёнжку, равнодушно произнесъ ученикъ и провелъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— Да, но что ты тутъ въ этой книжкѣ читаешь?

Ученикъ замигалъ глазами. Было очевидно, что онъ не понималъ, чего хочется этому забредшему въ школу пану. Маркевичъ и самъ понялъ это и перемѣнилъ пріемъ. Онъ заставилъ ученика читать тѣже слова, и когда тотъ прочелъ: *островъ*, вдругъ спросилъ его:

— А знаешь-ли, что такое островъ?

Ученикъ молчалъ. Маркевичъ повторилъ тотъ-же вопросъ, обращаясь ко всѣмъ дѣтямъ. Молчали всѣ. Онъ пожалъ плечами и принялся самъ объяснять.

— Какъ? не знаете, что такое островъ?—Островъ...

Но вдругъ изъ угла раздался смѣлый голосъ одного мальчика: «я знаю».

— Ну, ну! скажи, что такое островъ?—спросилъ обрадованный Маркевичъ.

— То щось таке гостре, послѣдовалъ отвѣтъ.

Маркевичъ, повидимому, вовсе не понялъ, какъ мальчикъ додумался до такого отвѣта, и принялся объяснять.

— Островъ, дѣти, это часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою. Когда земля окружена со всѣхъ сторонъ водою, то это называется островомъ. Островомъ называется, когда вокругъ вода, а въ серединѣ земля. Острова можно видѣть на моряхъ, океанахъ и на большихъ рѣкахъ. Часть суши, выдавшаяся изъ воды—это и будетъ островъ.

Ученики слушали внимательно, но хлопали почему-то глазами. Маркевичъ окинулъ ихъ однимъ взглядомъ и спросилъ, поняли-ли они сказанное. Отвѣта не послѣдовало. Онъ принялся чертить на доскѣ и повторять на всѣ лады прежнее объясненіе.

— Ну, вотъ видите, дѣти, говорилъ онъ, окончивъ чертежъ. Вотъ это вода, а это земля. Вода вокругъ, земля въ серединѣ. Теперь поняли, что такое островъ?

— Пинялисьмо, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо. Скажите-же, что такое островъ?

— Сокира, послышался голосъ изъ угла.

Маркевичъ сконфузился, съ досадою пожалъ плечами и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на меня. Я не счелъ удобнымъ объяснять ему причину его неудачи, а учитель въ оправданіе свое сказалъ, что читаемыхъ теперь словъ еще не объяснялъ, будучи занятъ другою работою.

Перешли къ другимъ, немногимъ предметамъ. Дѣти разсказывали страшно ломанымъ языкомъ о сотвореніи міра и перваго человѣка, рѣшили на словахъ нѣсколько простыхъ ариѳметическихъ задачъ, показали свое слабое искусство въ письмѣ. Спрашивать

больше было не о чемъ. Собираясь выходить совсѣмъ изъ школы, Маркевичъ обратился къ ученикамъ съ такимъ еще вопросомъ:

— А знаете-ли, дѣти, кто у насъ Государь Императоръ?

Дѣти хлопали глазами.

— Какъ, дѣти, вы не знаете, кто у насъ Государь Императоръ? спросилъ онъ вновь и принялся уяснять самый вопросъ.

— Государь Императоръ—это нашъ отецъ, это самый большій, самый старшій между нами. Онъ всѣми управляетъ, всѣмъ приказываетъ, его всѣ слушаютъ, словомъ: онъ *первый* между нами человѣкъ. А знаете, какъ звать его?

— Первый человѣкъ, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ.

— Ну, да, первый человѣкъ; но какъ его имя и отчество?

Дѣти не отвѣчали, Маркевичъ вмѣсто отвѣта указалъ на висѣвшій надъ ихъ головами портретъ Государя и предложилъ прочесть подпись надъ нимъ. Ученики прочли не безъ труда подпись, хотя на лицахъ совсѣмъ не видно было, чтобы и послѣ этого они понимали, о комъ и о чемъ рѣчь. Маркевичъ продолжалъ:

— Такъ вотъ видите, дѣти, нашъ Государь Императоръ называется Александръ II Николаевичъ. Замѣтьте, называется и проч.— А скажите, кто знаетъ, какъ называется его жена?

— Я знаю, съ увѣренностію сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, ну, скажи: какъ?

— Ева, послѣдовалъ рѣшительный и твердый отвѣтъ.

Импровизированнаго педагога, восхищавшаго своими разсказами и чтеніями великосвѣтскіе салоны, но совершенно незнакомаго съ мозольною работою сельскаго учителя, съ степенью развитія крестьянскихъ дѣтей, съ процессомъ ихъ мышленія, образомъ пониманія, такой неожиданный отвѣтъ совершенно обезкуражилъ. На минуту онъ умолкъ, потомъ кое-какъ докончилъ объясненіе и видимо огорченный, сухо попрощавшись съ дѣтьми и учителемъ, вышелъ изъ школы.

— Однако удивительно, какъ мало развиты ученики въ этой школѣ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы совсѣмъ выѣхали изъ деревни.— Видно учитель мало имъ объясняетъ. А кажется, не глупъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ возможны подобные отвѣты.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, отвѣчалъ я ему. Дѣтская мысль, при всей своей подвижности, очень упруга и строго послѣ-

довательна. Отвѣчавшій вамъ мальчикъ по своему правъ. Вы спрашиваете, что такое островъ; такого предмета онъ не видалъ и не слыхалъ, въ его польско-малорусскомъ нарѣчіи этого слова нѣтъ, онъ припоминаетъ близкое, сходное и отвѣчаетъ вамъ: *это нѣчто остров.* Вы начинаете объясненіе, но мысль мальчика занята даннымъ отвѣтомъ, онъ подыскиваетъ къ своему опредѣленію реальный предметъ, вашего объясненія не слушаетъ, да и не понимаетъ, и когда вы ставите вновь вопросъ: что такое островъ, отвѣчаетъ вамъ: *сокира.* Еще натуральнѣе второй отвѣтъ: дѣти только что отвѣчали о первомъ человѣкѣ, въ вашемъ объясненіи слышатъ также: первый человѣкъ, и на вопросъ объ имени его жены отвѣчаютъ: *Ева.*

— Но вѣдь я говорилъ о Государѣ Императорѣ? Кажется, ясно.

— Ясно для васъ, но не для этихъ дѣтей природы, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ. Такихъ словъ они здѣсь не слыхали, слышали, можетъ быть, и то не всѣ: найяснѣйшій панъ, цесарь, царь, но до уясненія самаго понятія имъ еще очень далеко. Сумма знаній, представленій, наростающая у насъ вмѣстѣ съ мясомъ и жиромъ, добывается здѣсь тяжелымъ, усидчивымъ трудомъ. Надо войти въ эту сферу, изучить до тонкостей степень и способъ ея пониманія, условія ея жизни, ея обстановку, ея рѣчь, чтобъ быть понятнымъ ей, да и то многое до поры до времени будетъ привито лишь искуственно, принято на вѣру. Самыя простыя вещи надо здѣсь разжевывать много-много разъ, пояснять на десять ладовъ, терпѣливо слѣдить за развитіемъ мысли и рѣчи дитяти, самую рѣчь прививать постепенно и ждать результатовъ не часами и днями, а мѣсяцами и годами.

— Правда, правда, замѣтилъ Болеславъ Михайловичъ; по сегодняшнему опыту я вижу, какъ долженъ быть тяжелъ трудъ здѣшняго учителя. На все нужна наука, все требуетъ навыка, опыта, снаровки, приспособленія.

Въ этотъ и слѣдующій день мы осмотрѣли нѣсколько другихъ школъ, видѣли лучшія помѣщенія, слышали гораздо лучшіе отвѣты; но случайнаго педагога-обозрѣвателя мало интересовалъ мозольный трудъ учителя и медленный успѣхъ сельской школы, его тянуло въ среднія учебныя заведенія, въ сферу городскую, сколько-нибудь подходящую къ той, къ которой онъ привыкъ. Другихъ школъ, кромѣ городскихъ, мы не видали; но и такихъ оригинальныхъ и

поучительныхъ отвѣтовъ, какіе дала первая сельская школа, не слыхали.

Скоро мы разстались съ умершимъ нынѣ романистомъ, скоро и онъ оставилъ несродное ему поприще и не появлялся болѣе для обозрѣнія народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ.

Б. Д—ръ.

ПѢСНЯ О СЕРБѢ.

Въ ряду немногочисленныхъ фактовъ исторіи Новороссіи не прошла незамѣченною въ южно-русской поэзіи сербская колонизація степей въ прошломъ столѣтіи. Предлагаемъ читателямъ пѣсню о сербѣ, записанную для насъ въ с. Алексѣевкѣ елисаветградскаго уѣзда. Она проникнута тѣмъ снисходительно-юмористическимъ духомъ, который очень характеристиченъ для отношеній между малорусскимъ населеніемъ степей и сербами-пришельцами. Сербъ изображается черноусымъ франтомъ, красивымъ кавалеристомъ, предметомъ слабости прекраснаго пола; у него нѣтъ ни хаты, ни собственности, ни любви къ земледѣльческому труду; живетъ онъ весело, сладко ѣстъ, пьяно пьетъ, но остается чуждымъ и землѣ и народу. Такова замѣчательно интересная характеристика серба въ южно-русской народной пѣснѣ.

Ой сербине чорноусый,
Чого въ тебе кафтанъ куцый?
— Суки дивки пидпоили
И кафтанъ пидкроили.
Сербинъ милый, чорнобривый,
Сербинъ не богатый —
За нымъ дивки стадомъ ходять,
Якъ товаръ рогатый.
За сербиномъ добре жити,
Що ничого не робити,
Горилочку та медъ пити,
Хорошенько походити.
У сербина вечеря:
Що-дня курка печена,
Вареники въ масли,
Черевички красни.

Ой сербине, сербиночку,
Годи сербувати:
Бери серпъ, та йди въ степъ
Пшениченьку жати!
Сербинъ того не злюбивъ,
Тилько усомъ закрутивъ,
Пишовъ, коня осидлавъ,
«Прощай, дивчино», сказавъ.
У сербина чужа хата,
Бо й самъ сербинъ, якъ гармата,
Худибоньки тильки въ ёго
Серпъ, та плахотка картата,
Чомъ сербина не любить,
Чи не подобонька?
Якъ сивъ на коня,
То й вся худобонька.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

Поправка. Въ статьѣ: Софія-премудрость Божія, стран. 561, строк. 21 и 22 напечатано: Это не женское, *но и не* мужеское лице; надо читать: Это не женское, *а* мужеское лице.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ X томѣ «Кіевской Старины» [1]).

В.

---

[1]) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

Н.

О.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

№ 10 (1884 г.)

ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе: I. *Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.* II. *Славянское Обозрѣніе.* 1) Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности, профессора *О. Ө. Миллера.* 2) Нѣсколько дней во Львовѣ и его окрестностяхъ, *И. П. К—ича.* 3) Забытый уголокъ русской земли— Буковина, *А. Л. Петрова.* 4) Обѣдъ, данный членами Славянскаго Благотворительнаго Общества въ честь галицкихъ гостей, о. I. Г. Наумовича и В. М. Площанскаго. 5) Въ области славянской музыки. Ст. II. *Д. П. Никольскаго.* 6) По поводу посѣщенія Бѣлграда румынскимъ королемъ *(корреспонденція изъ Бѣлграда).* 7) Дмитрій Матичъ, сербскій патріотъ (некрологъ), *И. П.* III. Славянскія библіографическія извѣстія. 1) Къ болгарской этпографической литературѣ, *П. А. Сырку.* 2) О культѣ Яна Непомука въ Чехіи, *Ю. С. Анненкова.* 3) Путешествіе въ страну словаковъ Р. Покорнаго, *рец. П. А. К.* IV. Объявленія.

Подписка на *«Извѣстія»* принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества, площадь Александринскаго театра, 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ *два рубля,* съ доставкой и пересылкой.

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала **«Колосья»** (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ.**

Иллюстрированный журналъ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА."

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны** и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній **Императрицы Маріи**, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоятъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей програмиѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлись-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для **Семейнаго чтенія**, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**— *рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* **«Семейныхъ Вечеровъ»** будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки).	безъ доставки 10 р.	съ доставкою 11 р. — к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ)	„ „ 5 р.	„ „ 5 р. 50 к.
Отдѣлъ для семейнаго чтенія юнош. (12кн.)	„ „ 5 р.	„ „ 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», **С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.**

*За всѣ года, начиная съ **1874**, имѣются въ немногомъ количествѣ полные экземпляры съ хромолитографированной картиной.*

Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева.**

„ВОКРУГЪ СВѢТА".

Журналъ „*ВОКРУГЪ СВѢТА*" будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравированными въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 №№ годоваго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и вмѣщающіе въ себѣ около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Ріу, Морели Монкети, Кастели, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ, Э. Бусеваръ, Макъ-Гаханъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко. С. В. Максимовъ, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Писецкій, М. Вернъ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ **интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія** въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и разсказовъ, рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, мореходства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярно-научныхъ статей, разсказанныхъ живымъ языкомъ. раскрывающихъ тайны природы:

и 3) кромѣ того, въ 1885 году всѣмъ подписчикамъ будетъ дано **шесть безплатныхъ премій:** *Двѣ картины:* а) Большая *олеографія* и *акварель,* старательно и художественно исполненныя; б) *Второй томъ живописной Россіи;* в) и г) *Исторія завоеванія Мехики,* соч. В. Прескотта (2 большихъ тома) и д) *Третій томъ сочиненій* С. С. Окрейца.

Направленіе журнала „ЛУЧЪ" остается тоже самое.

Покорнѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ вѣрить, что все возможное для улучшенія изданія будетъ сдѣлано нами. Что обѣщаемъ—непремѣнно выполнимъ.

***Подписка принимается:** въ С.-Петербургѣ, Николаевская ул., д. № 41.*

Редакторъ *С. С. Окрейцъ.*

1885 ГОДЪ. „ЭХО", ГОДЪ 1885

большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р, а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году,* сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, проѣдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побываютъ въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, проѣдутъ потомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *снимковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта,

на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные разсказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и разсказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, **двѣнадцатомъ** его изданія.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ безплатнымъ приложеніемъ **семь** рублей, полугодовая **четыре** рубля и трехмѣсячная **два** рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель **А. И. Поповицкій.**

» 4 »	5 »	— »	6 »	— »	» 10 »	11 »	— »	13 »	— »
» 5 »	6 »	30 »	7 »	50 »	» 11 »	11 »	50 »	13 »	50 »
» 6 »	7 »	— »	8 »	— »	» 12 »	12 »	— »	14 »	— »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ"

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ. седьмой) 1885

Выходитъ **еженедѣльно**, т. е. 52 нумера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; *(въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).*

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ", въ которыхъ въ теченія года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корнфеевъ иностранной литературы. Къ концу года *«Еженедѣльныя Литературныя Приложенія»* составятъ *нѣсколько томовъ* самаго интереснаго и занимательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Міра» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный рукодѣльно-модный журналъ. Въ теченія года дается: *около 500 политипажныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, бальные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата *съ безплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала **„Еженедѣльный Обзоръ“.**

По примѣру истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. **Программа**: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигіена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранные рынки. При статьяхъ помѣщаются политипажи въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе разсказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество дорого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находитъ возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою *шесть руб. въ годъ за оба изданія.* По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1-го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель- Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣнимые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помадъ, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ [illegible]ѣтовъ, растеній, плодовъ и проч.

Тутъ-же пр[illegible]даются

1) **Культура пшеницы,** монографія пр[illegible]ессора Я. Н. Калан[illegible]го. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста **„Практическій пасѣчникъ“** съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Контора редакціи помѣщается въ *С.-Петербургѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

тости русской литературы. А. И. Кирпичникова. *(Съ портретами).* Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. В. Н. Колонтаевой.—С. П. Шевковскій. Біографическій очеркъ. А. Н. Корсакова.—Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке.—Суды старые и новые. В. С. Кроткова.—Поѣздка въ Переславль. Н. И Костомарова.—Одинъ изъ трехъ праведниковъ. Н. С. Лѣскова. *(Съ портретомъ).*—Изъ воспоминаній о прошломъ. А. А. Малышева.—Отрывки изъ воспоминаній А. П. Милюкова.—Разсказы объ архимандритѣ Фотіѣ. И. Г. Мизерецкаго.—Авантюристы. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Михневича.—Средне-Колымскъ и его округъ. А. В. Оксенова. *(Съ иллюстраціями).*—Эпоха каруселей и маскерадовъ въ Россіи. М. И. Пыляева.—Сумасшедшій художникъ. К. К. Случевскаго *(Съ иллюстраціями).*—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. Путевыя записки (профес.) Н. В. Сорокина *(Съ иллюстраціями).*—Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. А. В. Старчевскаго.—Педагогическія задачи Пирогова. В. Я. Стоюнина.—Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. М. И. Сухомлинова.—Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ. З. А. Сытиной. *(Съ портретомъ).*—Проконсулъ Кавказа. Ѳ. М. Уманца. *(Съ портретами).*—Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи Ѳ. Н. Устрялова.—Среди скитницъ.—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ П. С. Усова. *(Съ иллюстраціями).*—Арматоръ прошлаго вѣка. Его же.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. К. Н. Фаврикодорова.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—С. П. Шубинскаго. *(Съ иллюстраціями).*—Алтай и его инородческое царство Н. М. Ядринцева. *(съ иллюстраціями).*

Для приложеній къ „**Историческому Вѣстнику**“ 1885 года редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія.

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; **Уильяма Гильдера,** корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». *(Съ 40 иллюстраціями).* Переводъ съ англійскаго В. Н. Майнова.

2) **Мои темницы;** воспоминанія **Сильвіо Пеллико да-Салуцци.** *(Съ 18 иллюстраціями).* Новый переводъ съ итальянскаго подлинника А. Н. Дьяконова.

Главная контора „**Историческаго Вѣстника**“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“, Невскій проспектъ, д. № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ *Зелигмюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду пополнять существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гигіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.
Издатель *Н. Л. Вилькинъ*.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА",

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ **1885 году**, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемѣсячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ — по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, библіографія*. Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранные (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й — драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ** въ 1883 году.

состоящихъ при немъ центральныхъ учрежденій, въ неофиціальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ офиціальную часть академической церковной газеты своимъ офиціальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности имѣть *въ собственномъ смыслѣ неофиціальную часть*, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофиціальной части «Церк. Вѣсти.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики,—идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофиціальная часть «Церк. Вѣсти.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* внѣшнихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *«Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ»*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *«Лѣтопись церковная»*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея епархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *«Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей»*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *«Разныя извѣстія и замѣтки»*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библіографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *«Журнальное обозрѣніе»*, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяцъ разъ); 9) *«Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей»* (два раза въ мѣсяцъ), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *«Библіографическія замѣтки»* или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библіографическихъ обозрѣній.

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачею знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественнаго вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцевъ вмѣсто шести что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованіемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по краевымъ вопросамъ), городской земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городѣ:		*Съ пересылкою въ другіе города:*	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**